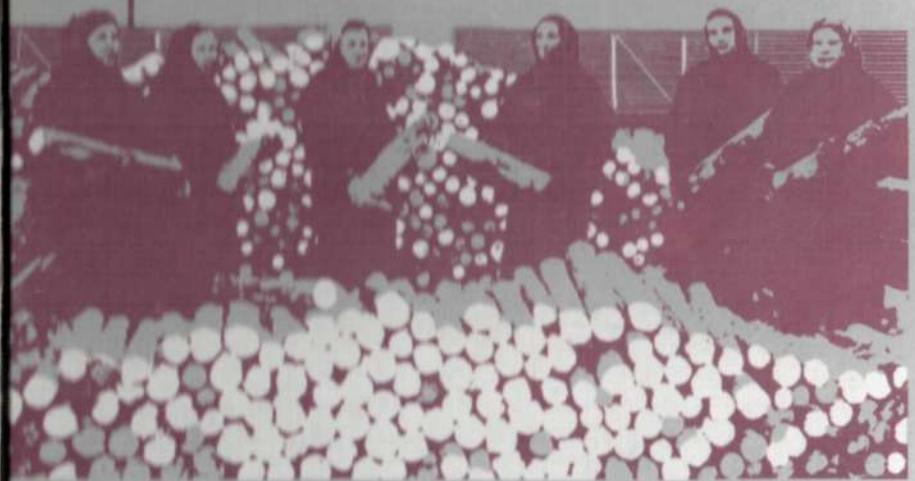

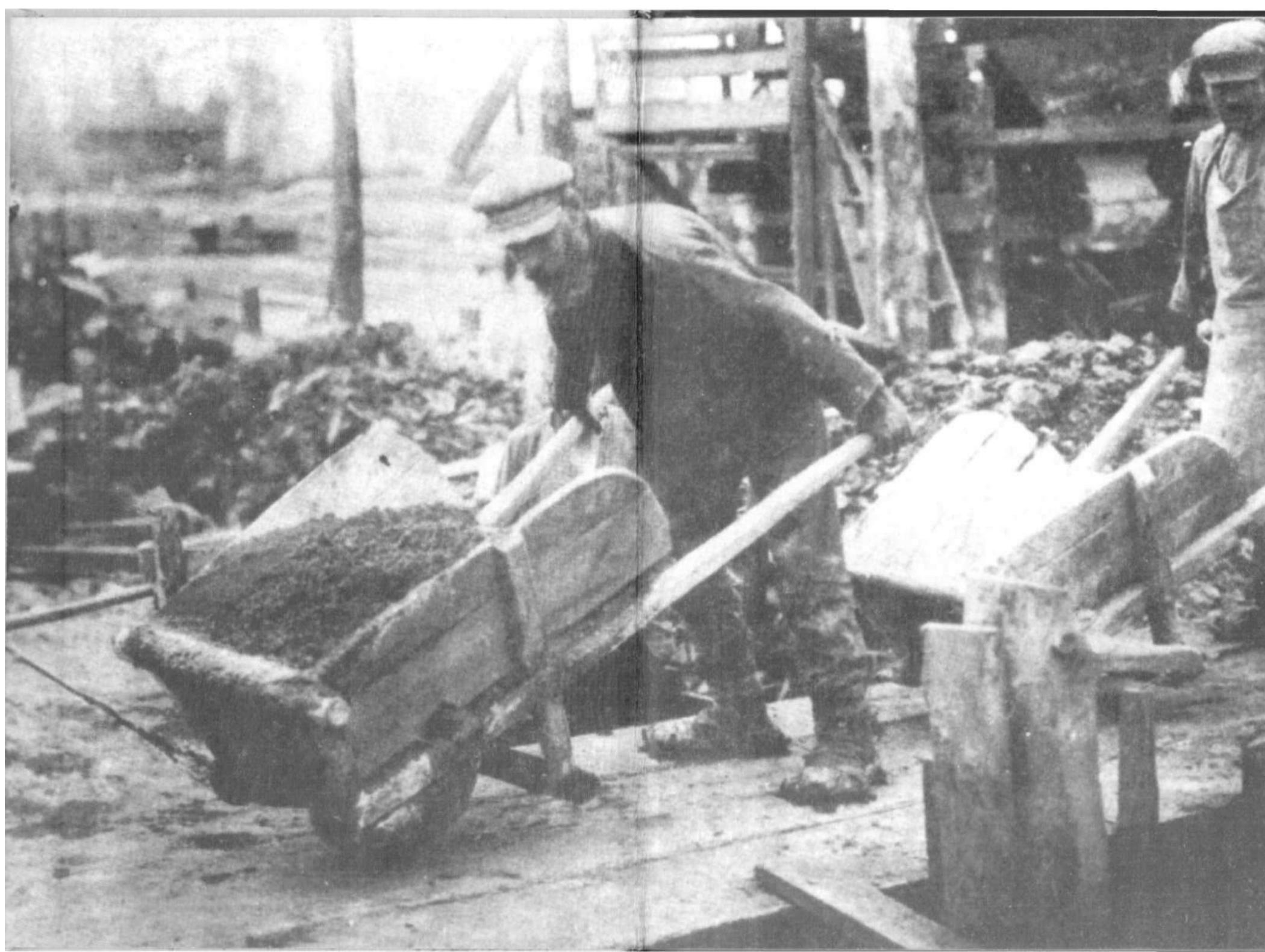
А.А. Герман
А.Н. Курочкин

НЕМЦЫ СССР в трудовой армии (1941–1945)

НЕМЦЫ СССР в трудовой армии

А.А. Герман, А.Н. Курочкин

НЕМЦЫ СССР
В «ТРУДОВОЙ АРМИИ»
(1941–1945)

DIE DEUTSCHEN DER UdSSR
IN DER «TRUDARMEE»
(1941–1945)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

А.А. Герман, А.Н. Курочкин

НЕМЦЫ
СССР
В «ТРУДОВОЙ АРМИИ»
(1941–1945)

«Женщина в трудармии». Якоб Ведель, художник и скульптор. Россия

Москва «Готика» 1998

УДК 39
ББК 63.3(2Рос)я2
Г38

ВВЕДЕНИЕ

Издание осуществлено при поддержке
Министерства национальной политики Российской Федерации

*В художественном оформлении книги
использованы графические работы
художника М.В. Дистергейта (г. Нижний Тагил)*

Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). — М.: Готика, 1998. — 208 с.

В книге исследуются проблемы использования принудительного труда советских немцев в годы Великой Отечественной войны. Главное внимание уделено так называемой «Трудовой армии» — военизированым формированиям из немцев, сочетавшим в себе элементы военной организации, производственной деятельности и гулаговского режима содержания. Рассматриваются основные этапы создания «Трудармии», места размещения трудармейцев, характер их трудовой деятельности, режим содержания, условия жизни. Отдельно нарисован социально-психологический и политический портрет трудармейца.

В основе книги лежит большой фактический материал, прежде всего архивный, часть которого впервые вводится в оборот.

Для широкого круга читателей, историков, политологов, учителей, студентов, учащихся старших классов и всех интересующихся судьбами немцев в России.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Данилов В.Н.
кандидат исторических наук, доцент Плеве И.Р.

© Герман А.А., Курочкин А.Н., 1998
© Международный союз немецкой культуры
(МСНК), 1998
© Художественное оформление. Э. Зарянский, 1998
© Оформление. Издательство «Готика», 1998

ISBN 5-7834-0029-7

Более чем пять десятилетий отделяют нас от окончания Великой Отечественной войны. Однако интерес историков к ней не угасает, а наоборот, усиливается, что в значительной мере объясняется масштабностью и неоднозначностью как самого этого исторического явления, так и его последствий.

Снятие запретов на изучение архивного материала периода войны позволяет ученым более объективно и непредвзято оценить уже хорошо известные события и, вместе с тем, открыть для себя целый ряд новых, ранее практически неизвестных сюжетов жизни СССР в военные годы. Тем самым более ясной и достоверной становится цена победы в войне. И что особенно важно в нравственном плане — устраивается долго существовавшая несправедливость, когда по различного рода соображениям умалчивалось о вкладе в Победу отдельных групп населения нашей страны.

В числе этих групп оказались «привинившиеся» народы, вся вина которых заключалась в том, что исторические корни связывали их со странами, воевавшими против СССР, — советские немцы, финны, румыны, венгры, болгары. Поскольку в этой группе народов немцы были самым многочисленным этносом, а Германия — главным противником СССР в войне, именно по немцам пришелся основной удар репрессивной машины сталинского режима.

Как известно, немцам официально было предъявлено обвинение в пособничестве агрессору¹, они были депортированы практически со всей территории европейской части СССР и переведены на положение спецпоселенцев. Советские немцы стали основным контингентом так называемой «Трудовой армии».

Сам термин «трудовая армия» был заимствован у реально существовавших в годы гражданской войны трудовых ар-

мий возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)
2-ю часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
из о. п.

Союзная Коммунистическая Партия (большевиков). Центральный комитет

№ ПЗ5/1 Членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б):
6 августа 1941 г. т.т. Андрееву, Берии, Вознесенскому, Ворошилову,
Жданову, Кагановичу, Калинину, Маленкову,
Михалкину, Молотову, Сталину, Хрущеву,
Швернику, Шербакову, Годлеву.

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК от 194 г.

Решение от 26.VII.41г.

1.- О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Стalingрадской областей.
(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:
1. Переселить всех немцев из республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Стalingрадской области общей численностью 479.841 человек в следующие края и области

Красноярский край	-	75.000	чел.
Алтайский край	-	95.000	"
Омская область	-	65.000	"
Новосибирская область	-	100.000	"
Казахская ССР	-	125.000	"

в том числе:	
Семипалатинская область	- 18.000
Акмолинская область	- 25.000
Северо-Казахстанск.обл.	- 25.000
Кустанайская область	- 20.000
Павлодарская область	- 20.000
Восточно-Казахстанск.обл.	- 17.000

Переселение подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. Предоставить НКВД СССР право привлекать к работе по переселению Наркомзем, Наркомсвязь и Переселенческое Управление при СНК СССР в центре и их органы на местах

(см.2 стр.)

мий («революционных армий труда»). Ни в одном официальном документе военных лет, служебной переписке, отчетах государственных и хозяйственных органов он не встречается. Трудармейцами стали называть себя те, кто был мобилизован и призван военкоматами выполнять принудительную трудовую повинность в составе рабочих отрядов и колонн со строгой централизованной армейской структурой, кто проживал на казарменном положении при лагерях НКВД или на предприятиях и стройках других наркоматов в огороженных и охраняемых «зонах» с воинским внутренним распорядком. Называя себя трудармейцами, эти люди, тем самым, хотели хоть как-то повысить свой социальный статус, заниженный официальными властями до уровня заключенных.

Исследователи, касавшиеся этой проблемы, не имея до недавнего времени достаточной источниковской базы, часто не видели отличия трудармейцев от общей массы мобилизованных и привлеченных к принудительному труду людей. Тем не менее такие отличия имели место.

Прежде всего, «Трудармия» комплектовалась из представителей уже упоминавшихся «пронинившихся» народов, то есть советских граждан немецкой, финской, румынской, венгерской и болгарской национальностей, хотя в ней были представлены и некоторые другие народы. При этом необходимо отметить, что если немцы оказались в «Трудармии» уже с конца 1941 — начала 1942 года, то рабочие отряды и колонны из граждан других отмеченных выше национальностей начали формироваться лишь в конце 1942 года (на основании постановления ГКО СССР № 2409cc от 14 октября 1942 года)². Положение трудармейцев отличалось более жестким режимом административного содержания, худшими условиями жизни и быта, неприязненным отношением к ним руководства и местного населения.

Нам представляется, что под «Трудовой армией» следует понимать военизированные рабочие формирования, сочетающие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, единоначалие, централизация органов

Копия, сделанная для научных целей, осталась в собственности автора. Отдается в дар научным учреждениям, находящимся в г. Москве. Адресат обязан вернуть копию в Институт истории СССР АН СССР (г. Москва, ул. Красная Пресня, 101).
— А. П. Постановление Правительства СССР № 1000 от 5.V.27 г.

управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда) и элементы ГУЛАГа НКВД («зона», охрана, административный режим содержания, нормы снабжения).

Непредвзятое изучение опыта деятельности военизованных рабочих формирований дает возможность предметно судить о средствах и цене достижения целей массовых оборонных мероприятий, методах привлечения трудовых ресурсов и направления усилий экономики на нужды фронта. Оно позволяет также проследить отдельные стороны национальной политики руководства страны в обстановке войны, уточняет наше представление о существе механизма национально-государственных отношений того времени.

Хронологические рамки функционирования «Трудармии» — годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Как представляется, можно выделить четыре этапа в истории ее существования.

Первый — с сентября 1941 по январь 1942 года. В это время на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР»³ в республике происходит трудовая мобилизация мужчин-немцев призывного возраста. Одновременно начат отзыв военнослужащих немецкой национальности из Красной Армии. Из всех этих немцев создаются строительные батальоны, которые направляются на четыре объекта НКВД: Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Кимперсайлаг и Богословстрой. Во время этого же этапа осуществляется депортация всего немецкого населения из европейской части СССР и расселение его в Сибири и Казахстане.

Второй этап — с января по октябрь 1942 года. На этом этапе происходит массовый призыв в рабочие отряды и колонны немцев — мужчин от 17 до 50 лет, первоначально тех, кто подвергся переселению, а затем и всех остальных, постоянно проживавших в восточных районах страны. Из них формируются рабочие отряды и колонны, которые придаются важнейшим лагерям и стройкам НКВД.

Третий этап — с октября 1942 по декабрь 1943 года — характеризуется проведением самой массовой мобилизации советских немцев, к которой привлекались не только мужчины, но и женщины-немки. На этом этапе рабочие отряды были сформированы не только при лагерях и стройках НКВД, но и на предприятиях других наркоматов и ведомств. Наибольшее их количество находилось в наркоматах угольной и нефтяной промышленности, боеприпасов и строительства. Всего военизованные формирования из граждан СССР немецкой национальности функционировали в 34 наркоматах.

Четвертый этап — с января 1944 года до ликвидации «Трудармии» (в основном в 1946 году). На заключительном этапе значительных по количеству призывов немцев уже не проводится и пополнение рабочих отрядов и колонн идет за счет прибытия на территорию СССР бывших советских граждан немецкой национальности, депатрированных из освобожденных Красной Армией стран и Германии.

Размещались военизованные формирования из советских немцев практически на всей территории СССР. В силу конкретных обстоятельств хода войны и концентрации, в связи с этим, военной промышленности и добывающих отраслей народного хозяйства в восточных районах страны, подавляющая часть рабочих отрядов и колонн из немцев была сформирована и функционировала на Урале и в Сибири. Достаточно большое число их имелось на территории европейской части СССР и в Казахстане. На территории других регионов бывшего СССР военизованные формирования из советских немцев не имели широкого распространения и были малочисленны по своему составу.

Долгое время о «Трудармии» мы могли узнать только от самих трудармейцев, которых, к большому сожалению, становится все меньше и меньше. Это был самый доступный источник информации. Некоторые воспоминания трудармейцев опубликованы в советской и российской немецкоязычной прессе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, в некоторых мемуарных изданиях⁴.

Писать о «Трудармии» до самого конца 1980-х годов запрещалось. Доступ к источникам, проливающим свет на ее проблемы, был плотно закрыт. И только в последние несколько лет появилась возможность пользоваться рассекреченными документами спецхрана, вследствие чего опубликована лишь незначительная часть из хранящихся в архивах материалов. Отдельные, наиболее известные документы опубликованы на страницах все той же немецкоязычной прессы, в отдельных сборниках документов.

Из архивов, где хранятся материалы о «Трудовой армии», прежде всего следует отметить Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). В фонде 644 — «Постановления Государственного Комитета Обороны СССР 1941–1945 гг.» — хранятся все основные постановления, касающиеся пребывания немцев в военизированных формированиях. Нормативные документы ГКО СССР позволяют не только составить представление о формировании рабочих отрядов и колонн, но и проследить роль высших эшелонов власти в постановке основополагающих задач, регламентировавших службу трудармейцев за весь период войны.

Больше всего документов по «Трудармии» хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Огромную ценность представляет комплекс рассекреченных документов фондов: № 9479 — «Отдел спецпереселений (4-й спецотдел) НКВД — МВД СССР, 1930–1959 гг.», № 9401 — «Приказы НКВД — МВД СССР, 1934–1966 гг.», № 9414 — «Главное управление лагерей НКВД СССР». Тысячи документов этих, долгое время закрытых, фондов позволяют составить объективное представление о всех важнейших событиях, явлениях и процессах, происходивших в основных сферах жизнедеятельности рабочих отрядов и колонн из мобилизованных немцев. Изучение документальных материалов этих фондов как раз и позволило нам дать определение «Трудовой армии», приведенное выше.

В фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) имеется большое количество документов,

характеризующих численность рабочих колонн, места их дислокации, материально-бытовые условия жизни и условия труда, медицинское обслуживание, вещевое и продовольственное снабжение и другие стороны жизни и деятельности мобилизованных немцев.

Всестороннее исследование проблем военизированных формирований из советских немцев было бы неполным без использования материалов, хранящихся в республиканских, краевых и областных архивах, в фондах крайкомов и обкомов ВКП(б), край- и облисполкомов, в фондах комбинатов, трестов, предприятий, использовавших труд мобилизованных немцев. Они содержат интереснейшую информацию о составе, социальном положении, образовании, семейном положении, гражданской специальности с указанием объектов (лагерей и строек НКВД, предприятий и строек других наркоматов), где работали трудармейцы.

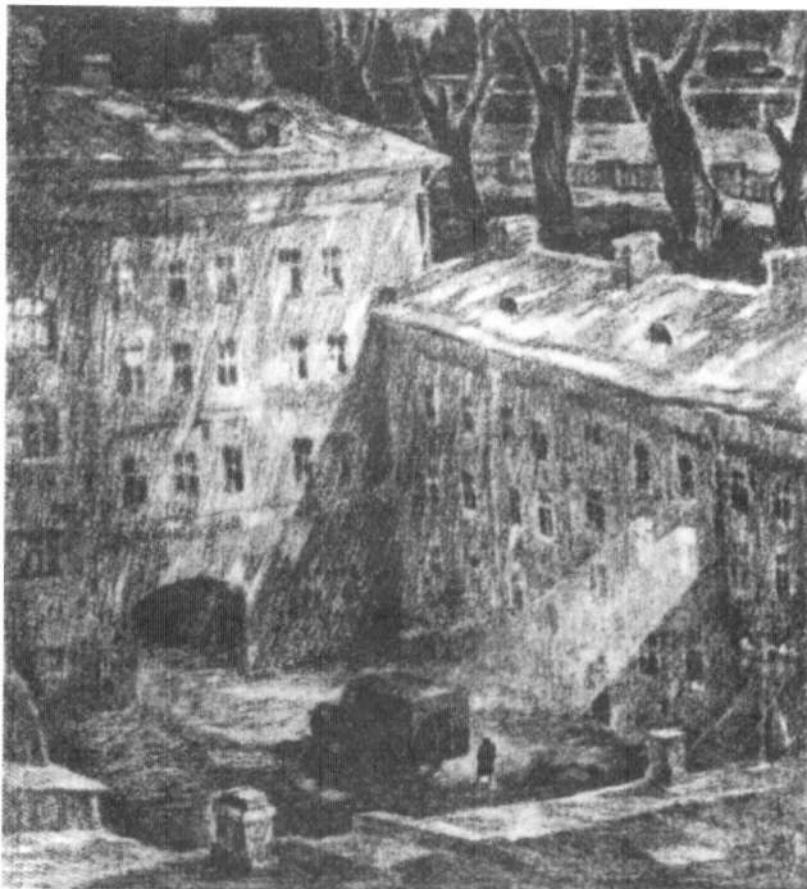
Изучение многих из названных выше фондов, дел, конкретных документов дало возможность авторам настоящей монографии получить цельное и достаточно полное представление о сущности, содержании, характере принудительного трудового использования советских немцев в годы Великой Отечественной войны.

В книге рассматривается положение немецкого населения СССР накануне и в годы войны, организация и размещение военизированных формирований (рабочих отрядов и колонн) из граждан СССР немецкой национальности, характер трудового использования и режим содержания трудармейцев, условия жизни и быта советских немцев в «Трудовой армии».

Авторы выражают глубокую признательность работникам архивов, в которых они работали, за предоставление возможности использовать новые документальные материалы, позволяющие открыть многие ранее неизвестные страницы жизни советских немцев в годы Великой Отечественной войны, а также всем, кто оказал помощь в подготовке этой книги к изданию.

Глава 1

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СССР НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

II

ервые упоминания о немцах на Руси появились еще в конце первого тысячелетия нашей эры. Эти пришельцы в основном были торговцами. С конца XII века в русских городах начинают оседать ремесленники, врачи, ученые, военные. В царствование Петра I на его призыв приехать в Россию откликнулись сотни военных, ученых, учителей, художников, архитекторов, помогавших ему крепить могущество и славу России.

И все же подлинная история российских немцев начинается с массового переселения в нашу страну немецких колонистов во времена Екатерины II. В 1763 году она издает Манифест, которым призывает иностранцев, прежде всего крестьян, переселяться в Россию для освоения пустующих окраинных территорий страны¹. Колонистам гарантировали ряд привилегий: свободу вероисповедания, освобождение от воинской службы, льготные условия уплаты налогов, юридическое самоуправление. Манифест нашел широкий отклик прежде всего в германских государствах, разоренных многолетней войной. Немецкие крестьяне, страдавшие от безземелья и притеснения своих господ, поверили сказочным обещаниям российской императрицы и широким потоком хлынули в Россию. С 1764 года и почти 50 лет шло переселение немцев в Поволжье. По обоим берегам Волги недалеко от Саратова было основано 105 колоний, в которых поселились 27 тыс. ино-

странцев, в подавляющем большинстве — немцев. Одновременно немцы селились в Петербурге и его окрестностях, в Черниговской, Воронежской и Лифляндской губерниях.

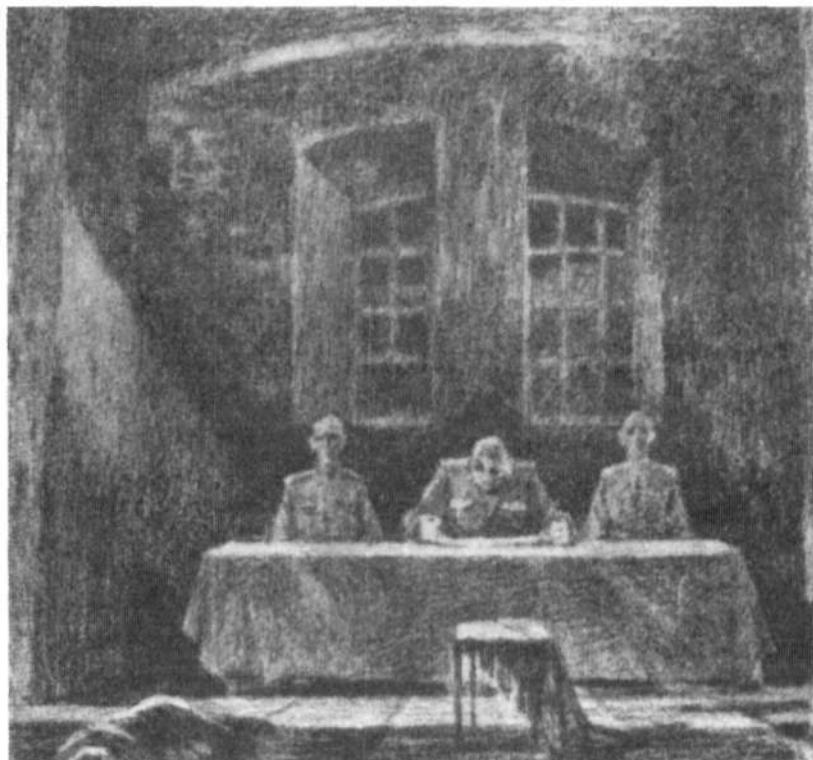
С конца XVIII века и почти до середины XIX века колонисты активно заселяли Северное Причерноморье (Малороссию, Новороссию, Бессарабию и Крым). Волнами с 1816 по 1864 год немцы переселялись на Волынь. Ныне все эти районы относятся к Украине. Примерно в то же время появились немецкие колонии в Закавказье. В середине XIX века еще одна волна переселенцев из Пруссии осела на Волге — в Самарской губернии².

Переселенцы принадлежали к различным религиозным конфессиям. Среди них были католики, лютеране, баптисты, меннониты и др. Они не смешивались между собой, как не смешивались и с окружавшим их русским, украинским и другим населением. Замкнутая жизнь колонистов позволила им сохранить свою самобытность.

Начиная примерно с 1860 года немецкие колонисты под влиянием ряда факторов (прежде всего — нехватки земли) из мест первоначального поселения начинают миграцию более или менее организованным порядком в восточном направлении: на Дон и Северный Кавказ, в Башкирию и Оренбургскую губернию и далее в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Там образуются новые дочерние колонии. За это же время и в Поволжье появляется еще свыше 60 дочерних колоний.

Следует отметить, что в подавляющем своем большинстве, за небольшим исключением, места поселения немцев отличались далеко как не благоприятными природными условиями. Тем не менее в постоянной борьбе с суровой природой и засушливым климатом, неустроенностью, болезнями, голодом, набегами кочевников, стойко перенося все превратности бюрократического самодержавного управления, колонисты создали высокопродуктивные хозяйства, чем способствовали подъему экономики России, укреплению ее славы как великой хлебной державы.

К началу XX века российские немцы играли заметную роль также в промышленности, науке, культуре, военном деле. Это даже давало повод некоторым реакционно-националистически настроенным деятелям России говорить о «немецком засилье» в государстве³. Такие настроения начали нарастать с конца XIX века, когда Германия объединилась, усилилась, превратилась в крупную мировую державу и стала представлять определенную

угрозу безопасности России. Интересы двух великих держав сталкивались между собой по целому ряду экономических, политических, военных и других проблем.

К началу XX века немцы по численности занимали в России девятое место, их насчитывалось 1,8 млн. Согласно переписи населения 1897 года по регионам они распределялись следующим образом: в Поволжье — 396 тыс. человек, в Царстве Польском — 407 тыс., в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях — 378 тыс., в Волынской губернии — 171 тыс., в Прибалтике — 166 тыс., в Санкт-Петербурге — до 50 тыс. человек. Много немцев проживало в Финляндии, Бессарабии, Закавказье, на Северном Кавказе, в Белорусско-Литовском регионе, было рассеяно по городам европейской части России⁴.

XX век принес народам две кровопролитные мировые войны, в которых Россия (а затем СССР) и Германия оказались по разные стороны линии фронта, и этот факт самым трагическим образом отразился на судьбе потомков германских переселенцев.

С началом первой мировой войны на российских немцев обрушивается волна антинемецкого шовинизма, травли, клеветы и недоверия, поощрявшаяся правительством. В отношении них принимается ряд дискриминационных актов: запрещаются все немецкие общественные организации, немецкоязычные издания, публичные разговоры на немецком языке. Ликвидируется немецкая топонимия. Все немецкие поселения получают русские названия. Мобилизуют немцев на военную службу, их направляют на турецкий фронт, большей частью во вспомогательные подразделения⁵.

2 февраля 1915 года российское правительство принимает закон об экспроприации земельных владений лиц немецкой национальности в западных губерниях. Позднее закон распространяется и на другие регионы. В 1915–1916 годах проводится частичная депортация немецкого населения из западных губерний (прифронтовой полосы) в Поволжье, на Урал, в Сибирь. 13 декабря 1915 года пра-

вительство готовит указ, согласно которому подлежали выселению в Сибирь и немцы Поволжья. Выселение планировалось начать с весны 1917 года. Этому помешала Февральская революция⁶. Она отменила или приостановила действие всех дискриминационных актов в отношении российских немцев.

В период между февралем и октябрем 1917 года на волне демократических процессов в России возникло и получило определенное развитие немецкое национальное движение. В Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Саратове возникли немецкие общественно-политические организации; в качестве программных установок выставлявшие требования отмены «ликвидационных» законов 1915 года, прекращения дискриминации немецкого населения в России, создания условий для развития национального языка, образования, культуры⁷. Эти требования не выходили за рамки национально-культурной автономии.

Как известно, демократическое движение в России было остановлено большевистским переворотом в октябре 1917 года. Он нанес удар и по демократическим немецким организациям, запретив их как буржуазные.

Национальная политика большевистского режима с самого начала опиралась на два в принципе взаимоисключающих друг друга основания. С одной стороны, — «свободное самоопределение наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств», с другой — установки на постепенное исчезновение национального начала как главного препятствия на пути к коммунистическому универсализму. В практической политике второе всегда доминировало над первым. Противоречия в теории неизбежно вели к неразберихе, путанице, непоследовательности на практике. Яркий пример — политика в отношении российских немцев.

Проведенная новой властью в конце 1917 — начале 1918 года «красногвардейская атака на капитал», практика массовых конфискаций продовольствия и имущества в немецких колониях, политические репрессии существенным об-

разом задели интересы значительной части немецких граждан: предпринимателей, «среднего класса», крестьянства и вызвали всеобщее настроение реэмиграции, бегства от большевистского режима. Такое настроение немцев опиралось на определенные правовые гарантии, которые они получили на основании статей 21 и 22 дополнительного договора между Россией и Германией, подписанного вместе с основным договором 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. Немецким гражданам России по их желанию разрешалось в течение десяти лет после подписания договора реэмигрировать в Германию с переводом туда своих капиталов⁸.

Чтобы предотвратить массовый исход немцев из России, большевики вынуждены были обратиться к «немецкому» вопросу. Выходом, позволившим изменить реэмиграционные настроения, посеять определенные иллюзии среди российских немцев, прежде всего интеллигенции и крестьянства, стало создание «немецкого самоуправления на социалистических началах», нашедшего свое воплощение в немецких национально-территориальных образованиях в России. В октябре 1918 года была образована автономная область («Трудовая коммуна») немцев Поволжья (с января 1924 года — Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья)⁹, несколько позднее — в начале 1920-х годов — ряд национальных немецких районов на территории Украины, в Сибири и других регионах компактного проживания немцев¹⁰.

В указанных выше национально-территориальных образованиях, при внешней видимости «национального» самоуправления, на самом деле с помощью своих ставленников — местных немцев-большевиков — и присланных им в поддержку «коммунистов-интернационалистов» (как правило, леворадикально настроенных военнопленных Германии и Австро-Венгрии) советское руководство в полной мере и теперь уже беспрепятственно проводило ту же самую авантюристическую политику, что и по всей стране.

Военный коммунизм (особенно его элемент — «продразверстка», проводившаяся повсеместно в форме поваль-

ного и насильственного изъятия всего продовольствия у крестьян), массовый голод в зерновых районах (следствие двухлетней продразверстки), гражданская война привели к многочисленным жертвам среди немцев, серьезно подорвали хозяйство колонистов. Только в Поволжье от голода 1920–1922 годов умерло до 150 тыс. немцев. Если в 1914 году крестьяне, относившиеся к кулакам и середнякам, среди поволжских колонистов составляли 89,5%, то в 1923 году — всего 16,6%¹¹. Политика новой власти привела к уравниванию благосостояния крестьянства на самом низшем, нищенском уровне.

Немецкие крестьяне активно участвовали в антибольшевистских восстаниях весной 1921 года. В частности, в руках восставших оказалась практически вся Область немцев Поволжья, за исключением городов Марксштадт и Бальцер. Восстания охватили немецкие районы Украины и Сибири. Выступления крестьян были жестоко подавлены, многие сотни участников восстаний — расстреляны, их семьи попали в концлагеря.

1923–1928 годы в условиях новой экономической политики стали самыми благополучными для жизни немецкого населения СССР за весь межвоенный период. Это отмечают многие исследователи¹².

Успешно восстанавливалось крестьянское хозяйство, неуклонно продвигаясь к уровню 1914 года, широкое развитие получили различные формы кооперации, улучшились условия жизни, минимальными были политические репрессии. В Республике немцев Поволжья и национальных немецких районах проводилась политика «коренизации», повышавшая статус и роль немецкого языка в общественной жизни¹³.

Однако и в то время сдерживающим фактором в развитии немецкого села оставалась «классовая политика». Страх перед возможным усилением кулака заставлял большевистский режим ограничивать и ущемлять крупные крестьянские хозяйства. В то же время большие государственные средства, вкладывавшиеся в бедняцкие хозяйства, использовались неэффективно.

Как известно, «кризис хлебозаготовок» (он имел место также в Немецкой Республике и в немецких районах) сталинское руководство СССР использовало в качестве повода для возврата к военно-коммунистическим методам хозяйствования. Новая «чрезвычайщина» в немецких селах началась с конца 1927 года и осуществлялась очень жесткими методами. Волна репрессий вновь охватила немецкие села Украины, Поволжья, Сибири, других регионов. Таким образом коммунистический режим готовил «условия» для перехода к сплошной коллективизации.

Новый государственный грабеж, репрессии вызвали массовый протест немецких крестьян. Возникло мощное реэмиграционное движение советских немцев, которое жестоко пресекалось. Тем не менее свыше 13 тыс. желавших покинуть СССР немцев собрались осенью 1929 года в Москве и Подмосковье, пытаясь добиться разрешения на выезд. «Московская эпопея» немецких колонистов продолжалась несколько месяцев. Лишь около 6 тыс. человек получили такое разрешение, остальные были насилено возвращены в места своего прежнего проживания¹⁴. Акция получила негативный резонанс за рубежом, дискредитировала в глазах мировой общественности советский режим. Естественно, это советские руководители немцам простить не могли. Отсюда — начало массовых репрессий против немцев по национальному признаку.

В 1929–1931 годах в ходе коллективизации немецкие крестьяне подверглись новым неслыханным насилиям. Их лишили земли, отобрали собственность, загнали в колхозы, где они фактически находились на положении крепостных. Коллективизация вызвала новые массовые протесты и антиколхозные выступления немецких крестьян, вплоть до восстаний, практически во всех регионах их компактного проживания. Все они были жестоко подавлены. При этом использовались даже регулярные воинские части. Тысячи крестьян были арестованы и репрессированы. Наиболее состоятельные крестьяне подверглись «раскулачиванию» (то есть полной конфискации всего имущества и выселению). В ходе кампании по раскулачиванию только в Республике

немцев Поволжья были разорены и высланы в Сибирь и Казахстан свыше 25 тыс. человек¹⁵.

Одновременно с коллективизацией в СССР была развернута беспрецедентная антирелигиозная кампания, в ходе которой закрывались и разрушались церкви и молельные дома, священнослужители репрессировались. Этот вандализм захватил и немецкие села. Причем следует отметить, что весь произвол и насилие в немецких селах творился не кем-то со стороны. Их осуществляли тоже немцы, односельчане — коммунисты, комсомольцы и «сочувствующие» им.

Коллективизация нанесла огромный урон сельскому хозяйству немецких районов. Так, в Республике немцев Поволжья были уничтожены тысячи самых продуктивных крестьянских хозяйств, более чем в два раза сократилось поголовье скота. Колхозы, только еще становившиеся на ноги, были не в состоянии компенсировать потери сельскохозяйственного производства. Однако государство, не учитывая произошедших на селе изменений, безжалостно забирало оттуда продовольствие. По сути дела, в 1930–1932 годах вновь проводилась продразверстка, сопровождавшаяся вопиющим попранием самых элементарных прав людей, в том числе и права на жизнь. Особо жестокий характер она имела осенью 1932 года.

Как и в 1921 году, подобная преступная политика большевистского режима опять привела к массовому голodu, достигшему своего апогея зимой и весной 1933 года. Наиболее жестоко голод свирепствовал на территории Украины и в Поволжье.

К сожалению, до сих пор не удалось установить точное число жертв голода начала 1930-х годов среди советских немцев. Известно лишь, что в Республике немцев Поволжья голодной смертью умерло свыше 55 тыс. человек¹⁶. Проведенный нами приблизительный подсчет говорит, что всего в СССР в те годы погибло от голода и болезней не менее 200 тыс. немцев.

Советское руководство пыталось скрыть факт массового голода в СССР. Однако именно немцы, посылая письма сво-

им родственникам в Германию, США, Канаду, Аргентину, другие страны, поведали миру об этом ужасе. События в Советском Союзе серьезно взволновали общественность Германии. Руководство этой страны осуществило ряд дипломатических демаршей. В июне 1933 года в Берлине была организована выставка писем голодающих немцев из СССР, которая вызвала настоящий шок у ее посетителей. Под давлением мирового сообщества и международной общественности советское руководство вынуждено было разрешить «частную помощь» конкретным лицам в виде продуктовых посылок и денежных переводов в немецких марках и долларах США¹⁷.

Такая помощь стала поступать в голодающие районы с конца 1933 года и приняла значительный размах. Сложившееся положение вызвало резко негативную реакцию Сталина и его окружения. Вынужденно согласившись на предоставление иностранной благотворительной помощи советским немцам, они вовсе не собирались молча наблюдать за этим процессом. Виновники их позора на международной арене должны были за это жестоко ответить.

5 ноября 1934 года Центральный Комитет Коммунистической партии направил в республики, края и области специальную секретную директиву, в которой обвинил советских немцев в контрреволюционной деятельности и потребовал применения к распространителям и получателям иностранной благотворительной помощи самых суровых репрессий, вплоть до расстрела¹⁸. С конца 1934 года началась жестокая кампания «борьбы с фашистами и их пособниками». Фашистами называли тех, кто получал и распространял иностранную помощь, пособниками фашистов — тех, кто ею пользовался. Против немецких граждан СССР был развязан моральный и физический террор. Только в ноябре—декабре 1934 года в Немецкой Республике было репрессировано 187 таких «фашистов»¹⁹. Наиболее трагические последствия эта кампания имела в Сибири. Масштабы расстрелов немецких крестьян, проводившихся там, просто потрясают. Во многих селах уничтожалось почти все мужское население²⁰.

Захватил советских немцев и «большой террор» 1936–1938 годов. В тот период больше всего пострадали партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и другие функционеры немецкой национальности, немецкая интеллигенция. В АССР немцев Поволжья за 1936 год и первую половину 1937 года за «контрреволюционную деятельность» было арестовано 145 ответственных работников, среди них секретарь Немобкома ВКП(б) Е. Фрешер, председатель Совнаркома АССР НП Г. Люфт, председатель Госплана республики И. Бельц, нарком местной промышленности В. Суппес, заведующий отделом агитации и пропаганды обкома А. Миллер и др.²¹

Репрессии захватили и простых тружеников. «Нас выстроили во дворе тюрьмы и всем без всякого суда по спискам объявили один приговор — 10 лет заключения», — так рассказала о своем «процессе» крестьянка-католичка П. Биглер, проведшая долгие годы в лагере Сухово-Безводное в Горьковской области²². И это был еще не худший вариант судьбы. В Одесской области в ходе репрессий в 1937–1938 годах немцев-колонистов почти ежедневно расстреливали десятками. Списки были опубликованы в газете «Нойес Лебен» и включали в себя фамилии около 1900 казненных²³.

С 1934 г. в рамках кампании «борьбы с фашизмом» большевистский режим начал мощное наступление на национальную культуру немцев, на любые проявления национальной специфики. Запрещались и преследовались многие национальные традиции, обычаи, вплоть до исполнения народных песен. Были обвинены в «национал-фашизме» известные деятели науки, образования, культуры. Все они подверглись репрессиям. Особенно пострадали в этой кампании учителя, преподаватели техникумов и вузов, ведь они составляли основную часть немецкой интеллигенции.

Проведение репрессий в предвоенные годы сопровождалось выселением отдельных категорий граждан СССР, среди которых были и советские немцы. Еще в начале 1930-х годов краевым, областным исполкомам, правительствам со-

юзных и автономных республик было предоставлено право выселения бывших кулаков из районов сплошной колханизации «за срыв и саботаж хлебозаготовок», городских жителей, отказавшихся в ходе проводившейся паспортизации от требований властей по мотивам неблагонадежности покинуть свое место жительства. Выселению подлежали и заключенные «в порядке разгрузки» мест заключения из числа осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет, кроме «особо социально опасных». Все перечисленные категории граждан были отнесены к так называемым трудпоселенцам. Им определялись места поселения, которые запрещалось покидать, они ограничивались в гражданских правах.

Административное управление трудпоселками осуществлялось комендантом поселка и районными комендатурами НКВД. С началом войны коменданты получили указание усилить охрану трудпоселков, запретить даже кратковременные отлучки трудпоселенцев и их переписку с родственниками. Дважды в день проводились проверки всего населения трудпоселков. По состоянию на декабрь 1941 года на трудпоселении находилось 12 575 семей двадцати двух национальностей, в их числе 7067 немецких семей²⁴. Из приведенных цифр особенно наглядно проглядывает особая «любовь» режима к советским немцам.

Проявляя «революционную бдительность», 28 апреля 1936 года Совнарком СССР принял совершенно секретное постановление № 776-120сс «О выселении из Украинской ССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Согласно этому постановлению трудпоселенцами стали 45 тыс. «политически неблагонадежных» граждан СССР польской и немецкой национальностей²⁵.

Начиная с 1937 года депортировалось группами немецкое население из отдельных областей Восточной Украины. Английский исследователь Р. Конквест приводит факт полного выселения жителей села Гальбштадт Запорожской области, как «шпионов»²⁶.

По переписи 1939 года в СССР проживало 1 427 232 гражданина немецкой национальности. Больше всего немцев находилось в Украине — 392,7 тыс. (в границах на 1 января 1939 года), в АССР немцев Поволжья их было 366,7 тыс., в Казахстане — 92 тыс. человек. География расселения немцев простиралась от западных границ Советского Союза до Приморского и Хабаровского краев на востоке, от Архангельской и Мурманской областей на севере до Закавказья и Средней Азии на юге. На территории РСФСР немцы проживали в 34 краях, областях и автономных республиках. Большинство немцев, живавших за Уралом, в Казахстане и Средней Азии, были высланы туда в период коллективизации. Так, в Читинской области перед началом войны проживало 166 немцев. Все они числились трудпоселенцами, как бывшие кулаки²⁷.

22 июня 1941 года советские немцы, как и все население СССР, узнали о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны. Следует отметить, что несмотря на многочисленные злодействия сталинского режима против граждан немецкой национальности, чувство патриотизма и возмущения агрессией охватило значительную часть немецкого населения. Начавшаяся мобилизация мужчин призывных возрастов в Красную Армию и отправка их на фронт немцев, однако, не затрагивала, что вызывало их недоумение. Немцам объясняли, что сейчас пока требуется граждане с определенной военной специальностью. Неуклюжее объяснение вызывало обиду, недовольство и даже возмущение молодежи.

В дальнейшем мобилизация советских немцев производилась в очень ограниченном количестве и в строго индивидуальном порядке. Как правило, это были члены партии, которые направлялись на специальную политическую работу. Тем не менее в действующей армии находились немцы, призванные туда до начала войны. По данным Н.Ф. Бугая, в РККА во время войны служило 33 516 военнослужащих немецкой национальности, в том числе 1605 офицеров²⁸. И хотя с конца 1941 года всех немцев-военнослужащих начали из армии изымать, все же в самые трудные военные месяцы лета и

осени 1941 года они воевали на фронте, и многие из них сумели за этот короткий срок проявить свой высокий патриотизм, продемонстрировать такие качества, как мужество, отвага, героизм, высокое воинское мастерство. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года орденом Ленина был награжден командир дивизии полковник Н. Гаген, орденом Красного Знамени — командир танкового батальона старший лейтенант А. Шварц. В том же месяце газета «Комсомольская правда» поместила статью о красноармейце Г. Неймане, сбившем четыре вражеских «юнкерса», под заголовком «Мы отомстим за тебя, товарищ!» рассказала о подвиге красноармейца Генриха Гофмана, поместив фотографию обгоревшего, с пятнами крови, проколотого штыком комсомольского билета Генриха²⁹.

Вместе с тем среди советских немцев, жестоко пострадавших от большевистского режима, не могло не быть и тех, кто желал ему поражения в войне. Такие настроения проявлялись в «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываниях отдельных граждан. Практически все такие разговоры фиксировались разветвленной сетью осведомителей, о них сообщалось в соответствующие партийные органы, вплоть до Политбюро ЦК ВКП(б).

Допускавшие «враждебные» высказывания лица подвергались суровым репрессиям. Так, в Республике немцев Поволжья с 22 июня по 10 августа 1941 года было арестовано 145 человек, в том числе по обвинению в шпионаже — 2, в террористических намерениях — 3, в диверсионных намерениях — 4, участии в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях — 36, распространении пораженческих и повстанческих высказываний — 97. «Открытых контрреволюционных проявлений» по республике выявлено не было³⁰.

Одной из первых реакций руководства СССР на нападение Германии стала эвакуация советских немцев из прифронтовых территорий, а также последующая их депортация из всех областей европейской части страны в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Первой значительной акцией подобного рода стало выселение 60 тыс. немцев из Крыма. По постановлению Совета по эвакуации СЭ-75с от 15 августа 1941 года немецкое население Крымской АССР эвакуировалось в Орджоникидзевский край с расселением в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах³¹. Эвакуация проходила поспешно и непродуманно, в чем признавались сами работники НКВД, проводившие операцию. Как отмечал в письме в вышестоящий орган заместитель начальника 12-го отдела Орджоникидзевского краевого управления НКВД СССР Гусев, в «ряде районов Крыма (Алуштинском, Ялтинском и др.) допускалась совершенно ненужная спешка, эвакуированным, как правило, не говорилось, куда они вывозятся, сколько времени будут в пути, какой запас нужно взять с собой продуктами питания»³². В результате, через два-три дня большинство эвакуированных из городской местности остались без питания, что, естественно, вызывало недовольство. При отправлении эшелонов начальники эшелонов не назначались. Подчас в одном эшелоне находилось несколько человек, считавших себя старшими. Такое положение создавало обстановку хаоса и вносило сумятицу в работу дежурных по станциям, так как к ним одновременно обращались вместо одного начальника много старших и просто едущих в эшелоне граждан. По сообщению УНКВД Орджоникидзевского края, из Крымской АССР прибыло 50 тыс. немцев. Кроме того, 3 тыс. крымских немцев эвакуировали в Ростовскую область³³. Оставшиеся в Крыму по той или иной причине немцы переселялись позднее, в мае—июне 1944 года, вместе с крымскими татарами, греками, армянами и болгарами.

После эвакуации немцев из Крыма наступил черед пиволжских немцев. 26 августа 1941 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»³⁴. Согласно этому постановлению переселению подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских районов, в следующие местности: в Красноярский

край — 70 тыс. человек, в Алтайский край — 91 тыс., в Омскую область — 80 тыс., в Новосибирскую область — 92 тыс., в Казахскую ССР — 100 тыс. человек.

В соответствии с Инструкцией по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Стalingрадской областях, переселенцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный инвентарь, продовольствие, всего весом до одной тонны на семью. Постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были сдаваться по оценочному акту специальным комиссиям. Процесс переселения немцев Поволжья подробно освещен в монографии одного из авторов настоящей книги³⁵.

Видимость законности готовившемуся гигантскому по масштабам репрессивному мероприятию придал официально опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот документ дал идеологическое и политическое обоснование решению советского руководства о депортации поволжских немцев, безосновательно и абсурдно утверждая, что в районах Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья»³⁶. Прошло уже более 55 лет, однако до сих пор не найдено ни одного документа, как в Германии, так и в нашей стране, который бы хоть как-то свидетельствовал о наличии каких-либо заговорщических связей между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днепре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье.

Депортация поволжских немцев была осуществлена в период с 3 по 20 сентября 1941 года. Всего было выселено 438,6 тыс. немцев, в том числе из АССР немцев Поволжья — 365,7 тыс., из Саратовской области — 46,7 тыс., из Стalingрадской области — 26,2 тыс. человек. Операцию обеспечивали подразделения войск НКВД и милиции общей численностью 12,3 тыс. человек. В целях «профилактики»

органами НКВД было арестовано 349 человек, признанных «антисоветскими элементами»³⁷.

Еще в ходе выселения постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 6 сентября 1941 года Республика немцев Поволжья была ликвидирована, а ее территория поделена между Саратовской и Стalingрадской областями. 7 сентября 1941 года по этому поводу был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР³⁸.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года предписывало осуществлять переселение немцев целыми колхозами, однако первые же меры по подготовке и проведению депортации показали нереальность этого замысла и невозможность его практического осуществления. Поэтому 12 сентября 1941 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято еще одно постановление по немцам Поволжья — «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». В нем местным партийным и советским органам разрешалось вселять немцев «в существующие колхозы не целыми колхозами, а группами хозяйств от 10 и выше»³⁹, то есть вместо поколхозного был принят посемейный принцип размещения депортированных немцев. Этот принцип стал применяться и при проведении всех последующих операций по депортации немцев, причем он был распространен не только на Казахстан, но и на все другие места вселения немцев.

В дальнейшем сам порядок депортации немцев из европейской части СССР также несколько изменился. Решение о депортации принимал Государственный Комитет Обороны СССР и даже более низкие инстанции: руководство НКВД, военные советы фронтов.

Механизм депортации, как правило, был следующий. Предварительно органы НКВД проводили учет всего немецкого населения, проживающего в зоне предстоящего выселения, полученные результаты докладывались в Наркомат. Далее, на имя И. Сталина направлялась докладная записка за подписью наркома внутренних дел Л. Берия, в которой указывалось общее количество немцев, проживающих в зоне выселения, численность «антисовет-

ского элемента» и предложение об аресте, порядок переселения немцев на новые места. К записке прилагался проект постановления Государственного Комитета Обороны с конкретными указаниями по проведению переселения. После подписания И. Сталиным постановление приобретало силу закона и подлежало немедленному исполнению. Исполнение постановления ГКО СССР возлагалось на органы НКВД. Следом за постановлением Л. Берия издавал приказ по своему ведомству, в котором определялись конкретные мероприятия, обеспечивающие претворение в жизнь решения ГКО.

Таблица 1

Постановления ГКО СССР о депортации немцев из европейской части Советского Союза⁴⁰

Республики, края и области, откуда выселялись немцы	Номер и дата принятия постановления
Москва, Московская и Ростовская области	636 от 6 сентября 1941 г.
Тульская область, Краснодарский и Орджоникидзевский края, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР	698 от 21 сентября 1941 г.
Запорожская, Ворошиловградская и Сталинская области Украинской ССР	702 от 22 сентября 1941 г.
Воронежская область	743 от 8 октября 1941 г.
Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР	744 от 8 октября 1941 г.
Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР	827 от 22 октября 1941 г.

Без специального решения ГКО СССР депортация немцев проводилась из Одесской и Днепропетровской областей Украины, из Горьковской, Куйбышевской, Ленинградской, Калининской областей, города Ленинграда, Калмыцкой АССР. Как правило, она осуществлялась на основе распоряжения наркома внутренних дел.

Выселение немцев из Ленинграда и Ленинградской области проводилось на основе специального постановления военного совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 года. Ему предшествовало донесение на имя И. Сталина, подписанное В. Молотовым, Г. Маленковым и А. Косыгиным, в котором они сообщали о том, что ими «принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек». Предлагалось направить их в Казахстан и Сибирь⁴¹.

Перевозка выселенных немцев осуществлялась, главным образом, железнодорожным транспортом, эшелонами, в которых кроме вагонов для перевозки людей имелись вагоны для войскового резерва (сопровождения) и медицинского персонала, вагон-санитатор и вагон-карцер, где проводили время нарушители требований и порядка, установленных начальником эшелона.

Наркомат внутренних дел СССР разработал инструкцию начальникам эшелонов, в которой определялись мероприятия по организации перевозок, порядок приема и сопровождения переселяемых, устанавливавшийся состав администрации эшелона, финансовое обеспечение и питание в пути следования. В состав администрации эшелона входили начальник эшелона (командир конвойных войск), заместитель начальника эшелона (из оперативного состава органов НКВД), врач, две медсестры, войсковой резерв (конвой) в количестве 21 военнослужащего из конвойных войск НКВД. Согласно инструкции переселенцам должны были выдавать по 500 грамм хлеба на человека ежедневно и два раза в сутки обеспечивать горячей пищей⁴².

В большинстве случаев данная инструкция не выполнялась. Эшелоны от представителей железнодорожных станций обычно не принимались, в результате поступавшие вагоны не имели нар и изоляторов для больных. Питание организовывалось с перебоями, часто отсутствовала горячая вода. Имелись случаи, когда вместо продуктов людям выдавались деньги, так называемые суточные, на которые очень трудно было что-то приобрести в пути. Были и такие начальники эшелонов, которые и питание не организовывали, и денег не выдавали.

Эти и подобные им нарушения серьезно усугубляли и без того тяжелые условия жизни переселенцев в пути следования. Люди перевозились в крытых товарных вагонах, куда их набивали по 40 и более человек вместе с их имуществом. Спали на нарах, а то и просто на полу, постелив солому. Постоянно существовала проблема с пищей и водой, особенно когда эшелоны шли по центральным и южным областям Казахстана. С наступлением холодов возникла проблема отопления вагонов, которая практически не решалась. Так, в эшелоне № 587, следовавшем из Красноводска в Кустанай в ноябре 1941 года печек не было даже в вагоне-карантине и детском вагоне. Больные вынуждены были ехать в общем вагоне, так как в вагоне-санизоляторе было намного холоднее⁴³.

Антисанитарные условия вагонов дополнялись плохим качеством воды, что приводило к вспышкам инфекционных заболеваний, особенно желудочно-кишечных. Их жертвами становились прежде всего дети. Так, только в эшелонах, перевозивших немцев в Казахстан, умерло свыше 437 человек, в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и другими инфекционными заболеваниями. Например, в эшелоне № 869 от дизентерии умерло двенадцать детей и один взрослый⁴⁴.

На местах остановок эшелонов и особенно на станциях выгрузки имели место побеги переселенцев. В основном пытались бежать молодые мужчины. Почти все бежавшие были пойманы и осуждены. На запрос начальника Омского УНКВД,

«какие меры репрессий применять к пойманным беглецам», заместитель наркома внутренних дел В. Чернышов наложил резолюцию: «...дела беглецов оформлять через Особое совещание НКВД», что грозило им, как минимум, десятилетним сроком заключения⁴⁵.

Подготовку к приему переселенцев руководители соответствующих краев и областей Сибири и Казахстана начали после получения во второй половине августа циркулярной телеграммы от наркома внутренних дел Л. Берия, в которой доводилось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о переселении немцев из Поволжья. В телеграмме указывалось, какое количество семей должны были принять края и области, ставилась задача подготовить для них жилье. Л. Берия потребовал не позднее утра 31 августа сообщить в НКВД СССР названия станций выгрузки эшелонов с указанием наименований железных дорог. Нарком информировал, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября 1941 года⁴⁶.

Получив телеграмму, партийные и советские руководители краев и областей создали специальные комиссии, разработавшие планы мероприятий по приему, размещению и хозяйственному обустройству переселяемого немецкого населения. Органы УНКВД на местах в срочном порядке подготовили планы «агентурного обслуживания» прибывающих немцев. В докладной записке на имя заместителя наркома внутренних дел В. Чернышова начальник управления НКВД по Красноярскому краю И. Семенов 15 сентября 1941 года докладывал, что по линии чекистских мероприятий приняты меры противодиверсионного характера, «насаждена противодиверсионная агентура в местах разгрузки и усиlena охрана объектов, опасных по диверсии»⁴⁷.

На диспетчерских пунктах железнодорожных станций и узлов Енисейского водного бассейна вводилось круглосуточное дежурство работников транспортного отдела НКВД для обеспечения продвижения эшелонов и своевременного оповещения районов об их прибытии. «В целях недопу-

щения побегов в пути следования с мест разгрузки к местам поселений» транспортные колонны колхозов «насыщались» агентурой, партийным, советским активом и членами бригад содействия милиции. Все они инструктировались в районных отделах НКВД «о негласном наблюдении за переселенцами в пути следования»⁴⁸.

Первые эшелоны с немцами начали поступать в восточные районы страны с середины сентября 1941 года. 14 сентября в Красноярский край двумя эшелонами было доставлено 4606 немцев, которых разместили в Большемуртинском, Шараповском и Усть-Абаканском районах. 17 сентября на станцию Ачинск прибыл эшелон с 650 немецкими семьями (2318 человек). Из них 2 тыс. человек погрузили на баржи и по реке Чулым направили в Бирюллюсский район, 318 человек расселили в Ачинском районе⁴⁹. Аналогично процесс расселения немцев происходил и в других краях и областях. По состоянию на 18 сентября 1941 года в места вселения прибыло 33 эшелона с общим количеством переселенцев — 79 046 человек⁵⁰. В дальнейшем поток эшелонов и переселенных непрерывно нарастал: 23 сентября — 70 эшелонов, 168 620 человек; 29 сентября — 113 эшелонов, 273 797 человек и т. д.⁵¹

По данным НКВД, всего переселению в восточные районы СССР подлежало 904 255 немцев, учтенных местными органами комиссариата в сентябре—октябре 1941 года. Фактически же к 1 января 1942 года было переселено 856 168 человек. Свыше 48 тыс. по разным причинам остались на прежних местах жительства, часть из них — по ходатайству местных органов власти. В Москве и Московской области, например, таких насчитывалось 1620 человек. Подверглись аресту — как «антисоветский и сомнительный элемент» — 10 765 человек. Из некоторых областей Украинской ССР просто не успели вывезти все немецкое население ввиду стремительного наступления германских войск. Так, из Запорожской области удалось к 15 октября 1941 года отправить только 32 162 человека из 53 566 подготовленных к отправке⁵².

За период с сентября 1941 по 1 января 1942 года в Сибирь и Казахстан было отправлено 344 эшелона с переселенцами. Из 856 168 погруженных и отправленных немцев к новому месту жительства прибыло 799 459 человек. Разница между отправленными и прибывшими составляла 56 709 человек⁵³. Анализ документов отдела спецпереселений НКВД позволяет сделать некоторые предположения о причинах такого расхождения. Какая-то часть людей погибла от бомбежек германской авиации, умерла от болезней в пути следования. Имели место отставания от эшелонов, побеги на остановках и в пунктах погрузки и выгрузки. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов погрешности в учете отправляемого «спецконтингента». Нередкими были случаи, когда начальники эшелонов принимали переселенцев без списков, «на глазок».

К сожалению, в материалах отдела спецпереселений не имеется обобщающих сведений о смертности, побегах и отставших от эшелонов в ходе проведения операции по депортации немецкого населения. Имеющиеся отдельные справки и отчеты не позволяют составить целостную картину этих явлений, так как составлены с пропуском данных по многим эшелонам, по отдельным районам и областям.

Несмотря на то, что руководители краев и областей Сибири и Казахстана еще до прибытия первых эшелонов с переселенцами отрапортовали в центр о своей готовности принять, разместить и трудоустроить высланных немцев, на самом же деле во многих случаях это оказалось не так.

Большая часть переселенцев направлялась в сельскохозяйственные районы и лишь незначительное количество оставалось в городах и районных центрах. В основном это были высококвалифицированные рабочие, инженеры, учителя, ученые.

Отдельное жилье немецким семьям в местах вселения, за редким исключением, не предоставлялось. Там же, где все-таки это делалось, качество жилья оказывалось ниже всякой критики. К примеру, в Джамбулской области Казахской ССР более 30% жилой площади, предоставленной пе-

переселенцам, не имело застекленных окон и исправных дверей⁵⁴. В большинстве случаев немцев расселяли методом «уплотнения» семей местных жителей за счет вселения в их жилье⁵⁵. Такое сожительство, как правило, негативно отражалось на взаимоотношениях между приезжими и хозяевами, поскольку причиняло последним существенные неудобства, и приводило к конфликтам.

В связи с тем, что ни в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, ни в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, на основе которых началось переселение немцев, не был указан срок их проживания на новых местах, отдел спецпереселений направил на места соответствующее разъяснение, где указывалось, что «немцы переселены в места вселения навсегда и на свои старые места жительства они возвращены не будут», а потому их необходимо было трудоустроить на новых местах расселения⁵⁶. Местные органы получили задачу принять переселенцев в члены колхозов и оформить, как и всех прочих граждан, согласно уставу сельхозартели, «нарезать» им приусадебные участки земли, на которых с весны предполагалось разводить огороды и строить жилье.

На новых местах переселенцы столкнулись со многими трудностями. Прежде всего, не хватало продуктов питания. Хлеб могли получить, и то не всегда, только те, кто попал в колхозы. Спасаясь от голода, многие семьи самовольно переезжали из колхоза в колхоз, из района в район в поисках лучших условий жизни, благо что рабочие руки везде были очень нужны и потому, несмотря на существовавшие запреты, самовольных переселенцев практически везде принимали охотно.

Встревоженные создавшимся положением, местные органы НКВД докладывали об этом в центр. Так, из Северо-Казахстанской области сообщали, что в Мамлютском районе в село Щучье было вселено 33 семьи, а по состоянию на 31 декабря 1941 года осталось лишь пять семей, остальные переехали в село Бескозубье. В этом же районе из колхоза Кызыл-Байрак самовольно уехало пять семей

в колхоз села Бенжарка. В Советском районе из колхоза им. Куйбышева выехало четыре семьи, из колхоза им. Кагановича — три⁵⁷. Много таких сообщений поступало и из других областей и краев.

Несмотря на тяжелое материальное положение переселенцев, вопросы обеспечения немецких семей необходимым центральными органами государства не решался, хотя в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года им обещали компенсировать потерю имущества. Более того, 30 октября заготовительное ведомство страны телеграфно распорядилось «выдачу зерна переселенцам-немцам впредь до особого решения прекратить»⁵⁸.

В результате немецкие семьи были поставлены на грань вымирания. Вот лишь одно сообщение из Новосибирской области: «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло до истощения. В Чановском районе из числа прибывших немцев, переселенных в количестве 6000 человек, большинство рабочих и служащих своего хлеба не имеют... В колхозах, в которых они расселены, излишков хлеба нет, им выдают по 1 килограмму хлеба только на главу семьи. На детей хлеб не выдается. В Тогучинском районе немцы-переселенцы, участвовавшие в общественных колхозных работах, пользовались колхозным общественным питанием. В связи с окончанием сельхозработ, некоторые семьи не работают, правления колхозов, потребкооперация хлебом их не снабжают»⁵⁹. Подобные тревожные сообщения поступали из всех краев и областей, где были расселены депортированные немецкие семьи.

Естественно, неустроенность быта, существование на грани голодной смерти, откровенный обман переселенцев государством порождали недовольство среди советских немцев, росло их отчаяние, а вместе с тем озлобленность и ненависть к режиму. И хотя, как отмечалось в докладах отделов спецпереселений с мест, настроение у немцев-переселенцев в основном хорошее, все же росло число тех, кто заявлял, что «их привезли сюда специально, для того, чтобы они здесь подошли сами»⁶⁰. Сотрудники НКВД отмечали

широкое распространение среди немцев «контрреволюционных», «антисоветских», «фашистских» настроений и высказываний. Но очевидно, было бы просто глупо ожидать от доведенных до отчаяния людей «здорового» настроения и хвалебных высказываний в адрес власти. По результатам работы осведомителей органы НКВД заводили «дела», на основании которых производились аресты. По нашим приблизительным подсчетам, только до конца 1941 года по политическим мотивам было арестовано свыше 600 человек.

После проведения массового переселения немцев из районов европейской части СССР, с января 1942 года последовал ряд акций по перераспределению этих «трудовых ресурсов» внутри областей и краев вселения. Так, по постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 19сс от 6 января 1942 года на НКВД было возложено переселение 50 тыс. немцев для работы по лову рыбы и на предприятия рыбообрабатывающей промышленности. Из этого количества 15 тыс. человек переселялись из центральных районов Новосибирской области на север — в Нарымский округ. Остальные 35 тыс. направлялись в Омский, Якутский, Красноярский гosрыбтресты. В октябре 1942 года вышло также постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1732сс, согласно которому в 1943 году на север Сибири было переселено еще около 30 тыс. человек⁶¹.

Вопросами обустройства отправленных на север людей в рыбных трестах фактически никто не занимался. По докладам органов НКВД, в рыболовецких хозяйствах Красноярского края на одного человека приходился всего 1 кв. метр жилой площади, остро ощущался недостаток топлива, продуктов, особенно жира и овощей, отсутствовали медикаменты, прачечные, бани. В Омской области на Надымском рыбозаводе переселенцы спали на нарах, покрытых грязной соломой по 50–60 человек в темных сырых землянках, которые не освещались и не отапливались. Следствием этого стало массовое заболевание людей различными болезнями. С июля 1942 по январь 1943 года в Надымском районе умерло 34 человека из находившихся там 1621 немца. Боль-

ные в отдельные помещения не изолировались, а находились вместе со здоровыми.

Ужасные условия существования дополнялись ненавистью и бездушным отношением к переселенцам со стороны руководства трестов и бригадиров: «Бригадир Ананьев при отправке заболевшего на работе переселенца Якоб В. снял с него меховую обувь, переодел в резиновую, в результате тот по дороге в больницу отморозил себе ноги, которые впоследствии пришлось ампутировать»⁶².

В Красноярском крае, в Игарском районе на станции Агапитово дневной улов рыбы в местной бригаде составлял не более 20–30 килограмм. Сдаваемой рыбы не хватало на то, чтобы обеспечить себя хлебом. Бригада не получала его по 7–8 дней. За зиму 1942/43 года на станции умерло 150 немцев, в том числе дети⁶³. Немощные истощенные люди не могли работать в полную силу, что влекло за собой наказание — уменьшение норм обеспечения продовольствием, отчего они слабели еще больше и еще меньше выполняли норму выработки. Этот изуверский метод хладнокровно обрекал немцев на голодную смерть.

В приведенных выше примерах как в капле воды отразилась общая политика большевистского тоталитарного режима по отношению к советским немцам, вся вина которых состояла лишь в том, что они имели несчастье быть связанными своими историческими корнями с государством, развязавшим войну против СССР.

Глава 2

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ,
МЕСТА И ПОРЯДОК СОЗДАНИЯ
ВОЕНИЗИРОВАННЫХ
ФОРМИРОВАНИЙ
ИЗ ГРАЖДАН СССР
НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ**

К

началу Великой Отечественной войны в СССР уже имелся определенный опыт создания и использования военизированных формирований — «трудовых армий», применявшихся для восстановления разрушенного в ходе гражданской войны народного хозяйства. Красная Армия еще вела боевые действия, когда Совет Рабоче-Крестьянской Обороны 19 ноября 1919 года принял постановление «О натуральной трудовой повинности», которое привлекало к принудительному труду годных к военной службе, но не призванных в Красную Армию, освобожденных от воинской повинности мужчин, кроме «явно неспособных к труду», и женщин от 18 до 40 лет. Была оговорена судебная ответственность за не выполнение требований этого постановления¹.

Наряду с гражданским населением, к работам в народном хозяйстве привлекались и воинские формирования. 10 декабря 1919 года приказом Реввоенсовета РСФСР № 2074 военным советам армий и фронтов, окружным военным комиссариатам и другим органам военного управления предписывалось образовывать в каждом фронте и отдельной армии межведомственную комиссию по заготовке топлива для обеспечения железной дороги дровами. К работам привлекались военно-полевые строительства, инженерные батальоны, части, не участвовавшие в боевых действиях, некоторые полевые, запасные и караульные воинские части².

С 1920 года уже целые боевые армии в полном составе переводились на положение трудовых. 15 января 1920 года постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны была создана 1-я Революционная армия труда на базе 3-й армии РККА «без разрушения и дробления ее аппарата управления»³. Задачи армии подразделялись на две очереди. В первую очередь личный состав армии занимался заготовкой дров и подвозом их к заводам и железнодорожным станциям, заготовкой продовольствия и фуража, по разверсткам Наркомата продовольствия, и сосредоточением их в определенных пунктах, строительными работами, мобилизацией необходимой рабочей силы для выполнения массовых работ. Во вторую очередь производились ремонт сельскохозяйственных орудий труда и

сельхозработы. Район деятельности 1-й Революционной армии труда распространялся на Урал и Сибирь. В дальнейшем подобные армии со схожими задачами создавались в других регионах страны.

На территории Украины в районе действий Юго-Западного фронта 30 января 1920 года была создана Украинская Советская Трудовая армия⁴. 10 февраля 1920 года постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны 7-я армия переименовывается в Петроградскую Революционную армию труда. Она действует в Петрограде, Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях⁵.

26 апреля 1920 года из частей Заволжского военного округа и Туркестанского фронта образуется 2-я Революционная армия труда. Части и подразделения этой армии строят железную дорогу и нефтепровод Александров Гай — Эмба, восстанавливают железнодорожные магистрали в районе Саратовской сети Рязано-Уральской железной дороги от станции Козлов до станций Астрахань и Уральск, заготавливают дрова и продовольствие. Тогда же на территории Ставропольской губернии, в Кубанской и Терской областях, в Дагестане из частей Кавказского фронта формируется Кавказская армия труда⁶.

Для общего руководства трудовыми армиями, разработки вопросов их применения создается Центральная комиссия по трудовому применению Красной Армии.

Летом и осенью части Красной Армии привлекались к уборке урожая «как с крестьянской посевной площади, так и с лугов государственного фонда Наркомпранда». 15 июля 1920 года Совет Труда и Обороны принимает решение

«о привлечении войск Красной Армии и ВЧК как рабочей силы для уборки урожая». На основании этого решения военные комиссариаты, местные органы власти освобождали крестьян от трудовой повинности для сбора урожая. В воинских частях, не занятых боевыми действиями и борьбой с «бандитизмом», велась активная работа по формированию рот, батальонов для выполнения хозяйственных работ. Так, в Омске был сформирован рабочий батальон и направлен для выполнения сельскохозяйственных работ в крупные имения Лузино и Марьиновка⁷.

В годы Великой Отечественной войны опыт использования трудовых армий, только в значительно более жестокой репрессивной форме был применен к советским народам, исторические корни которых связывали их с государствами, воевавшими против СССР, — немцам, финнам, венграм, румынам, болгарам и др. Уже отмечалось, что львиную долю в общей численности этих народов составляли немцы.

Кроме представителей «привинившихся» народов, контингент «Трудармии» составляли и граждане некоторых других национальностей. В частности, по постановлению Государственного Комитета Обороны № 2414 от 14 октября 1942 года в пределах Среднеазиатского, Уральского и Южно-Уральского военных округов в «Трудовую армию» было мобилизовано 350 тыс. военнообязанных — узбеков, казахов, киргизов, таджиков. Однако условия содержания и трудового использования военизованных формирований из представителей этих национальностей были значительно лучше (размещение, питание, продолжительность рабочего дня, досуг и др.)⁸.

Начало процессу создания военизованных формирований из граждан СССР немецкой национальности положило закрытое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Оно предписывало всех немцев — мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, проживающих в Днепропетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской,

Черниговской областях, мобилизовать в строительные батальоны, арестовав при этом весь «антисоветский элемент»⁹. Из-за стремительного продвижения германских войск это постановление в значительной мере не было выполнено, тем не менее все же удалось довольно быстро сформировать 13 строительных батальонов общей численностью 18 600 человек. Они были направлены на четыре объекта НКВД — Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Богословстрой и Кимперсайлаг — и уже в конце сентября приступили к работам¹⁰.

8 сентября 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования издала директиву № 35105, в соответствии с которой из Красной Армии началось «изъятие» военнослужащих немцев. Их направляли во внутренние строительные части¹¹. Так, в Кировской области в шести строительных батальонах находилось 1248 немцев — бывших военнослужащих, 748 человек работали на новостройках Молотовской области, 1689 человек в составе двух батальонов трудились в Удмуртской АССР и т. д.¹²

Несколько позднее, на основании постановления Государственного Комитета Обороны СССР № 660сс от 11 сентября 1941 года стройбатальоны были расформированы, а военнослужащие — сняты с интендантского снабжения и содержались на положении строительных рабочих. Из них создали рабочие колонны по одной тысяче человек в каждой. Несколько колонн составляли рабочий отряд. Вновь создавшиеся формирования передавались в распоряжение наркоматов угольной промышленности, черной и цветной металлургии, лесной промышленности и Главвоенпромстроя. Все строительные батальоны, работавшие в системе НКВД, также были реорганизованы в рабочие колонны и отряды (приказ наркома внутренних дел СССР № 001398 от 26 сентября 1941 года)¹³.

С этого времени, по существу, начинается история «Трудовой армии» времен Отечественной войны.

В начальный период своего существования рабочие колонны, сформированные из бывших стройбатальонов,

состояли не только из немцев. В них работали граждане многих других национальностей. Однако уже упоминавшееся постановление ГКО СССР № 660сс потребовало их изъятия оттуда. В справке отдела спецпереселений НКВД СССР, составленной уже в середине 1944 года, указывается, что на 1 января 1942 года на строительствах и в лагерях НКВД работало 20 800 мобилизованных немцев¹⁴. Поскольку массовая мобилизация немецких граждан в «Трудармию» началась только в январе 1942 года, можно с большой долей уверенности предположить, что это были украинские немцы и бывшие военнослужащие немецкой национальности. Несколько тысяч немецких граждан тех же категорий в это же время трудились в рабочих колоннах и отрядах, прианных другим народным комиссариатам.

Таким образом, можно заключить, что с самого начала по ведомственной принадлежности военизированные рабочие колонны и отряды разделились на два типа. Формирования первого типа создавались и размещались при лагерях и стройках ГУЛАГа НКВД, подчинялись лагерному начальству, охранялись и обеспечивались по нормам, установленным для заключенных. Формирования второго типа образовывались при гражданских наркоматах и ведомствах, подчинялись их руководству, но контролировались местными органами НКВД. Административный режим содержания этих формирований был менее строгим, чем режим содержания колонн и отрядов, функционировавших внутри самого НКВД.

На положении строительных рабочих немцы пробыли недолго. Уже 20 ноября 1941 года последовало разъяснение заместителя начальника ГУЛАГа НКВД майора госбезопасности Г. Завгороднего, что мобилизованные в рабочие колонны немцы являются военнообязанными и размещение их должно быть казарменным, самовольное оставление колонн приравнивалось к дезертирству¹⁵.

Начало массовому призыву немцев в «Трудовую армию» положило постановление Государственного Комите-

та Обороны № 1123сс от 10 января 1942 года «О порядке использования немцев-переселенцев призывающего возраста от 17 до 50 лет»¹⁶. Мобилизации подлежали депортированные из европейской части СССР немцы — мужчины, годные к физическому труду, в количестве 120 тыс. человек «на все время войны». Проведение мобилизации возлагалось на наркоматы обороны, внутренних дел и путей сообщения в срок до 30 января 1942 года. Постановление предписывало следующее распределение мобилизованных немцев:

- 45 тыс. человек — на лесозаготовки в распоряжение НКВД СССР;
- 35 тыс. человек — на строительство Бакальского и Богословского заводов на Урале;
- 40 тыс. человек — на строительство железных дорог: Сталинск — Абакан, Магнитогорск — Сара, Сталинск — Барнаул, Акмолинск — Карталы, Акмолинск — Павлодар, Сосьва — Алапаевск, Орск — Кандагач в распоряжение Наркомата путей сообщения.

Необходимость проведения мобилизации объяснялась нуждами фронта и мотивировалась интересами «национального» трудового использования немцев-переселенцев.

Несомненно, нужды фронта требовали привлечения огромного количества трудовых ресурсов для народного хозяйства страны, и с этой точки зрения привлечение немецкого населения для создания экономической базы обороны государства, ведущего военные действия, было оправдано. Но оправдано ли было ставить мобилизованных в положение заключенных? Исторический опыт свидетельствует, что принудительный труд никогда не был высокопродуктивным и не шел ни в какое сравнение с трудом вольнонаемного рабочего по своим результатам. Тем не менее сталинское руководство страны сочло необходимым применение именно принудительно-репрессивного метода привлечения немецкого населения к трудовому использованию в промышленности СССР. За неявку по мобилизации для отправки в рабочие колонны предусматривалась уголовная ответствен-

ность с применением «к наиболее злостным» высшей меры наказания¹⁷.

Выходу в свет постановления ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 года предшествовала подготовительная работа аппарата НКВД по выявлению возможностей привлечения рабочей силы предприятиями и приему мобилизованного контингента на местах. Заместитель наркома внутренних дел СССР В. Чернышов телеграммой № 1535 от 8 января 1942 года потребовал от начальников управлений НКВД, где размещались выселенные советские немцы, иметь точный учет немцев-переселенцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет: «Материалы учета потребуются в ближайшие дни»¹⁸. То есть руководство государства и НКВД свои намерения создать военизированные формирования из советских немцев держало в тайне не только от них самих, но даже и от местных органов власти и Управления комиссариата внутренних дел.

Учет немцев в местах предполагаемой мобилизации был произведен, и данные представлены в центр. Из них следовало, что в Казахской ССР, Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской областях проживало мужчин указанного возраста, годных к физическому труду, 125–130 тыс. человек.

На основе этих данных В. Чернышовым были подготовлены предложения по использованию немцев в системе лагерей и строек НКВД. Предполагалось разместить мобилизованных в шести лагерях и на трех стройках комиссариата внутренних дел. В таблице 2 приводится количество мобилизованных немцев, которое могли принять пять крупнейших лагерей. К сожалению, отсутствуют данные по шестому лагерю — Севураллагу.

Предлагалось также вновь организовать Томасинский лагерь в Новосибирской области. В 1940 году он был передан Наркомлесу. Возможности лагеря по приему мобилизованных оценивались в 15 тыс. человек. Во всех лагерях немцы (в количестве до 80 тыс. человек) должны были работать на лесозаготовках.

Таблица 2

Возможности лагерей по приему мобилизованных немцев¹⁹

Наименование лагеря	Количество заключенных	Возможности по приему немцев
Краслаг	17 000	8 000
Ивдельлаг	16 700, в том числе 2500 немцев	30 000 при условии перевода 9000 заключенных в другие лагеря
Усольлаг	32 133	9 000
Усть-Вымлаг	15 000	7 000
Вятлаг	21 000	10 000

Мобилизованных граждан немецкой национальности предлагалось использовать в строительстве: на Бакальском металлургическом заводе в Челябинской области, главным образом на первой стадии строительства, до августа 1942 года — 30 тыс. человек; на Богословском алюминиевом заводе в Свердловской области — 5 тыс.; на Соликамском заводе в Молотовской области — 5 тыс. человек²⁰. В. Чернышов предлагал использовать в хозяйстве своего комиссариата всех 120 тыс. мобилизованных немцев, однако, как уже отмечалось, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 года НКВД получал лишь 80 тыс. человек.

12 января 1942 года в развитие указанного постановления нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД»²¹. В приказе 80 тыс. мобилизованных, которые должны были поступить в распоряжение наркомата, распределялись по восьми объектам:

Ивдельлаг — 12 тыс. человек; Севураллаг — 12 тыс.; Усольлаг — 5 тыс.; Вятлаг — 7 тыс.; Усть-Вымлаг — 4 тыс.; Краслаг — 5 тыс.; Бакаллаг — 30 тыс.; Богословлаг — 5 тыс. человек. Последние два лагеря образовывались специально для мобилизованных немцев.

Все мобилизованные обязаны были явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия. Безусловно, многие из этих требований были трудновыполнимыми, поскольку в результате переселения немцы лишились своего имущества, многие из них, по существу, были безработными и все они, как уже отмечалось ранее, влажили жалкое существование.

Управление военных сообщений Наркомата обороны и Наркомата путей сообщения обязаны были обеспечить перевозку мобилизованных в течение оставшихся дней января 1942 года с доставкой к местам работ не позднее 10 февраля. Эти сроки оказались нереальными, точно также, как не удалось мобилизовать 120 тыс. человек.

О том, как проходила мобилизация советских немцев-переселенцев и почему не было в полном объеме выполнено требование ГКО СССР, можно судить на примере Новосибирской области. В докладной записке начальника Управления НКВД по Новосибирской области майора госбезопасности Малинина на имя начальника отдела спецпоселений НКВД майора госбезопасности Иванова за № 101729 от 14 февраля 1942 года об итогах мобилизации немцев в области указывалось, что по наряду Наркомата обороны Новосибирская область должна была отмобилизовать в рабочие колонны 15 300 депортированных немцев из 18 102 учтенных для отправки. Персональными повестками в военкоматы были вызваны для прохождения медкомиссии 16 748 человек, из них явилось 16 120 человек, мобилизовано и отправлено 10 986 человек, то есть наряд оказался невыполненным на 4314 человек. Не удалось мобилизовать лиц, успевших получить освобождение от мо-

билизации по причине их «незаменимости» в сельском хозяйстве, угольной и лесной промышленности. Кроме того, на призывные пункты прибыли 2389 человек больных и не имевших теплой одежды. Освобождение от призыва получили также лица с высшим образованием. Не явились по повесткам 628 человек.

Мобилизация проходила в течение восьми дней — с 21 по 28 января 1942 года. Отмечая в основном организованное проведение призыва, управление НКВД признавало и отдельные недостатки в этой работе. Так, ряд военкоматов: Мариинский, Убинский и другие, несмотря на имеющиеся указания, вызов подлежащих мобилизации на призывные пункты производили не персональными повестками, а путем «огульного оповещения» всех немцев через сельсоветы, что «создавало благоприятные условия для попыток уклонения от мобилизации». Некоторые военкоматы, например, Черепановский, не подготовили помещений для размещения мобилизованных до момента их отправки, не обеспечили их даже водой, что вызвало обоснованное недовольство людей. По окончании мобилизации направление команд к месту назначения задерживалось на 5–8 дней из-за отсутствия вагонов, которые подавались к местам погрузки с большим опозданием.

Мобилизованным не объявляли, что они будут направлены в «Трудармию», вследствие чего циркулировали различные слухи о причинах и целях мобилизации. Со стороны немцев отмечалось как положительное отношение к мобилизации, так и отрицательные высказывания и выражения недовольства. Во время призыва были привлечены к уголовной ответственности за уклонение — 12, за «антисоветскую агитацию» — 11 человек²².

В других краях и областях мобилизация немцев проходила в аналогичных условиях. В результате в «Трудармию» было набрано 92 961 человек, из них Наркомату путей сообщения передали 25 тыс. человек, остальных — 67 961 человека — получил НКВД. В его системе трудармейцев распределили по 11 объектам, что показано в таблице 3.

Таблица 3

Размещение трудармейцев первого массового призыва по объектам НКВД²³

Объект НКВД	Количество трудармейцев, размещенных на объекте
Бакалстрой	11 722
Ивдельлаг	12 899
Севураллаг	8 441
Усольлаг	4 940
Вятлаг	6 800
Краслаг	5 084
Богословстрой	6 900
Севжелдорстрой	4 753
Соликамстрой	2 396
Тавдинлаг	1 918
Тагилстрой	2 870
Всего	68 723

Ввиду того что план, определенный постановлением ГКО СССР № 1123сс, был недовыполнен почти на 30 тыс. человек, а потребности военной экономики в рабочей силе все росли, руководство СССР решило мобилизовать и тех советских немцев-мужчин, которые не подверглись депортации.

19 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление № 1281сс «О мобилизации немцев — мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет,

постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках»²⁴. В отличие от первой, вторая массовая мобилизация немцев была подготовлена органами НКВД более тщательно, с учетом ошибок и просчетов, допущенных в январе 1942 года, и имела ряд особенностей.

После уточнения данных о количестве проживающих в областях, краях и республиках местных немцев-мужчин и выхода постановления ГКО, 19 февраля 1942 года заместитель наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 3-го ранга Круглов направил по линии «ВЧ»-связи начальникам местных управлений НКВД указание № 67 с уточнением порядка проведения мобилизации.

Срок ее составлял уже не 20 дней, как при первой мобилизации, а растягивался почти на несколько месяцев. Местные органы НКВД должны были совместно с райвоенкоматами в районах расселения разработать план проведения мобилизации, тщательно учесть всех призываемых и «обеспечить под личную ответственность начальников органов четкую организацию оповещения и явки на призывные и сборные пункты всех лиц, подлежащих мобилизации»²⁵.

Подготовительная работа райвоенкоматов, в соответствии с распоряжением Наркомата обороны № 09/708 от 15 февраля 1942 года, проводилась до 10 марта. За это время мобилизуемые были оповещены, прошли медицинское освидетельствование и зачисление в рабочие колонны. С 5 по 10 марта проходило формирование рабочих отрядов и колонн, они отправлялись к местам своего назначения. Доклады о ходе операции поступали в центр раз в пять дней.

На сей раз мобилизуемых оповещали о том, что они призываются в рабочие колонны и будут направлены на работу, а не в действующую армию, чего не было при первой мобилизации. Немцы предупреждались, что за неявку на призывные и сборные пункты они будут арестованы и заключены в исправительно-трудовые лагеря. Как и при

первой мобилизации, мобилизованные должны были прибыть в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельных принадлежностей, кружкой, ложкой и запасом продуктов на 10 дней. Поскольку призывающиеся не подвергались депортации, то обеспеченность их одеждой и продовольствием была несколько лучше, чем у мобилизованных первого массового призыва.

В ходе второй массовой мобилизации вопрос об освобождении от нее каких-либо специалистов ставился весьма жестко. Он решался только персонально, при крайней необходимости, начальником местного управления НКВД совместно с военным комиссаром. При этом каждая область, край, республика направляли в центральный аппарат НКВД списки освобожденных от мобилизации с указанием причин освобождения²⁶.

Эшелоны формировались по рабочим отрядам и колоннам с ориентацией на численность 500–1000–2000 человек. Начальниками эшелонов назначались ответственные работники НКВД, в их распоряжение выделялись сотрудники этого же ведомства (как правило, по 10 человек на каждый эшелон) для поддержания порядка в пути следования. Отправка эшелонов также возлагалась на органы Наркомата внутренних дел совместно с военкоматами. Работники последних оформляли документы на мобилизованных и передавали их представителям НКВД в пунктах погрузки.

Несмотря на наличие определенных запасов продовольствия у мобилизованных немцев, в пути следования организовывалось питание за счет выделения начальникам эшелонов денежных средств из расчета пять рублей в сутки на человека. Кроме того, каждый начальник эшелона имел аванс в 5 тыс. рублей на непредвиденные расходы в пути²⁷.

На сборных пунктах и в пути следования органами НКВД проводилась оперативная работа, которая направлялась на пресечение всяких попыток «контрреволюционных» выступлений, на немедленное привлечение к ответ-

ственности всех, уклоняющихся от явки на сборные пункты. Все агентурные материалы, имевшиеся в органах на мобилизованных немцев, направлялись через начальников эшелонов оперативным отделам лагерей по месту назначения. Начальники местных управлений НКВД несли персональную ответственность за мобилизованных, вплоть до их передачи на объекты ГУЛАГа.

И все же неорганизованности избежать не удалось. В частности, погрузка людей в эшелоны происходила зачастую ночью, при плохом освещении,спешным порядком, с проверкой не по спискам, а по «количество голов». В пути следования имели место перебои в обеспечении питанием и водой, вспышки инфекционных заболеваний, приводившие к тяжелым последствиям. Так, 21 апреля 1942 года Управление оперативных войск НКВД получило телеграмму от начальника эшелона Базаева, в которой сообщалось, что в его эшелоне, находившемся в это время в Омске, вспыхнули желудочно-кишечные заболевания, в результате умерли 270 человек. 13 мая с эшелона № 309 сняли 49 трупов. В этом же эшелоне отмечалось очень много больных.

В пунктах назначения составлялся акт о приеме и передаче трудармейцев. Его подписывали начальник эшелона и приемная комиссия соответствующего объекта НКВД. В качестве примера приведем здесь один из таких актов:

«Начальник эшелона № 5042 младший лейтенант госбезопасности Догмишин А.С. и приемная комиссия НКВД в составе: председателя комиссии — заместителя начальника управления Соликамстроя НКВД лейтенанта госбезопасности Ерохина А.И., членов: начальника 2-го отдела тов. Олехнович, начальника санчасти тов. Селютина, начальника ООС тов. Моховой составили настоящий акт в том, что сего числа принят этап трудармейцев в количестве 470 человек из мобилизованных немцев из Уджарского и Аягузского районов Семипалатинской области»²⁸.

Заслуживает внимания географический аспект второй массовой мобилизации немцев. Кроме краев и областей, затронутых первой мобилизацией, вторая мобилизация захватила также Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Чкаловскую, Куйбышевскую, Ярославскую области, Мордовскую, Чувашскую, Марийскую, Удмуртскую, Татарскую АССР. Мобилизованные немцы из этих областей и республик направлялись на строительство железной дороги Свияжск — Ульяновск. Строительство дороги осуществлялось по постановлению Государственного Комитета Обороны № 1286сс от 15 февраля 1942 года и было возложено на НКВД и, в частности, на Главное управление железнодорожного строительства. На основании приказа народного комиссара внутренних дел № 00373 от 22 февраля 1942 года в Казани организовалось управление строительства новой железной дороги и лагеря, получившего название Волжский исправительно-трудовой лагерь НКВД. В течение марта—апреля 1942 года в лагерь предполагалось направить 20 тыс. мобилизованных немцев и 15 тыс. заключенных²⁹.

Немцы, проживавшие в Таджикской, Туркменской, Киргизской, Узбекской, Казахской ССР, Башкирской АССР, Челябинской области, мобилизовывались на строительство Южно-Уральской железной дороги. Их направляли на станцию Челябинск. Немцы из Коми АССР, Кировской, Архангельской, Вологодской, Ивановской областей должны были работать в лесотранспортных хозяйствах Севжелдорлага и потому доставлялись на станцию Котлас. Мобилизованные из Свердловской и Молотовской областей оказались на Тагилстрое, Соликамстрое, в Вятлаге. Краслаг принял немцев из Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей. На Умальстрой, на станцию Ургал Дальневосточной железной дороги, попали немцы из Хабаровского и Приморского краев. Размещение трудармейцев второго массового призыва по объектам Наркомата внутренних дел показано в таблице 4.

Таблица 4
Размещение трудармейцев второго массового призыва по объектам НКВД³⁰

Объект НКВД	Количество трудармейцев, размещенных на объекте
Строительство железной дороги Свияжск — Ульяновск	17 823
Бакалстрой	14 758
Богословстрой	5 411
Умальстрой	952
Тагилстрой	501
Севжелдорлаг	900
Краслаг	339
Соликамстрой	141
Вятлаг	45
Всего	40 870

Из данных таблиц 3 и 4 легко определить, что основная масса мобилизованных в «Трудармию» немцев (по постановлениям ГКО СССР № 1123сс и 1281сс) была направлена на стройки и в лагеря НКВД. Лишь уже отмечавшиеся нами 25 тыс. человек из первой мобилизации находились в распоряжении Наркомата путей сообщения и работали на строительстве железных дорог. Однако и они постановлением ГКО СССР № 2414сс от 14 октября 1942 года были переданы НКВД³¹.

В мае 1942 года по указанию начальника ГУЛАГа НКВД СССР старшего майора госбезопасности Наседкина все

лица немецкой национальности, работавшие по вольному найму в некоторых исправительно-трудовых колониях и лагерях, были уволены и мобилизованы в рабочие колонны из немцев, часто в тех же самых лагерях³².

В июне 1942 года по дополнительной мобилизации в рабочую колонну Волжского лагеря НКВД на строительство железной дороги Свияжск — Ульяновск было отправлено еще 4487 мобилизованных немцев³³.

С началом войны освобождение отбывших свой срок заключенных — советских граждан, представителей «вражеских» национальностей (в том числе немцев) было приостановлено (директива НКВД и Прокуратуры СССР № 221 от 22 июня 1941 года). Весной 1942 года этих людей, а также лиц данной категории, еще отбывавших срок за должностные, бытовые, хозяйствственные и некоторые другие преступления (кроме «контрреволюционных») освободили из заключения и направили в рабочие колонны (директива НКВД и Прокуратуры СССР № 185 от 29 апреля 1942 года)³⁴.

Распоряжением Наркомата обороны № 1/796606 от 7 мая 1942 года в Красной Армии и на Флоте была проведена еще одна чистка. В результате 4441 человек «неблагонадежных» национальностей были отозваны из Вооруженных сил и переданы в распоряжение Приволжского управления исправительно-трудовых лагерей. Среди них были и немцы. Бывших военнослужащих разместили на объектах НКВД в Саратовской и Сталинградской областях. Они занимались строительством и ремонтом железных дорог³⁵.

Третий, самый массовый призыв советских немцев в «Трудармию» проводился осенью 1942 года с принятием постановления ГКО СССР № 2383сс от 7 октября 1942 года «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР»³⁶. В сравнении с двумя предшествующими, третья массовая мобилизация немцев имела свои существенные особенности.

Прежде всего, расширился диапазон призывных возрастов: призывались мужчины в возрасте от 15 до 55 лет. Кроме того, мобилизации подверглись и женщины-немки в

возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имевших детей до трехлетнего возраста. Дети трех лет и старше должны были передаваться на воспитание остальным членам семьи, а в случае их отсутствия — ближайшим родственникам или колхозам. В обязанности местных советов вменялось принимать меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизованных.

Мужчины-трудармейцы, в основном подростки и пожилые люди, направлялись на предприятия трестов «Челябинуголь», «Карагандауголь», «Богословуголь», «Чкаловуголь» Наркомата угольной промышленности. Всего на шахты планировалось направить 20,5 тыс. человек³⁷. Женщины составляли основной контингент мобилизованных для Наркомата нефтяной промышленности — 45,6 тыс. человек. Туда же было мобилизовано 5 тыс. мужчин. Все они попали на предприятия Главнефтехстроя, Главнефтегаза, на заводы нефтяного машиностроения, на такие крупные нефткомбинаты, как Куйбышевский, Молотовский, Башкирский³⁸. Трудармейцы третьего массового призыва направлялись и на предприятия некоторых других наркоматов и ведомств. Всего же по этой мобилизации в «Трудармию» было направлено 123 522 человека, в том числе 70 780 мужчин и 52 742 женщины. Мобилизация проводилась примерно в течение месяца. В ходе проведения мобилизации военкоматы столкнулись с «дефицитом рабочего контингента», поскольку вся дееспособная часть немецкого населения была практически исчерпана. Потому-то среди призванных впоследствии были обнаружены люди, имевшие серьезные заболевания, инвалиды 2-й и 3-й групп, беременные женщины, подростки 14 лет и люди старше 55 лет³⁹.

И все же мобилизации советских немцев продолжались и в 1943 году. Постановлениями ГКО СССР № 3095 от 26 апреля, № 3857 от 2 августа и № 3860 от 19 августа 1943 года в «Трудармию» было призвано еще свыше 30 тыс. немцев: мужчин и женщин. Их направляли на объекты ГУЛАГа НКВД, в гражданские ведомства на добычу угля, нефти, золота,

редких металлов, в лесную и целлюлозно-бумажную промышленность, на ремонт дорог и т. п.

По-прежнему большинство немцев находилось на объектах НКВД. Только на семи из них к началу 1944 года трудилось свыше 50% всех мобилизованных (Бакалстрой — свыше 20 тыс. человек, Богословлаг — около 9 тыс., Усольлаг — 8,8 тыс., Воркутлаг — 6,8 тыс., Соликамбумстрой — 6,2 тыс., Ивдельлаг — 5,6 тыс., Востураллаг — 5,2 тыс.). В 22 лагерях использовался труд 21,5 тыс. немок (на 1 января 1944 года). Практически полностью из мобилизованных немок состояли рабочие колонны при таких лагерях, как Ухтоижемлаг (3,7 тыс.), Унжлаг (3,3 тыс.), Усольлаг (2,8 тыс.), Джидастрой (1,5 тыс.), Понышлаг (0,3 тыс.)⁴⁰.

За пределами НКВД 84% мобилизованных в гражданские ведомства немцев было сосредоточено в трех наркоматах: Наркомате угольной промышленности (29 тыс.); Наркомате боеприпасов (8 тыс.); Наркомате строительства (свыше 7 тыс.). Небольшие группы немцев трудились в наркоматах пищевой промышленности (106), стройматериалов (271), заготовок (35) и др. Всего — в 22 наркоматах (на начало 1944 года)⁴¹.

К середине 1944 года число областей, краев и республик, в которых дислоцировались рабочие колонны из мобилизованных советских немцев, увеличилось почти в два раза по сравнению с августом 1943 года — с 14 до 27. Колонны были разбросаны на огромной территории от Московской и Тульской областей на западе до Хабаровского и Приморского краев на востоке, от Архангельской области на севере до Таджикской ССР на юге.

По состоянию на 1 января 1944 года больше всего немцев-трудармейцев использовалось на предприятиях Кемеровской (15,7 тыс.), Молотовской (14,8 тыс.), Челябинской (13,9 тыс.), Куйбышевской (11,2 тыс.), Свердловской (11 тыс.), Тульской (9,6 тыс.), Московской (7,1 тыс.), Чкаловской (4,7 тыс.) областей, Башкирской АССР (5,5 тыс.)⁴².

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, после освобождения оккупированных советских тер-

риторий, всех немцев, которые там проживали и которых не успели депортировать в 1941 году, подвергли выселению в восточные районы страны, одновременно мобилизовав всех дееспособных в рабочие колонны. В частности, после освобождения Прибалтики на территории Литвы, Латвии и Эстонии было «выявлено» 2 тыс. советских граждан немецкой национальности. По распоряжению заместителя наркома внутренних дел В. Чернышова 1 тыс. человек переселили в Коми АССР для трудоустройства в лесной промышленности, еще 1 тыс. — в распоряжение НКВД Таджикистана, в район Стalinабада. В Коми АССР переселили и 61 немца, проживавших в селе Осипово Бышевского района Киевской области.

После окончания войны проводилась репатриация на родину советских немцев, которые по своей собственной воле или по принуждению оказались на территории других государств. Репатриантов тщательно проверяли на проверочно-фильтрационных пунктах и затем делили на две категории. Трудоспособных одиночек и малосемейных направляли в Богословлаг и на Ухтинский комбинат НКВД, большие семьи — в распоряжение НКВД Таджикистана⁴³. Репатрианты направлялись также в Тюменскую, Новосибирскую, Архангельскую и другие области, края и республики СССР. Всего, по данным Н.Ф. Бугая, было репатриировано 203 796 человек, из них 134 тыс. взрослых⁴⁴.

Точное количество немцев, прошедших мобилизацию и призванных в рабочие колонны, назвать довольно трудно, так как учет на местах в отдельных отрядах велся нерегулярно. Даже некоторые руководители предприятий не знали, сколько рабочих немецкой национальности трудится в подчиненных им колоннах. Отмечались факты, когда не регистрировались умершие и дезертировавшие. Анализ документов отдела спецпереселений, докладных записок начальников управлений лагерей и территориальных органов НКВД, осуществлявших надзор за рабочими ко-

лоннами, позволяет только приблизительно оценить общее число мобилизованных за время существования «Трудармии». По нашим подсчетам, за период с 1941 по 1945 год в рабочие колонны было мобилизовано свыше 316 тыс. советских немцев, без учета репатриированных, мобилизация которых в основном проходила уже после окончания войны⁴⁵.

Не вошло в определенное нами число и около одной тысячи немок, мобилизованных в январе 1945 г. вместе с финками, калмычками, крымскими татарами, болгарами, армянками, западными украинками («оуновками»), общим числом около 5 тыс. человек, для работы на предприятиях Крайнего Севера. Это были женщины 18–35 лет, «физически здоровые, не имеющие мужей, детей и нетрудоспособных иждивенцев»⁴⁶.

Продолжая разговор о количестве мобилизованных в «Трудармию» немцев, необходимо отметить, что более или менее четкий учет мобилизованных немцев велся в рабочих отрядах и колоннах НКВД. И это несмотря на то, что текучесть рабочих здесь была значительно выше, чем в рабочих колоннах гражданских наркоматов. Так, если из рабочих колонн НКВД за 1942 год по различным причинам убыло 42,2 тыс. человек, то за первый год существования рабочих колонн в гражданских наркоматах из них убыло в общей сложности 23,6 тыс. человек⁴⁷.

Характерным в жизнедеятельности рабочих колонн НКВД, по сравнению с другими наркоматами, являлось частое перераспределение мобилизованного контингента между лагерями и стройками в зависимости от выполнения намеченных работ. Так, после окончания строительства железной дороги Свияжск — Ульяновск на рубеже 1943–1944 годов все рабочие колонны из Волжского лагеря НКВД были переданы в другие лагеря, в том числе 1739 человек — в Приволжский лагерь⁴⁸.

В целом, численность рабочих отрядов и колонн НКВД из немцев за весь период войны имела тенденцию к сокращению. Из 11 лагерей и строек, при кото-

рых образовались рабочие колонны согласно первым постановлениям ГКО СССР о трудовой мобилизации немцев, лишь два лагеря увеличили свою численность. За 1942–1944 годы численность немцев в рабочих колоннах Усольлага возросла с 6004 до 10 693, Тагиллага — с 3737 до 5472 человек. Четыре лагеря — Севураллаг, Тавдинлаг, Кимперсайлаг и Волжлаг — в тот же период полностью передали всех мобилизованных немцев на другие объекты НКВД. Большое число трудармейцев во все годы войны сохранял Бакалстрой. К началу последнего года войны здесь продолжали свою трудовую повинность свыше 22 тыс. человек⁴⁹.

Из всех наркоматов, использовавших труд мобилизованных немцев, НКВД прочно удерживал лидерство по численности трудармейцев в течение всех военных лет. Это подтверждают данные таблицы 5.

Таблица 5
Численность немцев-трудармейцев на объектах НКВД и других наркоматов в 1942–1945 годах⁵⁰

По состоянию на:	В НКВД	В других наркоматах	Итого
01.01.1942 г.	20 800	—	20 800
01.07.1942 г.	120 722	—	120 722
01.07.1943 г.	104 276	112 075	216 351
01.01.1944 г.	106 669	118 376	225 045
01.06.1944 г.	107 214	120 094	227 308
01.05.1945 г.	96 600	Ок. 123 000	Ок. 219 000
Всего мобилизовано за годы войны	Свыше 182 000	Свыше 133 000	Свыше 315 000

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в рабочие колонны НКВД попало более половины мобилизованных за годы войны в «Трудармию» немцев (на 49 тыс. больше, чем во все другие наркоматы). Тем не менее, как показано в таблице 5, практически все время количество трудармейцев в НКВД было несколько меньше, чем во всех наркоматах, вместе взятых. Это объясняется, главным образом, высокой смертностью трудармейцев на объектах НКВД в 1942 году.

На апрель 1945 года весь трудовой контингент НКВД составлял 1063,8 тыс. человек, в том числе 669,8 тыс. заключенных, 297,4 тыс. вольнонаемных и 96,6 тыс. немцев-трудармейцев⁵¹. То есть немцы составляли в конце войны лишь 9% всего трудового потенциала НКВД. В предыдущие годы этот показатель был значительно ниже, потому что за годы войны количество заключенных было сокращено за счет досрочного освобождения и направления на фронт «неполитических». По данным В. Земского, в начале войны в лагерях находилось 1,7 млн. заключенных⁵². Освобождавшиеся места предназначались для интернированных, германских и бывших советских военнопленных, различного рода других «врагов» и «предателей».

Невелика была доля мобилизованных советских немцев по отношению ко всему трудовому контингенту и в других наркоматах. В угледобывающей промышленности она составляла 6,6%, в нефтедобывающей — 10,7 (практически все — женщины); в Наркомате боеприпасов — 1,7; в Наркомате строительства — 1,5; в Наркомате лесной промышленности — 0,6%; в других ведомствах и того меньше⁵³.

Из приведенных выше данных хорошо видно, что в общем трудовом потенциале страны советские немцы, мобилизованные в трудармейские формирования с лагерным режимом содержания, составляли очень небольшую часть и потому не могли оказывать какого-либо решающего влияния на выполнение производственных задач соответствующими наркоматами и ведомствами. Поэтому можно говорить об отсутствии острой экономической необходи-

мости использовать принудительный труд советских немцев именно в форме труда заключенных, хотя в целом введение трудовой повинности и ограничение определенных свобод для граждан стран, втянутых во вторую мировую войну, было явлением распространенным.

Однако лагерная форма организации принудительно-го труда граждан СССР немецкой национальности позволяла держать их под жестким контролем, использовать на самых физически тяжелых работах, тратить на их содержание минимум средств, о чем еще будет сказано ниже. Потому вполне логично заключить, что, скорее всего, подобное трудовое использование дееспособной части советских немцев было своеобразным актом мести за их родство с народом страны, ставшей главным противником СССР в войне. Кроме того, как уже отмечалось, «Трудармия» стала своеобразной мерой, направленной на разрядку социальной напряженности, возникшей в местах проживания депортированных из европейской части СССР немцев, в результате лишения их элементарных человеческих прав⁵⁴.

Глава 3

РАБОЧИЕ ОТРЯДЫ И КОЛОННЫ: РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ ТРУДАРМЕЙЦЕВ, ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Y

же отмечалось, что начало эпопеи «Трудовой армии» положило постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 660 от 11 сентября 1941 года, в соответствии с которым были расформированы строительные батальоны и организованы рабочие отряды и колонны. Личный состав этих подразделений снимался с государственного довольствия, рабочие должны были сами обеспечивать свое существование, как вольнонаемные. Вместе с тем сохранялось казарменное размещение рабочих, они имели статус военнообязанных, им запрещалось самовольно оставлять место дислокации.

Снятие строительных батальонов с интендантского снабжения и перевод их на хозяйственный расчет поставили их в тяжелые материально-бытовые условия. На заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) 13 декабря 1941 года отмечалось, что руководители строительных трестов и директора предприятий «не проявляли заботы о батальонах и вместо того, чтобы принять решительные меры за счет внутренних ресурсов и имеющихся у них фондов создать необходимые условия, зачастую отдельывались формальными отписками или заявками в обком ВКП(б), облисполком, облторготдел и другие областные организации, снимая с себя всякую ответственность за материальное положение бывших стройбатальонов»¹. В результате значительная часть бывших стройбатовцев оказалась ра-

зутой, раздетой, завшивленной. Питание было организовано из рук вон плохо. Так, в строй управлении № 62, находившемся в Юргинском районе Новосибирской области, 29 из 31 смертного случая последовали от истощения, половина рабочих в колоннах оказались временно нетрудоспособны. Выход на работу составлял: в октябре 1941 года — 91%, в ноябре — 85, в декабре — 76%; в январе 1942 года — 53,9%. Выполнение норм выработки за это время снизилось до 85%².

С началом массовой мобилизации немцев (трудармейцев) в рабочие колонны характер их трудовой деятельности, режим содержания стали определяться уже известным нам постановлением Государственного Комитета Обороны СССР № 1123сс от 10 января 1942 года, соответствующими прика-

зами и инструкциями «об использовании на предприятиях и стройках рабочих колонн из мобилизованных немцев».

Согласно приказу № 0083 наркома внутренних дел от 12 января 1942 года «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД СССР» трудармейцев размещали отдельно от заключенных в специально созданных для них лагерных пунктах. Из них формировались отряды по производственному принципу численностью 1500–2000 человек. Отряды подразделялись на колонны по 300–500 человек, колонны — на бригады, численностью 35–100 человек каждая³.

Согласованные с НКВД инструкции Наркомата угольной промышленности (без номера от 11 ноября и № 540 от 3 декабря 1942 года) и Наркомата нефтяной промышленности (№ 541 от 2 декабря того же года) предписывали угольным и нефтяным трестам формировать трудовые (шахтные) отряды, участковые колонны, сменные отделения и бригады по производственному принципу⁴.

Организационная структура отрядов при лагерях НКВД в общих чертах копировала структуру лагерных подразделений. Во главе отрядов стояли работники НКВД — «чекисты-лагерники», бригадирами, мастерами назначались специалисты из вольнонаемного состава. Однако, в порядке исключения, бригадиром мог стать и немец-трудармеец, если он был соответствующим специалистом и не числился в «черных списках» начальства как неблагонадежный. В каждый отряд назначался политрук для проведения политко-воспитательной работы.

Во главе отряда на предприятиях Наркомугля ставились заведующие

шахтами. На производстве мобилизованные немцы обязаны были беспрекословно выполнять все распоряжения главного инженера, начальника участка, мастера-десятника. В качестве начальников колонн, горных мастеров и бригадиров разрешалось использование немцев из числа «наиболее подготовленных и проверенных». Для обеспечения режима труда и содержания рабочих колонн, установленного распорядка дня, дисциплины на производстве и в быту на каждую шахту назначался заместитель заведующего шахтой — начальника отряда — из работников НКВД.

На начальников колонн и бригадиров возлагалось наблюдение и проверка мобилизованных по спискам, своевременный вывод всех находящихся в их подчинении на работу, передача трудармейцев под расписку начальнику участка и прием их от него по окончании смены, обеспечение явки на технические занятия в соответствии с планом, точное соблюдение установленного внутреннего распорядка, обеспечение бытового обслуживания мобилизованных, поддержание чистоты и порядка в бараках, отопление, освещение, снабжение кипятком, получение положенных норм питания, проведение санитарной обработки, своевременная госпитализация заболевших, организация ремонта одежды и обуви, создание лучших бытовых условий ударникам и стахановцам, организация и проведение культурных мероприятий.

Начальники колонн освобождались от производственной работы, а начальники отделений и бригады выполняли обязанности на производстве в качестве горных мастеров-десятников и бригадиров производственных бригад. Политико-воспитательной работой среди мобилизованных предписывалось заниматься партийным организациям совместно с руководством шахт.

Заведующий шахтой — начальник отряда — и его заместитель обязаны были организовывать непрерывное наблюдение за поведением мобилизованных немцев, не допускать и пресекать «в корне всякого рода проявления

массового сопротивления установленному режиму, саботажа, диверсий и других антисоветских выступлений, выявлять и разоблачать профашистские элементы, отказчиков, лодырей и дезорганизаторов производства»⁵.

Приказы и инструкции НКВД, наркоматов угольной и нефтяной промышленности устанавливали в рабочих отрядах и колоннах строгий воинский порядок. Статьи, определявшие обязанности мобилизованных немцев, по своему характеру походили на статьи воинского устава. Личный состав рабочих колонн должен был «четко и беспрекословно выполнять приказы и распоряжения начальников», соблюдать трудовую дисциплину, правила внутреннего распорядка, иметь опрятный внешний вид, соблюдать тишину и порядок. Находясь в строю, тоже надо было «точно выполнять все законные требования комсостава, строго соблюдать порядок, тишину и внимание». При встрече с начальником трудармеец обязан был встать по команде «Смирно!» и сесть только после разрешения командира. При обращении к руководству необходимо было встать, поднять руку к козырьку, опустить и находиться в положении «смирно».

Жесткие требования предъявлялись и к выполнению производственных норм и нарядов. Они должны были выполняться строго в установленные сроки и со «стпроцентным» качеством⁶.

Инструкции требовали селить трудармейцев в казармах-бараках колоннами. Причем все колонны размещались в одном месте — «зоне», огражденной забором или колючей проволокой. По всему периметру «зоны» предписывалось круглосуточно выставлять посты военизированной охраны, блок-посты караульных собак и дозоры. Стрелкам охраны ставились задачи пресекать попытки побегов, осуществлять «местный розыск» и задержание дезертиров, не допускать общения немцев с местными жителями и заключенными.

В Наркомате внутренних дел начальником управления режима и охраны ГУЛАГа майором госбезопасности

Добрыниным была разработана временная инструкция «О порядке охраны мобилизованных немцев, используемых на работах в лагерях и колониях НКВД». Инструкцию утвердил заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3-го ранга Круглов, она была введена в действие приказом наркома № 0048 от 10 марта 1942 года⁷. Основные положения этой инструкции в декабре 1942 года были продублированы в соответствующих разделах инструкций наркоматов угольной и нефтяной промышленности.

Кроме охраны мест расквартирования («зон»), осуществлялась охрана маршрутов передвижения и мест работы мобилизованных. На путях движения колонн выставлялись скрытые посты охраны, которые располагались в заранее определенном месте в целях перекрытия путей наиболее вероятного движения беглецов. После окончания продвижения колонн на работу и обратно посты снимались.

Район работ перед прибытием мобилизованных окружался скрытыми постами и оцеплением, которые дополнялись дозорами для осмотра местности с внешней стороны оцепления, конными стрелками на дорогах, ведущих в населенные пункты и прилегающих к участку работ, оперативными заслонами на перекрестках дорог и узких местах возможного продвижения беглецов, служебными собаками для обиска местности с внешней стороны. У входа на рабочую площадку выставлялся контрольно-пропускной пункт, а на территориях самих площадок устанавливалось дежурство стрелков без оружия, на которых возлагалось проведение периодической проверки, не реже одного раза в час, численности работающих мобилизованных немцев по бригадам⁸.

Основные положения этой инструкции почти дословно воспроизводили положения Временного наставления по службе охраны исправительно-трудовых лагерей НКВД, разработанного для заключенных. Таким образом, личный состав рабочих отрядов и колонн из мобилизованных нем-

цев практически ставился на положение осужденных, по трудармейцам даже разрешалось применение оружия⁹.

Наиболее полно и последовательно требования инструкции по размещению и охране рабочих колонн из немецких граждан СССР осуществлялись в системе НКВД. Руководство лагерей и строек состояло из работников лагерной администрации и имело большой опыт в осуществлении лагерного режима содержания заключенных. Несколько в лучшем положении по режиму содержания находились рабочие колонны при предприятиях наркоматов угольной и нефтяной промышленности. Инструкции этих ведомств определяли размещение мобилизованных в «зонах», как правило огражденных забором или колючей проволокой под усиленной охраной ВОХР¹⁰.

На работу и с работы трудармейцы следовали в строю под командой начальников колонн и отделений. В отдельных случаях разрешался выход за пределы «зоны» по увольнительной записке с указанием места следования и времени увольнения. Формула инструкции «как правило» позволяла руководителям предприятий в зависимости от местных условий содержать мобилизованных в различных режимах: от «зоны», огороженной колючей проволокой и сплошным дощатым забором с козырьком и восемью вышками, как это было на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов (он располагался на территории бывшего Сиблага НКВД), до полного отсутствия какого-либо ограждения и размещения трудармейцев в населенных пунктах по квартирам (так было в некоторых шахтерских городах)¹¹.

В приказе № 3с от 9 января 1943 года по государственному каменноугольному комбинату «Кузбассуголь» отмечалось нарушение инструкции по размещению и охране рабочих колонн, выражавшееся в отсутствии соответствующего режима содержания трудармейцев, затягивании устройства «зон», неподготовленности бараков и общежитий. К моменту издания приказа мобилизованные немцы еще не были сведены в отряды и колонны. Большое количество их прожива-

ло на частных квартирах¹². За 1943 год Наркомат угольной промышленности еще несколько раз издавал аналогичные приказы, отмечавшие невыполнение требований содержания и охраны трудармейцев угольными комбинатами и трестами.

Интересен приказ наркома угольной промышленности № 253/А/с от 29 апреля 1943 года. В нем отмечаются нарушения режима содержания на ряде шахт все того же Кузбасса. «Так, на шахтах имени Ворошилова и имени Калинина бараки, в которых расселены немцы, не ограждены, вооруженная охрана в зонах не организована, на шахте Бабаевская треста "Куйбышевуголь" более 40 человек расселены на частных квартирах». На подавляющем большинстве шахт немцы ходили в сопровождении работников управления спецотряда только на работу, обратно возвращались без сопровождения и охраны. Прием и передача трудармейцев под расписку не производились. Приказ требовал от управляющих трестами и заведующих шахтами к 5 мая 1943 года огородить все общежития и бараки, в которых размещались мобилизованные немцы, установить вооруженную охрану, прекратить выдачу увольнительных, переселить всех проживающих на частных квартирах в «зоны»¹³.

И все же, несмотря на требования руководства Наркомата угольной промышленности, даже к концу 1943 года не все шахты выполнили указание о создании «зон» и вооруженной их охране. Об этом свидетельствует приказ № 368с от 12 ноября 1943 года, в котором руководителям комбинатов «Москвуголь», «Тулауголь», «Челябинскуголь», треста «Кизелшахтстрой» указывалось на недопустимость проживания немцев на частных квартирах и общения с местным населением¹⁴.

Различия в режиме содержания мобилизованных в рабочие колонны немцев заметно влияли на уровень дезертирства. Самый низкий процент дезертирства имел место в рабочих колоннах при лагерях и стройках НКВД¹⁵. Это объяснялось отнюдь не лучшими условиями труда и быта, а

прежде всего жесткой системой охраны, осуществлявшейся профессионалами своего дела.

Для профилактики побегов трудармейцев власти уже сточали режим содержания, широко практиковалось проведение обысков. Заводу 1942 года указанием № 317 заместителя наркома внутренних дел Круглова начальникам лагерей предписывалось не реже двух раз в месяц проводить тщательный осмотр всех помещений лагеря, где содержались мобилизованные немцы. Одновременно с этим проводился осмотр с проверкой личных вещей, во время которого изымались запрещенные к пользованию предметы.

Запрещалось хранить холодное и огнестрельное оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические вещества, игральные карты, документы, удостоверяющие личность, военно-топографические карты, планы местности, карты районов и областей, фото- и радиоаппаратуру, бинокли, компасы. Виновные в хранении запрещенных предметов привлекались к ответственности.

Личный обыск мобилизованных публично не проводился. При появлении у администрации подозрений в отношении какого-либо трудармейца она имела право вызвать подозреваемого в помещение оперативного отдела лагеря, где он подвергался личному обыску.

В октябре 1942 года периодичность проверок и личного обыска немцев была увеличена до одного раза в месяц. Но теперь при обнаружении запрещенных вещей в казарме, палатке или бараке к ответственности привлекались, кроме виновных, дневальные и командиры подразделений, в помещении которых обнаруживали эти вещи¹⁶.

Внутренний распорядок в рабочих колоннах устанавливался в соответствии с постановлением ГКО СССР № 1123сс от 10 января 1942 года и должен был обеспечить «дисциплину, высокую производительность труда и выполнение производственных норм»¹⁷. Положения и инструкции наркоматов обязывали должностных лиц уста-

навливать в отрядах, колоннах и бригадах «строгий воинский порядок»¹⁸.

Утром после подъема, в начале седьмого, и вечером перед отбоем, около 23.00, производились проверки наличия личного состава по спискам колонны. Кроме того, проверка проводилась перед сменой путем переклички в строю. О результатах проверок и переклички немедленно докладывалось вверх по команде. При отсутствии кого-либо из трудармейцев немедленно сообщалось в горотдел или в райотдел НКВД и оперативный отдел управления лагеря для объявления розыска.

Распорядком дня предусматривалось время для завтрака, обеда и ужина, развода на работу, самообслуживания (как правило — 6.00–7.00), следования на работу и обратно, устанавливалось время для технической учебы, культурно-массовой работы.

За нарушение правил внутреннего распорядка, производственной дисциплины, невыполнение поручений или распоряжений администрации и инженерно-технических работников, невыполнение производственных норм и заданий по вине рабочего, нарушение правил безопасности, порчу инвентаря, инструмента и имущества на трудармейцев накладывались дисциплинарные взыскания. За незначительные проступки объявляли личный выговор, предупреждение, выговор перед строем и в приказе, применялись денежный штраф, назначение на более тяжелую работу до одного месяца, арест. В лагерях НКВД арест подразделялся на простой (до 20 суток) и строгий (до 10 суток)¹⁹.

Для отбывания ареста при каждой шахте и лагере НКВД организовывались гауптвахты, которые, как правило, состояли из двух камер — мужской и женской, с окнами размером 60 на 60 см, оборудованными железными решетками. Входная дверь имела отверстие — «волчок» — диаметром 6 см. Топчаны в камеры заносились только на ночь и не более чем на 6 часов. Арестованные выводились на наиболее тяжелые, черновые работы внутри «зоны», про-

должительностью не менее 12 часов в день. Работать арестованные должны были без отдыха, кроме перерыва на обед, и получать питание лишь половину от нормы. Им запрещалось иметь при себе продовольственные карточки, деньги, ремни, веревки, нитки, спички, сигареты, медикаменты, вилки, ложки и кружки. Все это имущество сдавалось начальнику охраны²⁰.

Строгий арест отличался от простого тем, что арестованного содержали в одиночке без вывода на работу, горячую пищу выдавали через день, выводили на прогулку один раз в день на 30 минут под охраной вооруженного стрелка²¹.

Наиболее злостные нарушители направлялись в штрафные шахты и штрафные колонны на срок до трех месяцев или предавались суду. Приказ наркома внутренних дел № 0083 от 12 января 1942 года предупреждал мобилизованных немцев, что за нарушение дисциплины, отказ от работы и дезертирство они подлежат уголовной ответственности «с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания»²².

В разъяснении № 128/17/10026 от 28 марта 1942 года, подписанным заместителем наркома внутренних дел В. Чернышовым и заместителем Прокурора СССР Сафоновым, начальникам исправительно-трудовых лагерей и оперативно-чекистским отделам исправительно-трудовых лагерей, прокурорам лагерей предписывалось привлекать состоящих в рабочих колоннах немцев за дезертирство и «злостный» отказ от работы по статье 58-14 Уголовного кодекса РСФСР²³. Эта статья квалифицировала дезертирство и отказ от работы как контрреволюционный саботаж, «то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти Правительства и деятельности государственного аппарата». Санкции этой статьи предусматривали меры наказания в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок от одного года вплоть до «высшей

меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества»²⁴.

С мая 1942 года санкции по отмеченным выше нарушениям были ужесточены. Теперь эти нарушения квалифицировались по статье 59-14 УК РСФСР как преступления «особо для СССР опасные». Отсюда вытекали и более суровые меры наказания²⁵.

За незначительные нарушения, не подлежащие уголовному наказанию, администрацией рабочих отрядов и колонн широко применялись меры дисциплинарного воздействия.

В конце 1943 — начале 1944 года режим содержания мобилизованных в рабочие колонны немцев был несколько смягчен. Изданные новые приказы наркоматов — угольной промышленности (№ 369c от 13 ноября 1943 года); целлюлозно-бумажной промышленности (№ 440 от 2 февраля 1944 года); инструкции наркоматов черной металлургии (от 26 марта 1944 года) и по строительству (от 1 марта 1944 года) — разрешили снять с «зон» вооруженную охрану и заменить ее вахтерскими постами на контрольно-пропускных пунктах и подвижными постами на внутренней территории. Стрелки ВОХРа из вольнонаемного состава заменялись мобилизованными из числа комсомольцев и членов ВКП(б). Вывод на работу стал осуществляться без охраны под командой начальника колонны или бригадира²⁶.

Лучшим производственникам-трудармейцам в виде поощрения разрешался вызов семей и совместное с ними проживание вне «зоны». Но это вовсе не означало, что такие рабочие исключались из рабочих колонн и переходили на положение вольнонаемных. Администрация предприятий выдавала им справки о разрешении проживания на частной квартире с семьей, с точным указанием населенного пункта и адреса. Ежедневно они должны были являться к начальнику колонны, чтобы отметить свое присутствие. Кроме такой справки они не могли иметь больше никаких документов. Эта справка служила основанием для

прописки местными органами милиции с отметкой, что данный гражданин числится в «немецкой колонне» на том или ином предприятии, шахте.

Реально получить разрешение на проживание с семьей вне «зоны» было очень сложно. Для этого было необходимо письменное разрешение-ходатайство руководства треста и характеристика. Эти документы направлялись в местные органы НКВД, осуществлявшие контроль над данной рабочей колонной. Отдел НКВД наводил справки об отсутствии на мобилизованного немца компрометирующих материалов и только после этого давал свое заключение администрации²⁷.

В рабочих колоннах и отрядах НКВД разрешение лучшим производственникам на проживание вне зон с семьями было дано лишь в апреле 1945 года соответствующим указанием заместителя наркома внутренних дел В. Чернышова²⁸.

По новым руководящим документам конца 1943 — начала 1944 года начальники колонн получили право представлять трудармейцам в свободное от работы время отпуск из «зоны» по увольнительным запискам с обязательным возвращением к 22.00. На территории «зоны» разрешалась организация крытых ларьков для продажи молочных и овощных продуктов местным гражданским населением, которое проходило на территорию лагеря по пропускам, выдаваемым дежурным по «зоне». Рабочим разрешалось свободное передвижение внутри территории, получение и отправление всех видов корреспонденции, получение продовольственных и вещевых посылок, пользование книгами, газетами и журналами, игры в шашки, шахматы, домино и бильярд, занятие физкультурой и спортом.

После окончания войны началась постепенная ликвидация всех «зон» и перевод трудармейцев на положение спецпоселенцев с закреплением их на предприятиях, где они работали в качестве рабочих по вольному найму. Немцам по-прежнему запрещалось самостоятельно уходить с

Таблица 6

**Распределение трудармейцев
по главным управлениям НКВД.
(По состоянию на 1 января 1945 года)³²**

Главные управления	Количество трудармейцев	Процент от общего числа
Лагерей железнодорожного строительства	5 780	6,1
Лагерей лесной промышленности	31 000	32,6
Лагерей промышленного строительства	45 770	48,2
Лагерей горно-металлургической промышленности	12 620	13,1

Приведенные данные показывают, что основная масса мобилизованных немцев использовалась на строительстве промышленных объектов и на лесоразработках, где они составляли, соответственно, пятую и седьмую части от общего количества трудового контингента этих отраслей.

За годы войны, обладая огромной армией дешевой рабочей силы, НКВД построил многие промышленные объекты. Рабочие колонны из немцев трудились на строительстве Бакальских металлургического и коксохимического заводов и на создании рудной базы этих предприятий. Сроки строительства первых пяти электропечей этого завода были рекордно короткими. Пуск их был назначен на четвертый квартал 1942 года, а две доменные печи вводились в эксплуатацию во втором квартале 1943 года. Задачи были выполнены в срок, в чем была немалая заслуга трудившихся там немцев-трудармейцев.

предприятий и покидать место жительства без разрешения органов НКВД.

Приказом наркома угольной промышленности № 305с от 23 июля 1945 года всем рабочим-трудармейцам разрешалось вызывать семьи. Исключение составляли те, кто работал на шахтах Московской, Тульской и Ленинградской областей. На объектах НКВД «зоны» и военизированная охрана мобилизованных немцев были ликвидированы директивой наркома внутренних дел № 8с от 8 января 1946 года. В этом же месяце «зоны» для мобилизованных немцев ликвидировались и в других наркоматах. Немцам разрешалось проживать на квартирах и в общежитиях, переводить к месту работы на постоянное жительство свои семьи²⁹.

В течение всего периода войны принудительный труд мобилизованных немцев использовали предприятия и стройки 24 наркоматов. Как уже отмечалось, наибольшее количество рабочих колонн из немцев функционировало при лагерях и стройках НКВД. За военные годы это ведомство превратилось в гигантский промышленно-строительный комплекс. Так, только в 1945 году по производственному плану НКВД планировалось добыть: угля — 4600 тыс. тонн, нефти — 140 тыс. тонн, газа — 330 тыс. куб. метров, медно-никелевой руды — 220 тыс. тонн, вольфрамовой руды — 116 тыс. тонн, молибденовой руды — 100 тыс. тонн; заготовить 9185 тыс. куб. метров леса; произвести 680 тыс. куб. метров пиломатериалов, 120 тыс. тонн нефтепродуктов и многое другое³⁰.

В системе НКВД рабочие колонны из мобилизованных немцев существовали при 25 лагерях и стройках. По виду и характеру производственной деятельности все эти объекты подразделялись на строительные — 9, железнодорожного строительства — 4, цветной и черной металлургии — 5, лесной промышленности — 7³¹. Организационно, внутри НКВД, эти лагеря и стройки входили в состав четырех главных управлений. На 1 января 1945 года в них трудилось свыше 95 тыс. мобилизованных немцев. Распределение этого числа трудармейцев по главным управлениям представлено в таблице 6.

Трудармейцы принимали участие в строительстве Новотагильских металлургического и коксохимического заводов, завода № 166 в Омске, Алтайского бромного завода, Богословского алюминиевого завода, Молотовского судостроительного завода и других, возводили плотины гидроэлектростанций на реках Урала: Понышской на реке Чусовая, Широковской на реке Косьва, Вилухинской на реке Усьва, многие другие объекты народного хозяйства.

Призванные в рабочие колонны советские немцы в большинстве своем были крестьяне и потому почти не имели рабочих специальностей и квалификаций. На 1 января 1944 года из 111 887 мобилизованных немцев, трудившихся в лагерях и на стройках, только 33 101 являлись квалифицированными специалистами (29%). Но даже эти специалисты не всегда использовались по прямому назначению. 28% их находились на общих работах, в том числе инженеров — 9,2%; техников — 21,8; медицинских работников — 14,2; электриков, специалистов радио и связи — 11,6; механизаторов сельского хозяйства (трактористов, комбайнеров, шоферов) — 68,7%³³. И это при острой нехватке таких специалистов в лагерях и на стройках, в целом по народному хозяйству страны!

Руководство страны подразделяло находившийся в его распоряжении трудовой контингент на четыре группы: группа «А» — наиболее трудоспособные и физически здоровые люди, использовавшиеся на основных производственных и строительных работах; группа «Б» — обслуживающий персонал; группа «В» — освобожденные от работы амбулаторные и стационарные больные, команды слабосильных, беременные женщины и инвалиды; группа «Г» — вновь прибывшие и убывающие, находящиеся под следствием и в штрафных подразделениях без вывода на работу, отказчики от работы, а также люди, не имевшие одежды и обуви. Соотношение трудармейцев по рассмотренным группам в среднем за 1943 год приведено в таблице 7.

Таблица 7
Соотношение трудармейцев, работавших в системе НКВД по группам «А», «Б», «В» и «Г», в среднем за 1943 год³⁴

Показатели трудового использования	Количество трудармейцев	Процент от общего числа
Среднесписочное число трудармейцев	153 826	100,00
Группа «А»	118 826	77,10
Группа «Б»	8 916	5,80
Группа «В»	23 988	15,60
Группа «Г»	2 364	1,50
Невыход на работу по погодным условиям	36	0,02

Из приведенных в таблице 7 данных видно, что труд основной массы мобилизованных немцев использовался на производстве (77,1%) и лишь небольшая часть (5,8%) находилась в составе обслуживающего персонала. Значительное число трудармейцев (15,6%) не выходило на работы из-за болезней. Это было связано, прежде всего, с плохим питанием и тяжелыми условиями труда.

Небольшое количество невыходов на работу по причине плохих погодных условий вовсе не означало, что погода благоприятствовала труду мобилизованных. Большинство лагерей НКВД находилось в местностях с суровыми климатическими условиями — на Севере, в Сибири и на Урале, однако лагерное начальство, как правило, пренебрегало этим фактом в погоне за выполнением плановых заданий, боясь срыва сроков пуска строившихся объектов.

При лагерях НКВД находились рабочие колонны не только из мобилизованных немцев, но и из представителей среднеазиатских народов. Для них, в отличие от немцев, при плохой погоде рабочий день сокращался. Так, продолжительность рабочего дня при температуре ниже -20° в тихую погоду и ниже -15° при ветре сокращалась до 4 часов 30 минут, при температуре ниже -15° в тихую погоду и ниже -10° при ветре — до 6 часов 30 минут. Для немцев же при любых погодных условиях продолжительность рабочего дня составляла не менее 8 часов³⁵.

Неблагоприятные погодные условия, тяжелая работа, плохое питание, необеспеченность одеждой, особенно зимой, отсутствие мест обогрева, продолжительный рабочий день, зачастую свыше 12 часов, а то и по 2–3 смены подряд — все это приводило к ухудшению физического состояния трудармейцев и значительным трудопотерям. Проследим динамику трудопотерь на объектах НКВД по изменению процентного состава группы «В» (больные, слабосильные, инвалиды) ко всему контингенту трудармейцев:

01.07.1942 г. — 11,5%;
01.01.1943 г. — 25,9%;
01.07.1943 г. — 15,0%;
01.01.1944 г. — 11,6%;
01.06.1944 г. — 10,6%³⁶.

Приведенные данные еще раз показывают, что самым тяжелым периодом в существовании рабочих колонн была зима 1942/43 года, в течение которой процент трудопотерь был самый высокий. Прежде всего, речь идет о больных и немощных. На этот же период приходятся самый строгий режим содержания, перебои с питанием и обеспечением обмундированием, теплой одеждой и обувью, неустроенность жизни и быта трудармейцев. С лета 1943 года наблюдается устойчивая тенденция к улучшению физического состояния людей, показатель по группе «В» неуклонно снижается.

Уже отмечалось нерациональное использование квалифицированных кадров из трудармейцев. На невысоком

уровне находилась и общая организация труда в рабочих колоннах. Об этом, в частности, свидетельствует директива НКВД № 499 от 19 ноября 1944 года. В ней отмечается плохая организация работ, неподготовленность рабочих мест, нехватка инструмента, нераспорядительность руководителей предприятий и т. п., в результате чего нормы выработки трудармейцами не выполнялись, а это, в свою очередь, приводило к низкой зарплате, не дававшей возможность компенсировать даже стоимость содержания рабочих колонн³⁷.

Существенной причиной невыполнения многими трудармейцами норм выработки являлось также отсутствие у большинства из них навыков работы на производстве. Так, на Актюбинском комбинате НКВД основная масса трудармейцев состояла из бывших колхозников южных районов Украины, не имевших даже понятия о работе в горнорудном производстве. Вследствие этого в четвертом квартале 1942 года средний процент выполнения производственных норм из месяца в месяц снижался, и лишь с января 1943 года наметился рост производительности труда. Способствовало этому не только приобретение определенных производственных навыков, но и улучшение питания. Кроме того, при лагере были организованы курсы по подготовке квалифицированных кадров без отрыва от производства, на которых ежемесячно обучалось около 140 человек по специальностям, необходимым комбинату: экскаваторщиков, водителей, водопроводчиков, печников и др.³⁸

Сходная ситуация имела место в лагерях, производивших лесоразработки. В Вятском лагере НКВД мобилизованные немцы использовались на лесозаготовительных, лесоукладочных и лесопогрузочных работах. Не имея навыков работы, они не могли выполнять производственные нормы как опытные рабочие. Обстановка осложнялась интенсивной подачей вагонов для отгрузки леса оборонным предприятиям. В результате бригады трудармейцев находились на работе по 20 и более часов в сутки. Быстрому ослаблению рабочих способствовал и тот факт, что Вят-

лаг, в силу общего дефицита трудовых ресурсов, не имел возможности в полной мере выполнять приказ своего наркома № 0033, требовавший организовывать периодический перевод бригад с тяжелой работы на более легкую, чтобы тем самым предотвратить перенапряжение рабочих. В результате, группа «В» в Вятлаге, составлявшая в марте 1942 года 23% всего списочного состава трудармейцев, к декабрю этого же года достигла 40,3%³⁹.

И все же, несмотря на тяжелые условия труда, нормы выработки и производительность труда мобилизованных немцев находились на довольно высоком уровне и превышали эти же показатели у заключенных, работавших в тех же условиях. Так, на Челябметаллургстрое НКВД не выполняли норму 5,6% заключенных и 3,7% трудармейцев. На 200% выполняли норму 17% заключенных и 24,5% трудармейцев. На 300% никто из заключенных не выполнял норму, а из трудармейцев с такими показателями работали 0,3%.

В целом в большинстве рабочих отрядов и колонн нормы выработки не только выполнялись, но и перевыполнялись. Например, за второй квартал 1943 года выработка норм трудармейцами составила: на строительстве Богословского алюминиевого завода — 125,7%; в Соликамлаге — 115; в Умальтлаге — 132%. За третий квартал того же года трудармейцы Востураллага выполнили нормы заготовки леса на 120%, вывоза леса — на 118%. Рабочие колонны Интинского лагеря НКВД за этот же квартал выполнили норму на 135%⁴⁰.

Определенное отличие от рассмотренных выше имели характер и условия труда на предприятиях Наркомата угольной промышленности. Как уже отмечалось, это был второй, после НКВД, наркомат, где использование принудительно-го труда советских немцев носило массовый характер.

Инструкция о трудовом использовании мобилизованных немцев на предприятиях Наркомугля устанавливала продолжительность рабочего дня и количество выходных дней на общем основании с вольнонаемными, требовала обяза-

тельное техническое обучение рабочих, горных мастеров, десятников и бригадиров из числа мобилизованных не менее четырех часов в неделю. Нормы выработки, ввиду отсутствия навыков работы в шахтах, в первый месяц снижались до 60%, во второй месяц — до 80, а с третьего месяца составляли 100% от норм, установленных для вольнонаемных⁴¹.

Реальное положение дел на местах было иное, чем того требовала инструкция. В приказе наркома угольной промышленности № 193с от 21 июня 1943 года отмечалось, что производительность «спецконтингента» на 25–30% ниже производительности вольнонаемных рабочих. Своевременно не подготовлены рабочие необходимых квалификаций, из которых можно было бы комплектовать самостоятельные шахты и лавы. Обучению немцев для самостоятельной работы на шахтах серьезного внимания не уделялось. Приказ требовал не позднее 1 августа сосредоточить для работы на специально выделенных для этого шахтах и стройках всех мобилизованных немцев с учетом «группового их размещения вблизи производства». Выделенные шахты и стройки должны были полностью укомплектовываться трудармейцами во главе с вольнонаемными руководителями и инженерно-техническим персоналом. Допускалось использование на этих шахтах на основных агрегатах вольнонаемных рабочих по недостающим среди немцев профессиям⁴².

Однако к ноябрю 1943 года требования приказа № 193с о концентрации немцев на отдельных шахтах так и не были выполнены. Приказ наркома угольной промышленности № 368с от 12 ноября 1943 года устанавливал новый срок концентрации до 1 января 1944 года. За невыполнение предыдущего приказа был снят с работы заместитель начальника комбината «Тулауголь» по спецконтингенту Куприянов⁴³.

Первые «спецучастки» из мобилизованных немцев были созданы на шахтах трестов «Ленинуголь» и «Молотовуголь». Они успешно справлялись с плановыми заданиями. Так, по тресту «Молотовуголь» на шахте «Капитальная» спецучасток № 9 план февраля 1944 года выполнил на 130%, на шах-

те № 10 спецучасток № 8 — на 112%. Но таких участков было мало. Даже к апрелю 1944 года концентрация немцев на отдельных шахтах не была завершена. Мобилизованные немцы мелкими группами и в одиночку работали по всем предприятиям, во всех сменах, общались с вольнонаемными, что официально строжайше запрещалось. Так, на шахте им. Сталина комбината «Кузбассуголь» только один участок был полностью укомплектован трудармейцами, а на остальных немцы работали в количестве от 5 до 40 человек на каждом⁴⁴.

Значительная часть допущенных к подземным работам трудармейцев специального обучения («техминимума») не проходила. По тресту «Кагановичуголь», например, за первый квартал 1944 года техминимум прошли только 318 из 2676 трудармейцев, работавших под землей. По этому же тресту в марте 1944 года обучение горному делу должны были пройти 109 человек, а реально обучалось только 37⁴⁵.

Отсутствие знаний по специальности и технике безопасности приводило к несчастным случаям, частым травмам, а следовательно, и к потере трудоспособности. По тресту «Кагановичуголь» только за март 1944 года была зарегистрирована потеря 765 человеко-дней из-за травм, полученных на производстве. На шахте им. Сталина комбината «Кузбассуголь» за первый квартал 1944 года произошло 27 несчастных случаев, из них 3 — со смертельными исходами, 7 — с тяжелыми травмами, приведшими к инвалидности, и 17 — с травмами средней тяжести.

На шахте «Вождаевка» треста «Куйбышевуголь» 16 февраля 1944 года произошел взрыв, в результате которого погибло 80 человек, в том числе 13 немцев, один трудармеец пропал без вести. По мнению руководства шахты, причинами аварии стали несоблюдение правил безопасности некоторыми рабочими, захламленность проходов, несвоевременное перекрытие печей, непроведение разбора причин предыдущих происшествий, текучесть кадров, нарушения трудовой дисциплины⁴⁶.

В целом, как постоянно отмечалось в документах руководителей шахт, комбинатов, трестов, несмотря на недостатки в организации труда и слабые навыки работы на шахте, подавляющее большинство трудармейцев работало добросовестно, добиваясь высоких результатов. Так, по тресту «Анжероуголь» выполнение норм трудармейцами характеризовалось следующими средними показателями: забойщики — 134%; навалоотбойщики — 144; установщики — 182; лесодоставщики — 208%.

Говоря о трудовом использовании мобилизованных немцев на предприятиях Наркомугля, нельзя пройти мимо такого факта, как широкое использование на шахтах труда подростков-немцев, мобилизованных осенью 1943 года в результате третьего массового призыва немцев. Например, на шахте «Северная» треста «Кемеровуголь» в рабочей колонне, насчитывавшей 107 человек, работал 31 подросток от 16 лет и младше, в том числе 15-летних — 12; 14-летних — 1. Работали они на всех участках шахты наравне со взрослыми, и никто не пытался облегчить их труд⁴⁷.

На большинстве шахт Наркомата угольной промышленности требование инструкции о предоставлении трудармейцам не менее трех выходных дней в месяц не соблюдалось. Руководство предприятий требовало, чтобы каждый рабочий-трудмобилизованный принимал так называемую «новогоднюю клятву товарищу Сталину», в которой трудармейцы брали обязательство увеличивать угледобычу за счет выходных дней. Так, заместитель управляющего трестом «Кемеровуголь» по спецконтингентам Белослюдцев докладывал рапортом начальнику комбината, что коллектив подчиненного тресту спецотряда трудармейцев выполнил взятые обязательства на два месяца раньше срока. Коллектив должен был до конца 1944 года дать стране 30 тыс. тонн угля за счет выходных дней непосредственно из забоя. «Взятые обязательства перед вождем выполнены с честью. За истекшие 10 месяцев 1944 года отработано 7000 чел/дней и, как результат, выдали 35 000 тонн угля. Добыча за счет выходных дней продолжается»⁴⁸.

Руководство Наркомата угольной промышленности считало, что немцы наиболее пригодны для основных подземных работ в шахтах и тяжелого физического труда на поверхности, как «наиболее здоровые по сравнению с остальными рабочими, мобилизованными в угольную промышленность в военное время»⁴⁹. По этой причине от управляющих шахтами требовали максимальное количество мобилизованных немцев сосредоточивать не на повременной работе, а на сдельной, стимулировавшей повышение производительности труда. Так, например, заместитель начальника комбината «Кузбассуголь» Саак в письме заведующему шахтой им. Сталина требовал «незамедлительно перевести всех немцев на сдельную работу непосредственно под землей, а на поверхности оставить только на тяжелой физической работе»⁵⁰. Кстати, на этой шахте под землей работало 70% имевшихся там немцев, половина из которых трудилась непосредственно в забое.

В отличие от руководителей рабочих колонн в НКВД, руководство отрядов и колонн в угольных трестах не осуществляло постоянного и точного учета мобилизованных немцев. Это позволяло отдельным трудармейцам устраиваться на работу по своему усмотрению. В приказе № 3с от 9 января 1943 года по комбинату «Кузбассуголь» приводились факты, когда некоторые руководители шахт не знали реального количества и местонахождения немцев. В тресте «Ленинуголь» немцы работали в различных учреждениях по вольному найму, например — водителем в военном госпитале⁵¹.

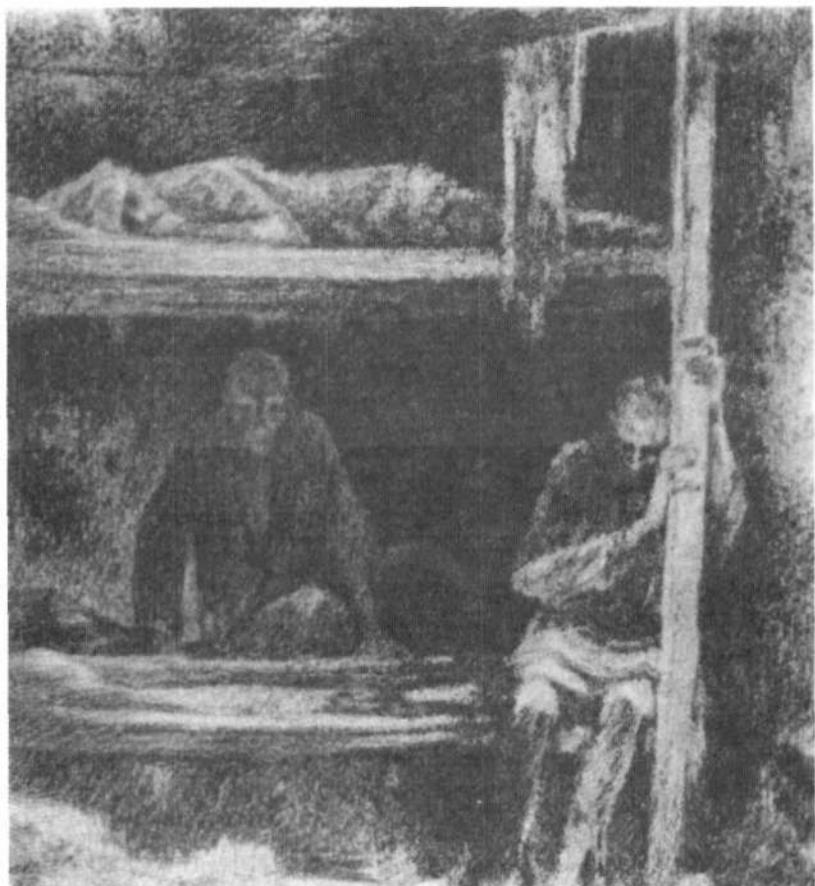
Практически по всем наркоматам отмечались случаи, когда руководители предприятий использовали мобилизованных немцев не по назначению, сдавая, в частности, как рабочую скотину в аренду на другие предприятия и получая от этого личные дивиденды, а также для личных нужд, на строительстве собственных домов, личных огородах, в качестве домашней прислуги. Такие случаи зафиксированы, в частности, директивой НКВД № 499 от 10 октября 1944 года на предприятиях трестов «Челябуголь» и «Куйбышевнефтекомбинат»⁵².

Последний из названных выше трестов находился в системе предприятий Наркомата нефтяной промышленности. В этом наркомате рабочие колонны из мобилизованных немцев использовались, главным образом, на строительстве дорог, нефтепроводов, в карьерах, на лесозаготовках, лесовывозе, расчистке дорог, на разведке и т. п. В Наркомате боеприпасов немцы работали на вспомогательных производствах и в подсобных хозяйствах предприятий, их не допускали к работе в основных и особенно в оборонных цехах. Аналогичный характер трудового использования немцев имел место и в других наркоматах, где они работали.

Глава 4

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НЕМЦЕВ, МОБИЛИЗОВАННЫХ В «ТРУДОВУЮ АРМИЮ»

Г

оворя об условиях жизни трудармейцев, прежде всего обратимся к оплате их труда, от которой во многом зависело их материальное обеспечение. Труд мобилизованных немцев оплачивался, однако в первые месяцы существования рабочих отрядов и колонн в этом деле было много беспорядка и произвола. Лишь с введением в действие специальной инструкции от 1 октября 1943 года процесс оплаты труда трудармейцев принял более или менее упорядоченный характер. Согласно инструкции, основная зарплата немцам-трудармейцам начислялась по единым нормам выработки и расценкам с применением прогрессивно-сдельной оплаты труда, как и для вольнонаемных рабочих в аналогичных отраслях промышленности. За сверхурочную работу оплата труда производилась по действовавшему в то время трудовому законодательству, за отработанные выходные и праздничные дни предоставлялись отгулы. Отпуска за период пребывания в «Трудармии» не предоставлялись, компенсации за неиспользованные отпуска не начислялись. Предусматривалась выплата пособий мобилизованным немцам по временной нетрудоспособности (болезнь, беременность женщин и др.) в порядке и размерах, установленных для вольнонаемного состава с учетом трудового стажа до мобилизации, если он подтверждался соответствующими документами.

Немцам, содержавшимся в штрафных подразделениях, в том числе и в изоляторах с выводом на работу, зар-

плата на руки не выдавалась, а перечислялась на их лицевые счета в сберкассе и в последующем могла быть выдана только с разрешения начальника колонны. По договоренности с местными управлениями сберегательных касс в черте зоны открывались приписные сберкассы, куда и перечислялись заработанные штрафниками суммы.

Из зарплаты мобилизованных немцев удерживались все виды налогов на общих основаниях. Кроме того, с них удерживались суммы по начетам, произведенным распоряжением лагерной администрации за причиненный при исполнении служебных обязанностей ущерб, за износ выданного обмундирования, за коммунально-бытовое обслуживание, в которое включались банно-прачечные расходы и стоимость текущего ремонта обмундирования. В банно-прачечные рас-

ходы включалось и содержание аппарата коммунально-бытовых учреждений, а также обслуживающего персонала патрикмахерских, кубовых и т. п. Сумма износа обмундирования исчислялась по установленному сроку носки соответствующих предметов и стоимости их по розничным ценам промышленных товаров данного пояса.

За преждевременный износ обмундирования взыскивалась сумма в размере 12-кратной стоимости, если это было вызвано небрежностью и умышленной порчей.

Стоимость питания («котлового довольствия») и отпускаемых трудармейцам хлеба, сахара и мыла из зарплаты отдельно не удерживалась. Продовольственное снабжение осуществлялось через организации общественного питания («пищеблоки»), где отпуск пищи производился только по талонам. Талоны выдавались хозяйственной частью подразделения ежедневно через помощника начальника колонны и бригадиров, при одновременном взыскании стоимости, вносимой в кассу.

Стоимость приготовляемых блюд исчислялась по набору продуктов, согласно меню-раскладке, с начислением «издержек обращения порядком, установленным для сети общественного питания вольнонаемного состава». В состав «издержек обращения», кроме расходов, связанных с приготовлением пищи, включались также заготовительные, складские и транспортные расходы, расходы на содержание аппарата хозяйственной части. Стоимость продуктов включалась в калькуляцию по розничным ценам соответствующего пояса¹.

Значительная часть заработанных денег высчитывалась администрацией за оплату содержания рабочих колонн. За счет мобилизованных содержался штат управления отрядов и колонн, обслуживающий персонал. Должностной оклад начальника отряда составлял

1200 руб., начальника колонны — 1000 руб. в месяц. Управление отряда, как правило, состояло из 15 человек с фондом месячной зарплаты в сумме 12 500 руб. Количество обслуживающего персонала колебалось от 4,3 до 5,5% от общего числа рабочих в отрядах в различные периоды времени².

После проведения всех вычетов заработка плата выдавалась трудармейцам на руки. Средняя зарплата по лагерям НКВД за 1943 год составляла: по Актюбинскому комбинату НКВД — 233 руб. в месяц; по Востураллагу — 200 руб.; по Джидастроу — 230 руб. В Понышском лагере, где трудились женщины, средняя зарплата составляла 165 руб. в месяц, в Умальтлаге — 296 руб., на строительстве Богословского алюминиевого завода — 405 руб. В Ухтоижемлаге, специализировавшемся на добыче нефти, рабочие получали на нефтешахте 658 руб. в месяц, на добыче нефти — от 230 до 725 руб., на ремонте глубинных насосов — от 205 до 400 руб., на сельхозработах — 200–250 руб., на газопромысле — 450, в лесхозе — 130 руб. в месяц. Чтобы иметь представление о том, много это или мало, приведем некоторые цены того периода: булка хлеба — 2–10 руб., килограмм картофеля — 5–15 руб., литр молока — до 20 руб., пара ботинок — 100–150 руб., фуфайка — 150–300 руб.³

Жилье трудармейцев оставляло желать много лучшего. Это относится ко всем наркоматам, имевшим рабочие отряды и колонны. При обследовании органами НКВД состояния административного режима проживания, трудового использования и размещения немцев и немок в наркоматах угольной, нефтяной промышленности, боеприпасов отмечались скученность, использование для жилья «случайно приспособленных бараков и других помещений, негодных для проживания, находящихся в антисанитарных условиях»⁴. В еще более худшие условия были поставлены рабочие колонны при лагерях НКВД. Они размещались, как правило, в бывших лагерных пунктах, а зачастую на пустом месте в наспех вырытых бараках-землянках.

В первые полгода существования рабочих отрядов из-за острой нехватки жилых помещений отмечались случаи

проживания немцев на расквартировании в населенных пунктах, как, например, в Волжском лагере НКВД, который не в состоянии был своевременно разместить почти 22 тыс. мобилизованных, доставленных на строительство железной дороги. Однако таких случаев было немного, люди переселялись в казармы по мере их строительства.

Для жилья использовались казармы-бараки саманные, построенные из глины и сена, бараки земляные и рубленые из бревен. В Интинском исправительно-трудовом лагере и Соликамлаге мобилизованные немцы жили в каркасно-засыпных бараках с крышей из брезента и стенами, засыпанными опилками и шлаком. Из-за отсутствия стекла бараки оборудовались без окон, а имевшиеся окна забивались изнутри и снаружи досками и засыпались опилками. Освещения в них практически не было, ввиду острого дефицита электрических лампочек и керосина. Для обогрева использовались самодельные печки-буржуйки из приспособленных для этой цели железных бочек.

Внутри бараков для сна оборудовались двух-, а зачастую и трехъярусные деревянные нары, которые не могли обеспечить нормальный отдых из-за большой скученности людей, проживавших в одном помещении. На одного человека в среднем приходилось чуть больше 1 кв. метра полезной площади.

Были условия и того хуже. В рабочей колонне Джидинского строительства НКВД 503 человека размещались в восьми бараках общей площадью 460 кв. метров. Несколько лучше обстояли условия в рабочей колонне Ивдельлага, где на одного человека приходилось 1,9 кв. метра жилой площади. В Унженском исправительно-трудовом лагере, где работали мобилизованные немки, на одну трудармейку приходилось 2 кв. метра жилья.

Для отличников производства, стахановцев, инженерно-технических работников в бараках создавались отдельные секции так называемой «вагонной системы», оборудованные деревянными топчанами, в редких случаях — койками с постельными принадлежностями⁵.

В гражданских наркоматах отмечалось больше случаев проживания трудармейцев на частных квартирах и на более длительный срок. Однако в течение 1943 года всех мобилизованных немцев переселили в бараки, построенные по типу описанных нами выше бараков в рабочих колоннах НКВД. Повсеместно отмечалась большая скученность людей, недостаток освещения и отопления, наличие вшей и клопов. На комбинате № 564 Наркомата боеприпасов вместе со взрослыми проживало 135 детей, из которых 74 — школьного возраста. Естественно, они нигде не учились⁶.

В тресте «Туймазанефть» мобилизованные немцы проживали в бараке, крыша которого имела много щелей, а стропильные балки находились в аварийном состоянии, грозя вот-вот обрушиться. Из-за частых дождей люди, проживавшие в этом бараке, и их постельные принадлежности были постоянно мокрыми. На шахте № 25 треста «Мосшахтстрой» в Тульской области немцы жили в землянках и часть из них из-за крайней скученности вынуждена была спать под нарами на сыром земляном полу. В Свердловской области в зоне № 1 «многие рабочие, не помещаясь в бараки, спали на улице, возле их стен»⁷.

Часто партийное руководство городов и районов и руководители предприятий, боясь ответственности, пытались скрывать истинное положение дел с жильем трудармейцев. Так, секретарь Прокопьевского горкома ВКП(б) М. Гусев в письме первому секретарю Кемеровского обкома партии С. Задонченко о содержании и трудовом использовании мобилизованных немцев на шахтах Прокопьевского рудника 26 мая 1944 года докладывал, что «бытовые условия немцев вполне удовлетворительные, в общежитиях и на территории чисто, жилищная площадь нормальная». Комиссия, проверившая чуть позднее рудник, пришла к противоположным выводам⁸.

Начиная с 1944 года наметилась общая тенденция к улучшению жилищных условий трудармейцев, главным образом за счет труда самих же рабочих. Строились бани, прачечные, столовые, помещения для жилья, однако серьезных изменений к лучшему не произошло. Продолжали иметь место фак-

ты вопиюще пренебрежительного отношения администрации лагерей, строек, предприятий к элементарным человеческим запросам. Приведем один из них.

В июне 1944 года на комбинат № 179 и завод № 65 Наркомата боеприпасов из Нарымского округа было доставлено 295 семей (768 мужчин, женщин, детей) немцев-спецпереселенцев. Все трудоспособные мобилизовывались в рабочие колонны. Руководство комбината к встрече новой партии трудармейцев не подготовилось. В связи с нехваткой жилья и отсутствием топлива на одном топчане спали по 2–3 человека⁹.

Жилищные трудности мобилизованных усугублялись недостатком постельных принадлежностей, плохим снабжением теплыми вещами, обмундированием и спецодеждой. Так, в Волжском лагере НКВД одеяла имелись только у 70%, на волочки и простыни у 80% трудармейцев. В Интинском исправительно-трудовом лагере на 142 трудармейца имелось всего 10 простыней. Матрацы, как правило, набивались соломой, но и это зачастую не делалось. На ряде предприятий трестов «Кузбассуголь» и «Кемеровуголь» из-за отсутствия соломы мобилизованные спали прямо на голых нарах.

В приказе наркома угольной промышленности № 368с от 12 ноября 1943 года отмечалось, что «руководители комбинатов, трестов и шахт не принимают решительных мер по созданию нормальных бытовых условий для мобилизованных немцев. В результате такого отношения 70% рабочих спят на голых нарах и только 30% обеспечены постельными принадлежностями»¹⁰.

По этому приказу на четвертый квартал 1943 года целевым назначением для мобилизованных немцев, трудившихся в рабочих колоннах на объектах Наркомугля, было выделено 13 600 ватных телогреек, 6200 брюк, 11 200 брезентовых тужурок, 14 800 брезентовых брюк, 29 600 пар обуви, 19 100 матрасов, 45 890 наволочек, 19 150 простыней, 27 920 одеял. На 1 января 1944 года на объектах наркомата трудилось почти 56 тыс. трудармейцев. Естественно, обнову получили далеко не все. Приказ предписывал выдачу одежды и обуви производить в первую очередь стахановцам, систематически выпол-

няющим и перевыполняющим нормы, и остро нуждающимся рабочим основных угольных профессий¹¹.

Таким образом, в основу распределения материальных благ закладывался принцип производственной необходимости. В первую очередь обеспечивались те категории рабочих, которые определяли способность предприятия выдавать продукцию, и тем самым стимулировалось повышение производительности труда.

Приказ не ограничивался только напоминанием руководителям предприятий о неудовлетворительном состоянии «спецконтингента», но им еще был снят с работы за «проявленную бездеятельность» уже упоминавшийся нами заместитель начальника треста «Тулауголь» по спецконтингентам Куприянов и «строго предупрежден» заместитель начальника комбината «Челябинскуголь» Ушаков о том, что если до 15 декабря не будет наведен порядок в быту мобилизованных немцев, то он будет снят с работы и привлечен к ответственности¹².

Руководство НКВД СССР в феврале 1944 года дало указания своим органам на местах организовать систематическое наблюдение за состоянием рабочих колонн из мобилизованных немцев, все выявленные недочеты фиксировать актами, а работников, наиболее злостно уклоняющихся от работы с мобилизованными, привлекать к ответственности. В случае отсутствия нормальных условий для жизни и быта рабочих, предписывалось ставить вопрос о снятии рабочих колонн с предприятий Наркомата угольной промышленности¹³. Такое наблюдение действительно было организовано, о чем свидетельствуют многочисленные акты, направлявшиеся в областные комитеты ВКП(б) и в отдел спецпереселений НКВД СССР.

Проблему обеспечения трудармейцев вещевым имуществом и постельными принадлежностями так и не удалось решить до конца войны. Управляющий шахты им. Сталина в мае 1944 года сообщил начальнику комбината «Кузбассуголь» о том, что матрасы, подушки имеются у всех, а одеяла только у 200 человек, простыни — у 800 из 974 работающих на шахте немцев¹⁴. 15 апреля 1944 года начальник Управления

НКВД по Кемеровской области докладывал в обком партии, что «несмотря на тяжелое положение с обеспечением бельем, одеждой и постельными принадлежностями, отдельные начальники шахт не обращают внимания на это и допускают распределение специально выделенного фонда промтоваров и спецодежды среди вольнонаемных рабочих»¹⁵.

В феврале 1945 года в акте, составленном старшим оперуполномоченным Управления НКВД по Новосибирской области капитаном госбезопасности Книдзе, врачом облсаннспекции Айзинер и инструктором отдела промышленности боеприпасов обкома ВКП(б) Степановым по результатам обследования жилищно-бытовых условий немцев, работавших на заводе № 65 Наркомата боеприпасов, отмечался большой недостаток постельных принадлежностей. На 768 человек руководство завода выдало только 200 матрасов, из которых 34 оказались непригодными для использования, а остальные — грязными и рваными. Подушки, одеяла и простыни не выдавались совсем. Половина мобилизованных спала на голых топчанах, а остальные на лохмотьях. «Вместо одеяла заворачивались в верхнюю загрязненную и рваную одежду. На ночь люди не раздеваются и спят одетыми»¹⁶.

Докладные записки, подобные приведенной выше, поступали от местных органов НКВД своему руководству в Москву практически из всех областей, на территории которых работали отряды. Приведем несколько фрагментов из них.

Из Молотовской области, август 1943 года: «На Югокамском заводе (Наркомат нефтяной промышленности) находится 550 немок, из них 50% не имеют переменной одежды, 27 человек ходят на работу босые в рваной одежде».

«В бараке на станции Баская Губахинского района прилегающие Кизелшахтстрою мобилизованные совершенно не имеют нижнего белья, спецодежды не получают, а имеющаяся у них одежда пришла в негодное состояние, не поддающееся никакой чинке. Многие немцы, в том числе и молодые, ходят в такой одежде, через которую видно обнаженное тело».

Из Челябинской области, август 1943 года: «В зоне “Еманжелинуголь” в значительном количестве отсутствуют

постельные принадлежности и мобилизованные спят на грязных вонючих лохмотьях. Имеющиеся постельные принадлежности покрыты грязью. Кроме одежды, в которой они работают, у них ничего нет. Эта одежда заношена, изорвана, покрыта грязью. В ней они работают, едят, спят...»

Из Карагандинской области: «Спецодежда не выдается. Своя одежда у большинства износилась до такой степени, что часть немцев совершенно раздета... По комбинату "Карагандауголь" из 3836 человек мобилизованных имеют верхнюю одежду 1044 человека, обувь 537, белье 1215 человек».

Из Свердловской области: «На марганцевом руднике "Полуночное" в числе 2534 мобилизованных полностью одетых 797 человек, не имеющих части одежды 990 человек, не имеющих обуви 677 и 84 человека не имеют ни одежды, ни обуви...»¹⁷.

Не менее драматично складывалась ситуация и с продовольственным обеспечением личного состава рабочих колонн и отрядов. Недостаток продовольствия был связан не столько с тем, что в первую очередь оно уходило в действующую армию, сколько с общим плачевным состоянием продовольственного обеспечения в целом по стране, корни которого крылись в самой природе сталинского антирыночного социализма. Война серьезно усугубила продовольственную проблему. Как видно из документов, снабжение мобилизованных немцев осуществлялось едва ли не в последнюю очередь, что и обусловливало затруднения с питанием в рабочих колоннах.

В основу организации питания трудармейцев был положен все тот же производственный принцип, согласно которому более высокую норму получал рабочий, выполнявший производственный план на 100 и более процентов. Причем за весь период войны эти нормы неоднократно подвергались значительным изменениям в зависимости от наличия и ассортимента продуктов. Нормы питания устанавливались не только приказами и указаниями центра, но и руководством предприятий лагерей и строек.

Особенно острая нехватка продовольствия отмечалась зимой 1942/43 года. 25 октября 1942 года заместитель наркома внутренних дел Круглов дал указание начальникам исправительно-трудовых лагерей запретить выдачу мобилизованным немцам хлеба более 800 грамм в сутки на человека, независимо от процента выполнения производственного задания. Это делалось «в целях экономии расходования продуктов и хлеба». Были снижены нормы обеспечения и по другим продуктам: рыбы — до 50 грамм, мяса — до 20, жира — до 10, овощей и картофеля — до 400 грамм в сутки¹⁸.

Следует отметить, что даже заниженные нормы питания практически никогда полностью не доводились до рабочих по различным причинам: от отсутствия продовольствия и до злоупотреблений должностных лиц, организовывавших питание.

Конкретное количество продуктов, причитавшихся трудармейцам по этим нормам, приведено в таблице 8.

Таблица 8

**Нормы продовольственного снабжения
мобилизованных немцев,
в граммах на одного человека в сутки.
(По состоянию на 1 октября 1943 г.)¹⁹**

Продукты питания	Норма № 1	Норма № 2	Норма № 3
Мука подболитовая	5	30	30
Крупа, макароны	40	100	120
Мясо, рыба	60	90	130
Жиры	13	17	22
Картофель, овощи	320	480	640
Сахар	13	13	13
Соль	8	14	14

В зависимости от выполнения планового задания нормы питания разделялись на три вида («котла»). Норма № 1 — уменьшенная — предназначалась для тех, кто не выполнял производственные задания. Норму № 2 получали те, кто выполнял эти задания на 100–150%. По норме № 3 — увеличенной — питались те, кто перевыполнял производственные задания более чем на 150%. Как видно из таблицы 10, количество продуктов по нормам значительно отличалось друг от друга в зависимости от выполнения плана. Так, норма № 1 была ниже нормы № 3 по картофелю и овощам в два раза, по мясу и рыбе — более чем в два раза, по крупе и макаронам — в три раза. По сути дела, питаясь по первой норме, человек находился на грани истощения и мог только поддерживать свои силы, чтобы не умереть голодной смертью.

Иногда некоторые продукты, предписанные нормой, отсутствовали в рационе трудармейцев по несколько месяцев. Часто одни продукты заменяли на другие. Нередкими были случаи, когда пища готовилась из некачественных продуктов. В архивах хранится немало документов о неудовлетворительном продовольственном обеспечении трудармейцев. Приведем несколько фрагментов.

Волжский лагерь НКВД, четвертый квартал 1942 года: «Жиры отсутствуют, мясо заменено соленой рыбой и солониной, частые перебои с сахаром, который заменяют сухофруктами».

Вятский лагерь НКВД, второй квартал 1943 года: «Мясо выдается в виде соленых сбоев, свежее мясо, если оно есть, то в виде говяжьих голов с вырезанным мясом и удаленными мозгами. Пища выдавалась два раза в день. Так, по норме № 2 выдается 137 грамм крупы с заменой овощами и 98 грамм сбоев с заменой жиров, из которых приготавливается два супа литражом 650 грамм каждый и две каши по 400 грамм каждая. В результате приготовления пища даже при двухразовом питании получается водянистая и к тому же без жира».

Соликамский лагерь НКВД, второй квартал 1943 года: «Основные продукты, получаемые во втором квартале: мука, пшеничная крупа, растительное масло, мясо, овощи, сахар отсутствуют»²⁰.

Завод № 65 Наркомата боеприпасов, февраль 1945 года: «Качество пищи низкое. В столовой зачастую не хватает первых блюд, а вторые, как система, недодают даже на изолятор. В снабжении хлебом бывают частые перебои и были случаи, когда он не завозился по трое суток»²¹.

Трест «Кемеровуголь» Наркомата угольной промышленности, март 1944 года: «В столовой шахты Северная вместе с хлебом мобилизованным выдавались хлебные крошки»²².

Несколько лучше питались рабочие, систематически перевыполнявшие производственные задания, специалисты и члены бригад стахановцев. Им выдавалось дополнительное питание за счет продовольствия, заработанного в колхозах. Так, на Актюбинском комбинате НКВД этим категориям трудармейцев в виде дополнительного «спецблюда» выделялось по 150 грамм пшеничной крупы. В Вятлаге дополнительное питание состояло из 35 грамм крупы, 50 грамм мяса или рыбы, 10 грамм жиров и 50 грамм овощей²³.

Прием пищи трудармейцами осуществлялся в помещениях, большей частью не подходивших для столовых. Малая пропускная способность этих помещений, значительная нехватка посуды усугубляли ситуацию. К примеру, на шахтах «Северная» и «Южная» комбината «Кемеровуголь» трудармейцы вынуждены были стоять в очереди по три часа, чтобы получить скучную порцию пищи, и все из-за того, что в столовой шахты «Северная» было всего восемь столов и двенадцать мисок, в столовой шахты «Южная» — всего восемь мисок²⁴.

Трудности в организации питания вынуждали руководство наркоматов прибегать к неординарным мерам. С лета 1943 года и до самого окончания войны практиковались командировки сроком на один месяц небольших групп немцев во главе с представителями предприятий в районы проживания семей или родственников для сбора посылок и отправки их багажом в места дислокации соответствующих рабочих колонн.

7 апреля 1943 года заместитель наркома внутренних дел Круглов издал директиву № 174, в которой отмечался факт массового ухудшения физического состояния «спецконтингента» лагерей и строек НКВД. Предлагалось принять экст-

ренные меры к «оздоровлению». В качестве одной из таких мер было приказано «организовать сбор щавеля, крапивы, других дикорастущих, могущих быть немедленно использованными в качестве заменителей овощей». Сбором травы предписывалось заниматься ослабленным и инвалидам²⁵.

Конечно же, все предпринимавшиеся меры не могли кардинально решить продовольственные проблемы «Трудармии».

Тяжелые условия труда, плохое питание и вещевое снабжение, отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий поставили тысячи мобилизованных немцев на грань выживания. Отсутствие полных статистических данных затрудняет точное определение количества трудармейцев, умерших от голода, холода, болезней и нечеловеческих условий труда за все время существования рабочих колонн в годы войны. Но и отрывочные сведения позволяют сделать заключение о довольно высоком уровне смертности.

Как видно из таблицы 9, особенно высоким он был в рабочих отрядах и колоннах при лагерях и стройках НКВД. За 1942 год из 115 тыс. трудармейцев там умерло 11 874 человека, или 10,6%. В дальнейшем в этом наркомате наблюдалось снижение смертности мобилизованных немцев, и к 1945 году она составила 2,5%.

Таблица 9
Число трудармейцев, умерших в 1942–1944 годах
(в скобках — процент от общего числа)²⁶

Год	Наркомат внутренних дел	Наркомат угольной промышленности	Наркомат нефтяной промышленности	Наркомат боеприпасов
1942	11 874 (10,6)	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1943	Нет сведений	2844 (5,0)	342 (1,1)	88 (1,0)
1944	2 832 (2,5)	3650 (6,1)	494 (1,9)	159 (2,2)

Во всех других наркоматах, использовавших труд немцев, абсолютное количество умерших было меньше, чем в НКВД, однако там из года в год смертность росла.

В отдельных рабочих колоннах на объектах НКВД смертность в 1942 году значительно превышала среднюю по наркомату. Особенно «отличились» четыре лагеря НКВД: Севжелдорлаг — 20,8%; Соликамлаг — 19; Тавдинлаг — 17,9; Богословлаг — 17,2%. Наименьшая смертность была в Волжлаге — 1,1%, Краслаге — 1,2, Востураллаге и Умальтлаге — по 1,6%²⁷.

По свидетельству оставшихся в живых бывших рабочих Соликамлага, к весне 1943 года в лагере смертность возросла настолько, что даже на нарах, забитых прежде людьми до отказа, стало значительно свободней. Часто, просыпаясь, они обнаруживали возле себя холодный труп. В лагере существовала похоронная команда, состоявшая из мобилизованных немцев, которая собирала умерших и укладывала в большие деревянные ящики по пять человек. Если руки или ноги не умещались, их отрубали топором и складывали вместе с телом. Хоронили, как правило, ножью. На контрольно-пропускном пункте ящик вскрывался, и вахтер бил каждое тело большой деревянной кувалдой по лбу, чтобы убедиться, что в ящике нет живых. На месте захоронения разгребали снег и выдалбливали неглубокую яму в земле, превращавшейся при 40-градусном морозе в камень. Трупы выбрасывали в могилу, едва прикрыв мерзлой землей и снегом. На этом месте вбивали колышек с фанерной дощечкой, на которой карандашом были нацарапаны номера формуларов бывших трудармейцев. Весной, когда стаивал снег, останки человеческих тел становились добычей собак и зверей²⁸.

Очень схожую картину смертности зимой 1942/43 года рисуют бывшие трудармейцы Богословстроя, разница лишь в том, что умерших просто зарывали в снег на склоне балки. Весной же, когда снег растаял, взору живых представила ужасная картина огромного пространства, усеянного полуразложившимися человеческими останками. Пришлось на-

значать специальную команду, которая в течение ряда дней собирала эти останки и сбрасывала их в специально подготовленную яму. Немало таких безымянных братских могил трудармейцев появилось вблизи лагерей и строек НКВД в ту суровую зиму и холодную весну²⁹.

Основными причинами высокой смертности являлись неполноценное питание, тяжелые жилищно-бытовые условия, перенапряжение на работах, отсутствие медикаментов и квалифицированной медицинской помощи. В среднем один врач и два средних медицинских работника приходились на тысячу мобилизованных немцев, не считая заключенных и вольнонаемных рабочих.

Об условиях, в которых содержались больные, красноречиво свидетельствует акт обследования рабочей колонны при заводе № 65 Наркомата боеприпасов: «В каждой жилой секции лежат тяжело больные с открытой формой туберкулеза, после тифа, с параличом ног. В бараке № 3 организован изолятор для больных, в котором работает фельдшер из немцев. Изолятор состоит из двух комнат, одна из которых пустая и холодная, из-за отсутствия топлива, и еще из такой же холодной "приемной". В изоляторе лежат пять человек, из них трое страдают дистрофией на протяжении трех месяцев. Питание больные получают из общего котла столовой, находящейся в зоне, и голодают. Продукты и хлеб на больных не выделяются. А потому они питаются от "добрых людей". Изолятор комплекта белья и постельных принадлежностей не имеет. Температура низкая, и потому на больных навалены матрасы. Уход и лечение плохое. В таких условиях лежат даже с крупозным воспалением легких. Фельдшер беспомощна, когда больного нужно везти в больницу, так как транспорт по вывозу не присылают. Регистрация больных заведена лишь в самое последнее время, а до этого не регистрировалась даже смерть и ее причины»³⁰.

Естественно, подобные условия содержания и лечения больных приводили в большинстве случаев к трагическим результатам, а те немногие, которым все же удавалось

встать на ноги, к полноценному труду были уже неспособны. В рабочих колоннах при лагерях НКВД все трудоспособные рабочие по физическому состоянию подразделялись на способных к труду тяжелому, среднему, легкому, а также — на «инвалидов за балансом».

Врачебная комиссия Актюбинского комбината НКВД в январе и феврале 1943 года провела обследование мобилизованных немцев «на предмет установления трудоспособности контингента» и выявила заметное сокращение численности способных к полноценному труду на протяжении первого квартала 1943 года. Причинами ухудшения физического состояния рабочих называлось резкое похолодание в первом квартале по сравнению с четвертым кварталом 1942 года, использование рабочих, способных к легкому физическому труду, на тяжелых работах «ввиду ограниченности объема легких работ» для данной категории, отсутствие помещений для обогрева на многих производственных участках, «ненормальное» продовольственное снабжение, использование «контингента» по требованию руководства на наружных работах в сильный мороз и бураны, а нередко и по две смены в сутки³¹.

В докладной записке начальника Вятлага НКВД отмечалась возросшая смертность трудармейцев: с 5 случаев в марте 1942 года до 229 — в августе этого же года, назывались основные виды заболеваний, которые приводили к смертельным исходам. В основном это были заболевания, связанные с недостаточным питанием, — пелагра, сильное истощение, болезни сердца и туберкулез³².

Мобилизованные немцы использовались в основном на тяжелых физических работах, и резкое снижение трудоспособности этой категории рабочих вынуждало руководство лагерей принимать меры для их оздоровления. С этой целью, с разрешения заместителя наркома внутренних дел Круглова, с апреля 1942 года начальники лагерей НКВД начали организовывать специальные оздоровительно-профилактические пункты «в целях оздоровления рабочего фонда

мобилизованных немцев при наличии ослабевших, нуждающихся в восстановлении физического состояния»³³.

Первоначально срок пребывания в этих пунктах был установлен в один месяц, но в октябре 1942 года его сократили до двух недель. Норма питания устанавливалась по «второму котлу» (норма № 2) с выдачей 600 грамм хлеба в сутки на человека³⁴. С лета 1943 года продовольственные нормы для оздоровительных пунктов постепенно увеличивались и к 1 января 1944 года в среднем превышали норму № 2 в 2–2,5 раза. Кроме больных, туда разрешено было направлять на две недели отличников производства и ударников, систематически перевыполнявших нормы и нуждавшихся в отдыхе. Хлебная норма была повышена до 800 грамм в сутки³⁵.

Наличие в рабочих колоннах большого количества больных и инвалидов вынуждало наркоматы принимать решение о предоставлении им отпусков по болезни с выездом к месту проживания семьи и даже о демобилизации их из рабочих колонн. В частности, по этому вопросу 24 декабря 1942 года была издана специальная инструкция НКВД СССР № 574. На ее основе аналогичные инструкции были изданы и в других наркоматах, где использовался труд мобилизованных немцев.

Демобилизовывались, как правило, рабочие, которые были уже не в состоянии выполнять даже легкую работу. Зачастую они находились в таком тяжелом состоянии, что даже не могли самостоятельно передвигаться. Так, в Вятском лагере НКВД только за период с февраля по апрель 1943 года по различным болезням (но, главным образом, «истощенных авитаминозников») было уволено 1308 человек. Все они были тяжело больными людьми. Руководство лагеря избавлялось от них потому, что «наличие их в лагере дало бы более высокий процент смертности»³⁶.

За 1942 год из рабочих отрядов и колонн НКВД было демобилизовано, главным образом по болезни, 12 190 трудармейцев. За 1943 год по тем же причинам демобилизовали: Наркомуголь — 2635, Наркомнефть — 2479, Наркомат боеприпасов — 178 немцев³⁷.

Такой процесс не мог остаться незамеченным. 1 ноября 1943 года в лагеря и на стройки НКВД пошла грозная директива № 513 за подпись заместителя наркома внутренних дел В. Чернышова, в которой указывалось, что количество отправленных в отпуск по болезни и демобилизованных немцев-трудармейцев приняло недопустимо большие размеры. «Установлено, что некоторая часть демобилизованных, находясь в условиях домашней обстановки, восстановила свою трудоспособность... Это обстоятельство свидетельствует о том, что медкомиссии лагерей и строек НКВД и предприятий других наркоматов недостаточно тщательно подходили к вопросам определения инвалидности и нетрудоспособности немцев»³⁸. В связи с этим по предложению НКВД Наркомат обороны через военкоматы провел повторную регистрацию всех демобилизованных и уволенных во временные отпуска по болезни немцев, подверг их медицинскому освидетельствованию через военнонврачебные комиссии и значительное количество признанных годными к физическому труду через местные управления НКВД вновь направил в те рабочие отряды, откуда они выбыли.

Новая инструкция НКВД резко ужесточила порядок предоставления отпусков и демобилизацию из рабочих колонн. Сам отпуск по болезни был сокращен с 6 до 2–4 месяцев. Его можно было предоставлять только «временно утратившим трудоспособность, восстановление которой в условиях нахождения мобилизованных немцев в рабочей колонне невозможно». Запрещалось отправлять в отпуск «коечно-больных». Комиссии, проверявшие больных на предмет предоставления им отпуска, должны были состоять только из «вольнонаемных» врачей.

Обо всех отправленных в отпуск или демобилизованных необходимо было сообщать в центральный аппарат НКВД и в органы внутренних дел по месту убытия трудармейцев. Последним, в свою очередь, предписывалось брать «отпускников» и мобилизованных под жесткий контроль, отслеживая состояние их здоровья с тем, чтобы в случае вы-

здравления немедленно вернуть их на объекты «Трудовой армии».

НКВД СССР обращал особое внимание руководителей лагерей, строек, предприятий, где работали немцы, на «необходимость максимальной осторожности в практике предоставления отпусков по болезни, тщательно проверять, не явилась ли потеря трудоспособности мобилизованным результатом его умышленного самоистощения или членовредительства. Этую категорию привлекать к судебной ответственности, организуя показательные судебные процессы»³⁹.

После поступления директивы В. Чернышова на места количество отправляемых в отпуск по болезни и демобилизованных резко сократилось. Более того, боязнь ответственности заставляла некоторых руководителей отказывать в отпуске и демобилизации многим из тех, кто в них действительно нуждался.

К концу войны началась постепенная демобилизация из рабочих колонн многодетных немок. По докладу начальника отдела спецпереселений НКВД полковника Кузнецова, в рабочих колоннах находилось 53 тыс. женщин-немок. Из них у 6436 в местах их мобилизации оставались дети. По одному ребенку в возрасте до 12 лет имели 4304 женщины, по два — 1739, по три — 357, по четыре — 36 немок. Дети находились в тяжелых бытовых условиях и, как следствие, многие беспризорничали. За период с марта 1944 по октябрь 1945 года органами НКВД были выявлены и устроены в детские дома свыше 2900 беспризорных детей из семей трудармейцев, обнаружены и отправлены в инвалидные дома 467 инвалидов и бездомных стариков-немцев⁴⁰.

На некоторых предприятиях руководство вынуждено было создавать свои интернаты для немецких детей. Например, такой интернат существовал при заводе № 65 Наркомата боеприпасов. В нем проживало 114 детей в возрасте от 3 до 5 лет. Зимняя одежда и обувь у детей полностью отсутствовали, и потому они были лишены возможности

прогулок на свежем воздухе. Многие дети совершенно босые и голые целыми сутками проводили время в постелях под одеялами. Почти все имели признаки рахита. Изолятор для больных детей в интернате отсутствовал, и заболевшие инфекционными болезнями — корью, свинкой, скарлатиной, чесоткой — находились вместе со здоровыми. В столовой интерната имелось только три кружки, и чай дети пили из тарелок, в которых кушали первое и второе блюда⁴¹.

Положение трудармейцев во многом зависело еще и от отношения к ним руководства объектов, на которых они работали. Оно было неодинаковым. Где-то доброжелательным, где-то равнодушным. А где-то неприязненным и жестоким, вплоть до физического оскорбления.

В качестве примеров сострадательного отношения к немцам-трудармейцам можно привести целый ряд случаев, когда руководители отдельных гражданских предприятий за совершенные немцами проступки, подпадавшие под уголовное наказание, применяли к ним предоставленные им дисциплинарные права, не передавая дела о проступках, как это полагалось в то время, органам НКВД. В частности, в докладной записке уполномоченного Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) Сурыгина в августе 1942 года секретарь обкома партии Кулагин информировался о том, что управляющий трестом «Севкавтяжстрой» Обухов «якобы для поднятия дисциплины на производстве и производительности труда своими приказами арестовывает рабочих за проступки, часто подлежащие наказанию в уголовном порядке, чем не укрепляет, а снижает дисциплину». Приказом от 10 июня 1942 года Обухов подверг аресту на 10 суток рабочих Махера и Никольца с мотивировкой «за симуляцию и невыполнение норм», рабочего Кирхмеера за невыход на работу и самовольную отлучку, рабочих Родаца и Кольмана за «отказ выйти на прогулку и антисоветские высказывания»⁴².

Подобные проступки, по тем временам, в случае передачи дел органам НКВД, несомненно привели бы не только

виновных на скамью подсудимых, но и руководителя предприятия — к суду за укрывательство этих фактов.

Необходимо отметить, что и сами руководители предприятий находились под гнетом репрессивных мер, введенных И. Сталиным с первых дней войны. Достаточно было указать в документе, что невыполнение установленного задания ГКО будет рассматриваться как особо опасное государственное преступление, контрреволюционное деяние или срыв важнейшей задачи оборонного значения, как ответственные должностные лица и исполнители оказывались в поле повышенного интереса органов НКВД с риском предстать перед Особым совещанием. Подобная практика вызывала синдром фискальства. Ряд наркомов, не дожидаясь докладов Сталину от контролирующих органов и упреждая собственное наказание, сами подавали в ГКО представления на «виновных лиц», своих подчиненных. Только в апреле—июле 1942 года за невыполнение заданий ГКО были сняты с должностей и переданы в следственные органы НКВД по ходатайству наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова восемь директоров крупных заводов, в том числе завода № 320 — Н. Шишов, № 204 — Ф. Губанов, № 80 — З. Черноземов, № 78 — Н. Серов, № 15 — С. Щекотихин⁴³.

Руководители предприятий, в свою очередь, не считаясь ни с какими жертвами и лишениями, заставляли рабочих под угрозой уголовного наказания работать с прецельным напряжением сил, зачастую по две смены подряд. Особенно не церемонились они с рабочими-трудармейцами. Не делалось скидок ни подросткам, ни старикам, в ход шли оскорблении, угрозы, злоупотребления в продовольственном обеспечении. Приведем несколько примеров.

14-летняя Роза Штекляйн, работавшая на заводе № 65 Наркомата боеприпасов, одетая только в потрепанное рваное платье и порванный ватник, с голыми коленками, без белья, в мороз и стужу ежедневно ходила на завод туда и обратно по пять километров. Она система-

тически перевыполняла нормы, тем не менее за четыре месяца получила за работу только 90 руб. Начальник цеха на ее просьбу помочь талонами на дополнительный хлеб ответил грубым окриком: «Ступай к своему Гитлеру за хлебом». На этом же заводе имелись случаи злоупотребления хлебом в цехах, когда мастера незаконно удерживали у себя хлебные карточки, чтобы принудить людей к явке на работу, а затем выдавали не карточки, а талоны на дополнительный хлеб, норма по которым была значительно ниже, чем по карточкам⁴⁴.

Имели место факты физического оскорбления мобилизованных. В приказе наркома угольной промышленности № 368с от 12 ноября 1943 года отмечалось, что заведующий шахтой № 6 Гремячинского угольного разреза «Кизелшахтстрой» избил трудармейца Сандера, сменный мастер той же шахты Безгубенко избил немца Рейха. Начальник строительства этого управления Хохлов избил повара столовой Роота, начальник механических мастерских Щербаков избил мобилизованного Вольфа. Приказ предписывал управляющему трестом «Кизелшахтстрой» Звоницкому материалы по избиению мобилизованных немцев передать следственным органам для привлечения виновных к уголовной ответственности⁴⁵.

В приказе № 9с по государственному каменноугольному комбинату «Кузбассуголь» от 5 февраля 1944 года также отмечалось, что некоторые заведующие шахт и начальники участков допускают «хулигански грубое отношение к немцам вплоть до нанесения всевозможного рода оскорблений и даже избиений»⁴⁶.

В акте обследования шахты им. Сталина указывалось, что среди работников шахты имеются нездоровые отношения к мобилизованным немцам. «Например, начальник 3-го участка обозвал откатчицу Губер “фрицовкой”, а по словам самой Губер, в присутствии начальника колонны Христы толкнул ее так, что она вынуждена была пойти на бюллетень». По словам Христы, горный мастер Костомахов с 14-го участка два раза избил рабочего Динкеля. Име-

лись случаи на 28-м участке, когда неправильно записывали норму выработки, сознательно занижая реальные показатели. Так, в октябре 1943 года рабочему Штейнке, рабочий номер 2869, вместо трех перевезенных упряжек угля записали только одну. В этом же месяце рабочему Рейсбаху, рабочий номер 859, вместо 31 упряжки записали 5, в июне рабочему Гайкеру, рабочий номер 2879, вместо 20 записали 5 упряжен⁴⁷.

В приказе № 1с по государственному каменноугольному комбинату «Кемеровуголь» от 9 января 1944 года приводился факт, когда начальник отдела рабочего снабжения шахты «Северная» Ляшенко категорически отказался снабжать мобилизованных немцев при наличии в ОРСе промтоваров, «игнорируя и грубо нарушая приказ НКУП № 368с от 12 ноября 1943 г.», мотивируя тем, что «пока я здесь, немцев обеспечивать не буду никакими товарами и буду к ним относиться бездушно»⁴⁸.

На этом же комбинате начальник шахты Бутовка Харитонов, проводя общее собрание рабочих шахты 23 января 1944 года, на котором присутствовали и мобилизованные немцы, в своем выступлении огульно ругал всех рабочих-немцев, говоря, что они «являются врагами русского народа» и что их нужно заставлять работать и без наличия у них спецодежды: «Мы их и голыми заставим работать».

18 декабря 1942 года парторг ЦК ВКП(б) шахты № 8 треста «Кемеровуголь» Абрамов и заведующий шахтой Долматенко в пьяном виде прибыли в баню, угрожали репрессиями, оскорбляли трудармейцев и в конечном счете избили семь немцев⁴⁹.

Справедливости ради необходимо отметить, что все же, несмотря на приведенные выше факты, многие руководители, вольнонаемные рабочие, большинство местного населения не только относились к мобилизованным немцам доброжелательно, но нередко даже помогали им, делясь хлебом и другими продуктами. Многие директора заводов и начальники строек охотно брали к себе рабочих специалистов из рабочих колонн.

По свидетельству многих бывших трудармейцев, отношение к немцам со стороны местного населения держалось под пристальным вниманием органов НКВД. Всех, кто хоть раз замолвил за них слово или помог в чем-либо, вызывали в парткомы и органы НКВД, где им втолковывали, что они не патриоты своей Родины, так как связываются с врагами народа. Особенно сильное давление оказывалось на мужчин и женщин любой национальности, если они вступали в брак с немцем или немкой. Для таких людей движение по служебной лестнице было закрыто. И все же смешанных браков, в которых один из супругов был немец, в годы войны совершалось немало⁵⁰.

В Тагиллаге НКВД в 1942–1945 годах под карцер была приспособлена старая часовня, обнесенная колючей проволокой. Трудармейцы дали ей название Тамара — по имени русской девушки, на свидание к которой отлучился молодой трудармеец, за что ему и была предоставлена «честь» первым освоить этот карцер.

Многие бывшие трудармейцы-немцы добрым словом вспоминают генерал-майора Царевского, назначенного в начале 1943 года начальником Тагилстроя НКВД. При этом отмечаются как его высокая требовательность, так и гуманное отношение к людям. Именно он спас от голода и истощения уцелевших после невыносимо трудной зимы 1942/43 года мобилизованных немцев⁵¹.

Несмотря на особые условия труда и жизни немцев в рабочих колоннах и отрядах, с ними предусматривалось проведение политico-воспитательной и культурно-массовой работы. Правда, следует сразу отметить, что такая работа проводилась далеко не везде, как правило, не систематически, а от случая к случаю. Первоначально ее проведение в НКВД возлагалось на политические отделения лагерей и политруков отрядов, назначенных из числа вольнонаемных. Возглавлял политотделение комиссар, который в своем подчинении имел, в зависимости от численности «спецконтингента», одного старшего инструктора политотделения, одного-двух инструкторов, начальника клуба (он же был

библиотекарем) из числа вольнонаемных, радиомеханика и киномеханика из числа мобилизованных. Культурно-воспитательную работу предписывалось проводить путем читок газет, проведением лекций, кино- и библиотечным обслуживанием⁵².

Беседы, проводившиеся политруками отрядов, зачастую сводились к упрекам и оскорблению. По свидетельству бывшего трудармейца А. Мунтаниола, «политруки проводили с нами воспитательные беседы, упрекали в том, что мы отсиживаемся в тылу, над нашими головами не рвутся бомбы и не свистят пули. А после того, как в газете “Известия” появилась статья И. Эренбурга “Убей немца”, — повесили и в нашей столовой огромное красное полотнище с призывом: “Хочешь жить — убей немца!”»⁵³.

В рабочих колоннах других наркоматов штатных работников, отвечавших за культурно-массовую работу среди мобилизованных немцев, не было. Этими вопросами были обязаны заниматься начальники колонн, а по существу такую работу проводили сами немцы по собственной инициативе.

Непродолжительное время при трестах и комбинатах Наркомата угольной промышленности существовали группы культурно-воспитательной работы в виде управлений на комбинатах и отделов в трестах. Они были образованы приказом наркома угольной промышленности № 5с от 6 января 1943 года, и в их задачу входило «обеспечение» путем надлежащей постановки политмассовой и культурно-воспитательной работы, «эффективного трудового использования мобилизованных немцев»⁵⁴. Однако комиссия по штатам при Совнаркому СССР не утвердила создание этих отделов и управлений, и через полгода, в июне 1943 года, они были упразднены⁵⁵.

В приказе наркома угольной промышленности № 253/А/с от 29 апреля 1943 года отмечалось, что культурно-массовая работа среди мобилизованных немцев по существу не ведется. Предписывалось к 15 мая 1943 года организовать в «зонах» библиотечки-перевозки, а так-

же комнаты отдыха в казармах, укомплектовав их газетами и журналами, настольными играми, практиковать периодический показ кинофильмов с помощью кинопередвижек⁵⁶.

В рапорте помощника начальника учета и распределения заключенных ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Яцевича от 4 марта 1944 года отмечалось, что на большинстве предприятий комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровуголь» культурно-массовая работа стоит на низком уровне, а на ряде шахт мобилизованные немцы предоставлены сами себе. «Плакатов и лозунгов в бараках почти нет. Редко где можно увидеть стенгазеты и боевые листки»⁵⁷.

Анализ докладных записок и актов проверки рабочих колонн показывает, что определенная культурно-воспитательная работа все же проводилась. Так, на шахте им. Сталина ее проводил заведующий клубом Нихельман. В клубе ставились самодеятельные концерты и постановки. Перед отправлением на работу Нихельман проводил читки газет и беседы. На шахте выпускались стенгазеты. При клубе действовали струнный оркестр, хоровой и драматический кружки. Имелись баян и два патефона⁵⁸.

В рабочей колонне при Актюбинском комбинате НКВД силами мобилизованных был сооружен клуб в полуземлянке на 250 человек с засыпными стенами и «туземной кровлей». При клубе регулярно работали кружки: драматический, хоровой, музыкальный, танцевальный и кружок декламаторов. За четвертый квартал 1942 года было проведено 7 докладов и лекций на различные темы с охватом всего личного состава, 13 бесед, 74 читки газет, 19 киносеансов, 8 концертов, 3 общих собрания, 1 митинг, посвященный разгрому германских войск под Сталинградом, собрано средств в Фонд обороны — 78 345 рублей⁵⁹.

Наряду с отмеченными выше положительными примерами, сплошь и рядом имели место и факты противоположного свойства, то есть полное отсутствие какой-либо культурно-массовой работы среди трудармейцев,

как, например, на шахте «Северная» треста «Кемеровуголь»⁶⁰.

Заслуживает внимания и факт функционирования в рабочих колоннах партийных и комсомольских организаций. Несмотря на обиды, нанесенные советским немцам официальной властью, у многих коммунистов и комсомольцев все же сохранялась вера в партию и комсомол, они верили в идеалы социализма, а потому проводили, нередко по собственной инициативе, соответствующую партийно-политическую работу среди остальных мобилизованных немцев, хотя делать это было нелегко в силу двусмысленности своего положения.

По свидетельству самих трудармейцев, официально членов партии и комсомола никто из организаций не исключал, партийные и комсомольские билеты были единственными документами, которые оставались на руках у мобилизованных немцев. Однако райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ их не регистрировали и лишь позднее объявили, что они состоят на учете в политотделениях лагерей или в партийных организациях предприятий.

«Хотя мы и оставались членами партии, — вспоминает Т. Седер, — но на партийные собрания нас не допускали. Только к концу 1944 года нам разрешили присутствовать на открытых партийных собраниях с правом совещательного голоса».

На Челябметаллургстрое НКВД немцы-коммунисты, хотя и допускались на общие партийные собрания, но сопровождались туда под охраной вооруженного караульного. По воспоминаниям А. Майера, когда он, как парторг колонны № 35, повел коммунистов на назначенное начальником политотдела Челябметаллургстроя НКВД А. Варенковым партийное собрание, то на вахте их не пустили из-за того, что они не сопровождались вооруженным охранником, который пришел только через час и сопроводил мобилизованных на собрание под винтовкой⁶¹. Лишь к концу войны партийным и комсомольским организациям трудармейцев удалось заслужить доверие соответствую-

щих партийных и государственных органов. В частности, политруками колонн стали назначаться немцы-коммунисты.

Глава 5

**ОБЛИК ТРУДАРМЕЙЦА:
ОТ СТАХАНОВЦА
ДО «АНТИСОВЕТСКОГО ЭЛЕМЕНТА»**

B

контексте рассмотренных нами в предыдущих главах трудового использования и обеспечения жизнедеятельности мобилизованных советских немцев, созданной вокруг них нравственно-этической атмосферы представляется очень важным выяснить внутреннее психологическое состояние трудармейца, его мироощущение, мировоззрение, реакцию на действия властей.

По социальному составу мобилизованные немцы включали в себя представителей различных слоев общества: интеллигенции, рабочих, крестьян. Так, на шахте «Северная» треста «Кемеровуголь» по состоянию на сентябрь 1943 года рабочая колонна из 395 немцев имела следующую социальную структуру: интеллигенция — 34 человека (9%), в основном бывшие служащие (23 чел.); рабочие — 98 человек (25%); крестьяне-колхозники — 263 человека (66%). Образование выше семи классов имели 58 человек (15%), менее семи классов — 295 человек (74,6%), неграмотных было 42 человека (10,4%)¹. Как видим, социальный состав и образовательный уровень советских немцев даже в такой маленькой группе людей, как рабочая колонна, оказались близкими к средним показателям того времени, как для немецкого этноса в СССР, так и для населения всей страны. Только вот люди, мобилизованные для принудительного труда, использовались далеко не по своим социальным, образовательным и профессиональным данным.

В разное время авторами было опрошено свыше ста трудармейцев. Один из вопросов, которые им задавались, был сформулирован так: «Какие чувства испытывали Вы, находясь в “Трудармии”?». Практически все отвечали одинаково: они испытывали чувство обиды и горечи за допущенную по отношению к немцам СССР несправедливость.

Старшее поколение воспринимало «Трудармию» как очередное звено в длинной цепи различного рода репрессивных антинемецких кампаний, проводившихся при советской власти. Людей помоложе, воспитанных на социалистической идеологии, больше всего задевало то, что их, советских граждан, коммунистов и комсомольцев, лишили возможности защищать родину с оружием в руках,

незаслуженно отождествили с немцами Германии и обвинили в пособничестве агрессору. Эти люди всеми своими поступками, поведением, активным трудом пытались убедить представителей власти в своей лояльности, надеялись, что вот-вот ошибка будет исправлена, справедливость восстановлена.

Руководство пыталось навязать трудармейцам идею, что немцы должны честным трудом «искупить вину перед Родиной». Но трудармейцы вины за собой не чувствовали, партийные организации рабочих колонн не признавали ее, хотя часто им приходилось выслушивать прозрачные намеки о «диверсантах» и «шпионах», находящихся, якобы, среди мобилизованных немцев. Э. Айрих вспоминал, как группа немцев-коммунистов Богословстроя НКВД

на приеме у начальника политотдела строительства открыто заявила: «Мы хотим, как граждане СССР, с достоинством выполнять свой долг перед Родиной и работать под лозунгом “Все для фронта, все для победы!”»².

По инициативе партийно-комсомольского актива проводился сбор средств в помощь Красной Армии. Все на том же строительстве Богословского алюминиевого завода трудармейцы к каждому празднику от своей скучной дневной нормы отдавали по 200 грамм хлеба, чтобы потом из качественной муки испечь печене и отправить на фронт в подарок бойцам. Там же рабочими-немцами было собрано свыше двух миллионов рублей на вооружение Красной Армии. Эта инициатива не осталась не замеченной в высшем руководстве страны. В телеграмме, направленной в адрес трудармейцев Богословстроя и подписданной самим Сталиным, говорилось: «Прошу передать ра-

бочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353 783 рубля на строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии»³. Телеграмма явилась свидетельством невольного признания руководством страны, в том числе И. Сталиным, высокого патриотического духа значительной части рабочих немецкой национальности, трудившихся в рабочих отрядах и колоннах. Этот дух сохранялся, несмотря на унижения, оскорблений человеческого и гражданского достоинства, чинившиеся официальной властью.

Известны случаи, когда некоторые трудармейцы совершили побег из рабочих колонн, каким-то образом меняли свои немецкие фамилии на русские и уходили на фронт. Об одном из таких удивительных людей — Г. Рихтере, воевавшем под фамилией Смирнов с весны 1942 года и до конца войны, дослужившемся от рядового до подполковника медицинской службы, рассказал в 1987 году журнал «Огонек»⁴.

Немало немцев на протяжении всех лет «Трудармии» являлись передовиками производства, участвовали в стахановском движении. Так, например, только в тресте «Кемеровуголь» по результатам социалистического соревнования среди трудармейцев в марте 1944 года имелось 60 стахановцев и 167 ударников⁵. Неоднократно отмечались случаи присвоения трудармейцам звания «Лучший по профессии». В частности, Анжеро-Судженские городские партийные, советские, профсоюзные и хозяйствственные органы в марте 1944 года присвоили звание лучшего лесодоставщика треста «Анжероуголь» немцу Шлейхеру, выполнившему норму на 163%⁶.

Многие научные работники и представители творческой интеллигенции, попав в «Трудовую армию», находили возможность работать по своей основной специальности и добивались при этом значительных успехов. Приведем лишь несколько примеров⁷.

О.Н. Бадер (1901–1980).

Выпускник исторического факультета Московского государственного университета, доктор палеонтологии, профессор. Находясь в рабочей колонне Тагилстроя НКВД, работал секретарем-статистиком в медицинском стационаре кирпичного завода. В свободное от работы время проводил раскопки Горбуновского торфяника и обнаружил стоянки древнего человека времен палеолита. Фактически он стал одним из основоположников уральской археологии. После расформирования отряда был отзван в Москву на прежнюю работу.

Г.Я. Гейнрихсдорф (1898–1965).

Врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, автор свыше 30 научных статей. В 1942–1944 годах в составе рабочей колонны работал заведующим отделением больницы Ново-Тагильского металлургического комбината, читал тагильским врачам лекции по рентгенологии, был председателем секции Нижнетагильского медицинского общества и исполнял обязанности главного рентгенолога города.

Б.В. Раушенбах (1915).

Выпускник Московского государственного университета, кандидат технических наук. До войны работал в Москве в области ракетостроения. Находясь в «Трудармии», продолжал заниматься исследованиями. В 1946 году был отзван в Москву для работ по созданию ракетно-космической техники. Ныне он — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук, Герой Социалистического Труда.

А.С. Стромберг (1910).

После окончания Свердловского политехнического института с 1938 по 1942 год работал в Уральском филиале Академии наук СССР над разработкой технологии получения редких металлов из расплавлен-

ных солей методом электролиза. Кандидат технических наук. В апреле 1942 года попал в «Трудармию» на тяжелые физические работы. Однако уже в конце 1943 года по ходатайству Академии наук, как видный специалист в своей отрасли, был возвращен на прежнее место работы — старшим научным сотрудником Уральского филиала АН СССР.

М.В. Дистергейт (1921).

Художник-профессионал, закончил Ленинградскую академию художеств. Весной 1941 года был призван по спецнабору в ряды РККА на действительную службу. С началом войны — в действующей армии. Артиллерист-зенитчик. В октябре 1941 года вместе с другими немцами-военнослужащими был отозван с фронта и направлен на Урал в стройбат, оттуда — в рабочую колонну на Богословские угольные копи. Едва не умер от истощения и голода зимой 1942/43 года. Чудом остался жив. Работал слесарем, пожарником, выборщиком породы. По вечерам и ночам рисовал. Создал целую серию карандашных рисунков с натуры: портреты, пейзажи, производственные и бытовые сюжеты. Организовал в «зоне» выставку своих работ. Данная книга проиллюстрирована некоторыми произведениями художника.

Если одна, значительная по численности, часть трудармейцев активным трудом и высокими показателями на производстве пыталась доказать властям свою лояльность и патриотизм, надеясь, что в результате власти изменят свое негативное отношение к советским немцам, то другая, тоже немалая, — свою обиду, протест против допущенной несправедливости, тяжелых унизительных условий труда и жизни выражала противоположными по характеру действиями: дезертирством, отказом от работ, открытым сопротивлением насилию и т. п.

Дезертирство трудармейцев из рабочих колонн имело достаточно широкий размах. По данным НКВД, в 1942 го-

ду только из лагерей и со строек этого ведомства было совершено 160 групповых побегов. В частности, в августе 1942 года из Усольского лагеря НКВД дезертировала группа немцев в количестве четырех человек. Подготовка к побегу велась в течение нескольких месяцев. «Организатор побега Лайк приобрел фиктивные документы, которыми снабдил участников группы». В октябре 1942 года из ремонтно-механического завода Тагильского лагеря НКВД дезертировало на автомашине шесть мобилизованных немцев. Перед побегом дезертиры собирали среди своих товарищей по работе пожертвования на побег, главным образом деньги.

Большую часть беглецов вылавливали и возвращали в лагеря, передавая их дела на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, что влекло за собой, как правило, высшую меру наказания. И все же за 1942 год 462 дезертировавших трудармейца так и не были пойманы⁸.

При поимке дезертировавших групп трудармейцев имелись отдельные случаи оказания ими вооруженного сопротивления задержавшим их подразделениям внутренних войск. Так, при задержании группы трудармейцев, совершивших побег из Богословлага, «таковые оказались вооруженными финскими ножами и самодельными кинжалами и, оказывая сопротивление... пытались убить пом. командира взвода оперативного дивизиона»⁹.

О том, что в ряде рабочих колонн немцы серьезно готовились к побегам и при необходимости готовы были оказать сопротивление, свидетельствуют вещи, которые находили у них при обысках. В массовом порядке изымались ножи, кинжалы, оточки, топоры, ломы и тому подобные предметы, а в одном из лагерей НКВД у трудармейца был даже обнаружен пистолет системы «Наган» с семью патронами к нему. Находили также карты, компасы, бинокли и др.¹⁰

В 1943 году дезертирство трудармейцев приобрело еще большие масштабы, что видно из таблицы 10.

Таблица 10

Сведения о побегах трудармейцев из рабочих колонн по главным наркоматам, использовавшим их труд в 1943 году¹¹

Наркомат	Общая численность трудармейцев	Коли-чество побегов	Процент дезертиrov от всего личного состава
Внутренних дел	113 837	1839	1,6
Угольной промышленности	56 551	4474	7,9
Нефтяной промышленности	30 250	1671	5,5
Боеприпасов	8 011	1987	24,8
Всего	208 649	9971	4,7

Из таблицы 10 видно, что в 1943 году, одном из самых трудных за все годы существования «Трудармии», из рабочих отрядов и колонн дезертировало около 10 тыс. человек — почти 5% трудармейцев. Уже отмечался низкий процент побегов трудармейцев с объектов НКВД, что объяснялось совершенной системой охраны и конвоирования рабочих колонн. Тем не менее, само по себе, 1839 побегов — число немалое. В мае 1943 года в одной из своих директив руководство НКВД вынуждено было отметить, что «с наступлением весны активизировались попытки групповых побегов, вооруженных бандитских и контрреволюционных выступлений» со стороны отдельных групп мобилизованных немцев¹².

В отличие от лагерей и строек НКВД на объектах всех других наркоматов очень четко просматривается зависимость дезертирства от условий труда и жизни трудармейцев. Обратимся к Наркомату боеприпасов, с предприятий которого в 1943 году дезертировал едва ли не каждый четвертый трудармеец.

Таблица 11

Сведения о побегах трудармейцев с предприятий Наркомата боеприпасов в 1943 году¹³

Предприятие Наркомата	Численность труд-армейцев	Коли-чество побегов	Процент дезертиrov от всего личного состава
Комбинат №179	1546	931	60,2
Завод № 62	388	—	0,0
Завод № 63	512	—	0,0
Завод № 65	809	537	66,4
Завод № 68	186	—	0,0
Завод № 72	683	123	18,0
Завод № 76	149	—	0,0
Завод № 78	561	35	6,2
Завод № 144	596	37	6,2
Завод № 257	138	11	8,0
Завод № 260	487	—	0,0
Завод № 322	218	8	3,7
Завод № 329	198	8	4,0
Завод № 556	336	208	61,9
Завод № 564	656	45	6,9
Завод № 677	548	44	8,0

Уже отмечалось, что на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов, находившемся в Новосибирской области, рабочий отряд располагался в бывшем лагерном пункте Сиблага НКВД, колонны трудармейцев охранялись во время следования на комбинат и назад. Тем не менее за 1943 год оттуда сбежал 931 человек — больше половины общего количества немцев, трудившихся на этом комбинате.

Аналогичная ситуация имела место на заводах № 65 и 556. Помощник начальника отдела учета и распределения ГУЛАГа НКВД капитан госбезопасности Яцевич в докладной записке на имя заместителя наркома В. Чернышова по результатам инспектирования предприятий Наркомата боеприпасов отмечал «совершенно неудовлетворительные бытовые условия и плохую организацию трудового использования» на отмеченных нами трех предприятиях. В то же время, на заводах № 62, 63, 68, 76, 260, при более или менее сносных условиях жизни трудармейцев, дезертирство отсутствовало¹⁴.

Расширению масштабов дезертирства способствовали имевшие место факты, когда местные органы власти и руководители предприятий и колхозов принимали на работу дезертировавших из рабочих отрядов и колонн мобилизованных немцев, не спрашивая у них документов. Так, начальник Управления НКВД по Кемеровской области Шамарин в письме начальнику Управления НКВД по Южно-Казахстанской области указывал, что, по имеющимся у него данным, в этой области проживают и работают на положении вольнонаемных рабочих и колхозников немцы, мобилизованные в 1943 году для работы в угольной промышленности и направленные на шахты треста «Анжероуголь», откуда они в разное время дезертировали. «Эти немцы пишут своим знакомым письма, что живут не преследуемые местными органами власти из-за недостатка рабочей силы на местах и работают в колхозах. Такие письма находят благоприятную почву среди мобилизованных немцев, и в последнее время дезертирство с шахт треста приняло массовый характер». Шамарин просил

своего коллегу произвести задержания и направить арестованных в Анжеро-Судженский горотдел НКВД для последующего возвращения на шахты и привлечения к уголовной ответственности¹⁵.

Для предотвращения «контрреволюционных проявлений» в трудармейской среде руководство НКВД требовало от своих структур в лагерях и на стройках постоянно нарождать и укреплять широкую осведомительскую сеть из самих же немцев. Такие же требования предъявлялись местным управлением НКВД, в сферу ответственности которых входили рабочие колонны из немцев, работавшие на объектах других наркоматов. Вербовой работой своих органов на местах центральное руководство было постоянно недовольно, что находило отражение в многочисленных директивах, направлявшихся в нижестоящие структуры НКВД.

В августе 1942 года, например, в одной из директив делался вывод: «Агентуры среди немцев мало. Имеющаяся агентурно-осведомительская сеть не направлена на выявление антисоветских повстанческих формирований среди немцев. Борьба с контрреволюционным саботажем и дезертирством из лагерей ведется слабо»¹⁶.

В апреле 1943 года в сходной по характеру директиве отмечалось, что «некоторые начальники оперчекистских отделов лагерей НКВД до сего времени не обеспечили рабочие колонны и бригады немцев необходимым осведомлением по предупреждению дезертирства. Так, оперативно-чекистский отдел Соликамского ИТЛ НКВД для обслуживания 9000 немцев завербовал лишь 50 осведомителей по предупреждению побегов, оперативно-чекистский отдел Богословского ИТЛ на 12 600 работающих в лагере мобилизованных немцев завербовал лишь 62 противопобеговых осведомителя»¹⁷.

Несмотря на отмеченные выше замечания руководства, в целом органам НКВД удалось создать хорошо наложенную агентурно-осведомительскую сеть из немцев. С ее помощью они зорко следили за политическими настроения-

ми среди «трудмобилизованного контингента» и оценивали их в целом как удовлетворительные.

В докладных записках фиксировались факты положительного отношения к мобилизации, когда призывавшиеся в «Трудармию» немцы расценивали ее как выражение доверия Советского правительства к немецким гражданам СССР. Так, некто Х.Х. Киммель, мобилизованный из Чановского района Новосибирской области, говорил: «Хоть нас и пошлют на работу куда-либо, но это необходимо для фронта, а за свою семью я не беспокоюсь. Будут работать и кушать будет что».

Однако прежде всего оперативники выискивали недовольных. Таких, конечно же, было много. При мобилизации неединичными были высказывания вроде следующего: «Если не обеспечите семью хлебом, в армию не поеду. Что хотите, то и делайте. Хоть расстреливайте на месте» (С.И. Август)¹⁸.

Нередко отмечались случаи «профашистской, антисоветской агитации» со стороны отдельных лиц, которые «использовали» отрицательные настроения среди трудармейцев, склоняя их «к организации по месту работы трудовых колонн саботажа и вредительства». Эти же лица в условиях «концентрации» немцев на объектах народного хозяйства проводили «активную контрреволюционную работу». О характере этой «работы» свидетельствует приводимое в одном из донесений высказывание некоего К. Геринга: «Нас не в РККА призывают, а на строительство заводов. Но ничего, мы им настроим так, что все заводы будут стоять вверх ногами»¹⁹. Принимать сгоряча вырвавшиеся из уст озлобленного человека слова за «контрреволюционную работу» — такое было в стиле работы сталинских чекистов.

В ряде директив особое внимание чекистов привлекалось к тому, что «активную вражескую работу в немецких рабочих колоннах» ведут не только беспартийные, но и некоторые члены ВКП(б) и даже бывшие руководящие партийные и советские работники из числа немцев. Так,

в Ивдельском лагере бывший второй секретарь райкома партии из Республики немцев Поволжья Шмидт «систематически высказывал повстанческие и террористические намерения». В том же лагере бывший районный прокурор Рейсих, член ВКП(б), «призывал немцев к организованному выступлению против советской власти». В Соликамлаге член ВКП(б) Вебер «среди беспартийных немцев систематически высказывал пораженческие и террористические настроения»²⁰.

Всех недовольных брали на учет с последующим арестом, судом и направлением в лагеря НКВД в качестве заключенных. За 1942 год в рабочих колоннах при лагерях и стройках НКВД, по нашим подсчетам на основе архивных материалов²¹, было арестовано свыше 10,5 тыс. трудармейцев.

После проведения первых двух массовых призывов немцев в «Трудармию» начальник оперативного отдела ГУЛАГа НКВД майор госбезопасности Иорин 23 марта 1942 года разослал начальникам оперативно-чекистских отделов и отделений исправительно-трудовых лагерей указание № 125, в котором сообщал, что, по имеющимся в НКВД данным, среди немцев имеется значительное количество лиц, завербованных для разведывательной работы в пользу Германии. После прибытия в лагеря они, по агентурным сведениям, активизировали свою работу. Поэтому предлагалось «немедленно приступить к вербовке агентуры в рабочих колоннах из мобилизованных немцев».

Агентура насаждалась во всех рабочих отрядах, колоннах и даже бригадах для «обеспечения разработки содержащихся в лагерях немцев и связей на воле». Резидентов предлагалось вербовать из числа вольнонаемных сотрудников лагерей. Чекистам непосредственно функции резидентов выполнять не рекомендовалось, чтобы обеспечить конспирацию и предохранить агентуру от расшифровки²².

По окончании осенью 1942 года третьей массовой мобилизации 112 тыс. советских немцев для работы в угольной, нефтяной и оборонной промышленности, а также на рудниках Наркомата черной металлургии народный комис-

сар внутренних дел Л. Берия своим приказом № 257107 от 23 ноября 1942 года создал специальные оперативные группы и направил их в места дислокации рабочих колонн отмеченных выше наркоматов²³.

Результатом работы этих оперативных групп стали аресты в течение 1943 года 1115 человек, в том числе по Наркомату угольной промышленности было арестовано 898 немцев, по Наркомату нефтяной промышленности — 203, по Наркомату боеприпасов — 14. Хотя общая цифра достаточно внушительна, она все же не идет ни в какое сравнение с масштабом арестов в рабочих колоннах НКВД, где число арестованных оказалось на порядок выше²⁴.

За время войны все так называемые спецпоселки, где проживали высланные и депортированные, а также все рабочие отряды и колонны были опутаны густой осведомительской сетью. О ее масштабах говорят следующие данные: на 1 октября 1945 года в 6 союзных, 8 автономных республиках, 5 краях и 27 областях СССР проживало 2 230 570 спецпереселенцев различных национальностей, в том числе 687 300 немцев, включая и находившихся в «Трудовой армии». Всех этих советских граждан «обслуживала» агентурно-осведомительская сеть, включавшая в себя 43 280 осведомителей, 2345 агентов, 819 резидентов, всего — 46 444 человека. В среднем на одного резидента приходилось 3 тыс., на одного агента — 1 тыс., на одного осведомителя — 50 человек²⁵. В рабочих колоннах приведенные показатели «охватываемости», особенно у осведомителей, были еще меньше.

Выполняя приказы свыше, вся эта армия осведомителей, агентов и резидентов проводила напряженную работу по «выявлению и разоблачению тайных организаций». В результате инспирировались дела, арестовывались «повстанцы», «шпионы», «диверсанты» и другие «враги». Приведем несколько примеров, взятых нами лишь из одного чекистского документа²⁶.

Особенно активно развили работу челябинские чекисты. В мае 1942 года на строительстве Бакальского металлургического завода они «ликвидировали контррево-

люционную группу» немецкой молодежи в количестве пяти человек. «Участники группы подготавливали на железной дороге ряд диверсионных актов, в частности, ими подготавлялся взрыв железнодорожного моста, находящегося в районе Бакальского ИТЛ. Взрыв моста предотвращен. Группой руководил немец Фаст, оказавшийся, как установлено следствием, агентом германской разведки».

В июне 1942 года в том же Бакаллаге чекисты «разоблачили повстанческую организацию», состоявшую из трудармейцев. «Руководители организации немцы Симон, бывший доброволец белой армии, и Майер, бывший командир Красной Армии, вербовали озлобленных людей в немецких рабочих колоннах, готовили их к нападению на охрану, разоружению ее и организованному антисоветскому выступлению. Вскрытая организация сумела установить связь с волей через завербованного экспедитора отряда Дандорфера и жителей поселка, расположенного около лагеря». По данному делу было арестовано 15 человек.

В злополучном Бакальском лагере НКВД доблестные чекисты «ликвидировали» еще одну «повстанческую организацию, именовавшую себя «Боевой отряд»». Были арестованы бригадир Дизер, бывший капитан дальнего плавания; бригадир механических мастерских Вайнгуш, бывший инструктор Союза виноградарских хозяйств; Франк, бывший агроном, и др. «Участники организации подготавливали вооруженный побег из лагеря с целью перехода на сторону немецких оккупационных войск. В пути следования к фронту организация готовилась взрывать мосты на железнодорожных магистралях с тем, чтобы затормозить подвоз снабжения для Красной Армии».

Еще одна «повстанческая организация» была «вскрыта» в Соликамлаге. Во главе группы оказался немец-меннонит Унрау. «Два активных участника этой группы были ранее связаны с работниками германского посольства в Москве. Участники группы вели среди мобилизованных немцев контрреволюционную повстанческую агитацию и организовывали единомышленников для совместного выступления».

«Повстанческую организацию» вскрыли также и в Волжлаге НКВД. «Для получения оружия участники этой организации намеревались установить связь с немецкими оккупационными войсками. С этой целью подготавливался побег из лагеря 2–3 участников группы, которые должны были прорваться через линию фронта к фашистам».

«Повстанческие» и «диверсионные» группы из трудармейцев были «обнаружены» и «ликвидированы» также в Ивдельлаге, Тагиллаге, Вятлаге, на других объектах НКВД, а также на ряде шахт и предприятий гражданских наркоматов. Так, новосибирские чекисты, опираясь на агентурную сеть в составе 11 резидентов, 6 агентов и 242 осведомителей, настряпали кучу дел: «Гунны» — о «профашистской повстанческой организации»; «Термисты» — о шпионаже в пользу Германии; «Фрицы» — о «фашистской агитации», а также «Гансы», «Алтайцы», «Геррика», «Кроус» и многие другие²⁷.

Привлекались к ответственности и бывшие фронтовики, которые позволяли себе рассказывать людям правду о реальном положении на фронтах в начальный период войны. Над трудармейцем 2-го рабочего отряда Челябметаллургстроя НКВД Кремером летом 1942 года был устроен показательный суд за то, что он рассказывал своим товарищам о кровопролитных боях и больших потерях при отступлении нашей армии летом 1941 года, о том, что враг был вооружен до зубов, а у наших солдат не было даже патронов. Кремера обвинили в распространении ложных сведений о ходе войны, в саботаже и приговорили к расстрелу²⁸.

В целом о количестве и характере «преступлений», совершившихся трудармейцами, можно судить на примере привлеченных в лагерях НКВД к уголовной ответственности немцев. Так, только в четвертом квартале 1942 года в Вятлаге к уголовной ответственности был привлечен 121 немец, в том числе за «контрреволюционные преступления» — 35, хищения — 13, «контрреволюционный саботаж» (отказ от работы, членовредительство, сознательное

доведение себя до истощения) — 32, дезертирство — 8 трудармейцев²⁹.

Как видим, трудармейцы были очень разными и не похожими друг на друга людьми — по своим взглядам и убеждениям, по отношению к той ситуации, в которой они оказались. И в этом, как представляется, нет ничего удивительного. Ведь в рабочих отрядах и колоннах встретились и работали бок о бок люди, у которых общим были национальность, язык, чувство обиды и горечи за свое унизительное положение, однако до войны они проживали в разных регионах, принадлежали к различным социальным, профессиональным и демографическим группам, исповедовали разную религию, либо были атеистами, по-разному относились к советской власти, неоднозначно оценивали режим в Германии. Пытаясь найти из невыносимо тяжелого положения, в котором оказались, свой, как представлялось каждому, единственно правильный выход и определяя таким образом свою судьбу, все они жили надеждой на удачу, на то, что судьба окажется к ним благосклонной, что кошмар войны, лагерной рабской жизни рано или поздно кончится. Они оставались людьми, а людям свойственно верить в счастье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские (в период существования СССР — советские) немцы — один из многих народов нашего государства, имеющий более чем двухвековую историю и внесший заметный вклад в экономическое и культурное развитие России.

Тот факт, что исторические корни этого народа связывают его с Германией, соседней с Россией страной, с конца XIX века вошедшей в число великих держав, имевшей свои интересы, часто отличные от России и даже враждебные ей, самым печальным образом отразился на судьбе российских немцев. И в Российской империи, и в СССР они часто становились объектом слепой ненависти и мести за те враждебные акции, что совершались Германией в отношении нашей страны. Особенно ярко это проявилось в XX веке, в ходе двух ожесточенных мировых войн, когда Россия (а затем и СССР) и Германия оказывались противниками и сталкивались в смертельной схватке.

Обладая специфической ментальностью, во многом унаследовавшей ценности западноевропейской цивилизации, российские немцы в течение многих десятилетий смогли сохранить свою национальную идентичность, традиции и обычаи старой Родины. С конца XIX века, в условиях обострения отношений с Германией, этот фактор стал играть роль известного раздражителя для националистически настроенной части российского общества и усугублял положение немцев в России.

Именно спецификой ментальности российских немцев объясняется то, что они оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к большевистскому тоталитарному режиму. Невосприимчивость немцами большевистской идеологии, ярко выраженное стремление сохранить традиционные устои жизни, апелляция в целях выживания за моральной и материальной помощью к Западу также дорого обошлись советским немцам. В межвоенные годы на них обрушились жесткое давление и преследование советских властей, суровые репрессии не только общего характера, но и по национальному признаку.

Война с Германией, начавшаяся в июне 1941 года, трансформировала традиционную для сталинского режима политику жесткого подавления советских немцев в подлинный геноцид против них. До конца 1941 года фактически все немцы, проживавшие в европейской части СССР, были депортированы в Сибирь и Казахстан, тем самым произошла ликвидация всех мест наиболее компактного проживания немцев. Прекратила свое существование Республика немцев Поволжья. Немецкие семьи были распылены на огромной территории. С того времени особенно быстрыми темпами начал развиваться процесс ассимиляции немцев в окружающую русскоязычную среду.

На новых местах переселенцы оказались в тяжелейшем положении, поскольку все свое имущество оставили в местах прежнего проживания. Государство, обещавшее переселенцам на новых местах компенсировать потерю имущества, попросту обмануло их. По мере продолжения войны положение переселенцев становилось все хуже. Во многих местах начался голод. Лишенные самого необходимого, испытывая моральные и физические мучения, советские немцы влячили жалкое существование и находились на грани жизни и смерти.

По мнению центрального руководства страны, основанному на докладах с мест, к началу 1942 года ситуация с немцами-переселенцами была такой напряженной и взрыво-

опасной, что необходимы были радикальные меры. Одной из таких мер стал призыв немцев в так называемую «Трудовую армию».

В СССР к началу Великой Отечественной войны был накоплен определенный опыт принудительного труда некоторых групп населения в составе военизированных формирований — «трудовых армий». В годы войны этот опыт, только в значительно более жестокой репрессивной форме, был применен к советским немцам.

В течение 1942–1943 годов на основании ряда постановлений Государственного Комитета Обороны СССР практически все дееспособное немецкое население страны (как мужчины, так и женщины) было мобилизовано в «Трудовую армию» — военизированные формирования: рабочие отряды и колонны, сочетавшие в себе элементы военной службы, производственной деятельности и гулаговского режима содержания.

Больше половины всех мобилизованных немцев оказалось в рабочих колоннах и отрядах лагерей и строек НКВД, где их положение практически ничем не отличалось от положения заключенных. Остальные, также в составе военизированных формирований, трудились на предприятиях и стройках других наркоматов, прежде всего в угле- и нефтедобывающей промышленности, на строительстве железных дорог, лесоповале и т. п. Рабочие отряды и колонны из советских немцев размещались практически на всей территории СССР, однако наибольшая их концентрация имела место на промышленных объектах и стройках Урала и Сибири, то есть в регионах, ставших основной экономической опорой нашей страны после оккупации противником западных территорий.

Мобилизованные немцы составляли незначительную часть трудового контингента НКВД и других наркоматов, где они работали. Следовательно, не было большой экономической необходимости применять жестко принудительный характер их трудового использования, формировать из них военизированные части и подразделения, переводить их на

положение заключенных. В основе принятых по отношению к советским немцам мер лежали политические мотивы и, прежде всего, такой злополучный факт, как историческое прошлое, связывавшее «наших» немцев с Германией — главным противником Советского Союза в войне.

Военизированные формирования из граждан СССР немецкой национальности имели особый статус, формально отличавший их как от вольнонаемных рабочих, так и от заключенных. Они создавались «при» лагерях и стройках НКВД, предприятиях и стройках других наркоматов и имели трехзвенную структуру: рабочие отряды — рабочие колонны — рабочие бригады.

Основным подразделением, в условиях которого осуществлялась деятельность и проходила жизнь трудармейцев, являлась рабочая колонна. Рабочий отряд представлял собой объединение рабочих колонн, часто находившихся в отрыве друг от друга на различных объектах производства или строительства. Рабочие бригады играли определенную самостоятельную роль только в часы производственной деятельности.

Рабочие колонны соединяли в себе: элементы военной службы (распорядок дня, уставная дисциплина, субординация и др.); элементы производственной деятельности (нормы выработки, формальная оплата труда и пр.); элементы лагерной жизни (наличие «зоны», охрана трудармейцев, условия содержания и т. п.). Они использовались на самых тяжелых работах, связанных с большими физическими усилиями: добыча из карьеров и шахт полезных ископаемых, строительство автомобильных и железных дорог, возведение плотин и т. п.

Мобилизовав немцев в рабочие отряды и колонны и используя их на самых тяжелых физических работах, государство, в то же время, не смогло создать этим людям хотя бы даже элементарно необходимые условия нормального человеческого существования. В силу остаточного принципа обеспечения рабочих колонн, в течение всех лет существования «Трудармии» мобилизованные немцы никогда в полном объ-

еме не получали положенного им и без того скучного довольствия, сохранялись неизменно тяжелые условия их жизни.

В условиях сурового климата, плохого питания и обмундирования, отсутствия полноценного отдыха каторжный труд в рабочих отрядах и колоннах приводил к массовому физическому истощению трудармейцев, влекшему за собой смерть, инвалидность, тяжелые болезни. Особенно жестокая эксплуатация мобилизованных немцев осуществлялась в лагерях и на стройках НКВД, где они по своему положению фактически не отличались от заключенных. В те годы возникла реальная угроза самому физическому существованию немецкого этноса СССР.

Официально враждебная политика Советского государства по отношению к немецкому населению, сама система выполнения производственных заданий любой ценой, постоянная угроза репрессий за их невыполнение создавали почву для жестокого обращения с трудармейцами со стороны руководителей и административного аппарата тех объектов, на которых работали мобилизованные немцы. Моральное унижение и физическое оскорбление стали широко распространенными явлениями.

В то же время имелось немало руководителей, которые вопреки официальным установкам относились к немцам сочувственно, старались по мере своих возможностей облегчить их участь. Доброжелательное отношение в большинстве своем проявляли к немцам и работавшие рядом с ними вольнонаемные, и местное население.

Несмотря на тяжелые условия труда и жизни, необходимость осваивать для себя новые, ранее незнакомые специальности, значительное число мобилизованных немцев трудилось честно и добросовестно, выполняя и перевыполнение производственные планы, нормы выработки. В рабочих колоннах получили развитие стахановское движение, ударничество.

Патриотизм многих немцев проявлялся не только в добросовестном труде, но и в активном участии в различных кампаниях по сбору средств в помощь Красной Армии,

что вынуждено было отметить даже руководство страны. Многие из советских немцев, воспитанные в предвоенные годы на большевистских принципах и лозунгах, активно и инициативно участвовали в работе партийных и комсомольских организаций.

Вместе с тем тяжелые, порой нечеловеческие условия труда и жизни, унизительное положение вызывали протест определенной части трудармейцев, выражавшийся в различных формах. Наиболее распространенной формой протеста стало дезертирство, которое достигало внушительных размеров, особенно в гражданских наркоматах. Власти умело противодействовали «негативным проявлениям» со стороны трудармейцев, применяя суровые меры наказания, фабрикуя на них «контрреволюционные» дела, формируя и используя широкую агентурно-осведомительскую сеть в трудармейской среде.

С середины 1943 года режим содержания, условия труда и жизни мобилизованных немцев начали постепенно и очень медленно смягчаться, что было связано как с общим улучшением положения дел на фронтах, экономическим укреплением страны, так и с тем, что большинство трудармейцев высокими производственными достижениями на деле демонстрировали свой патриотизм и лояльность политическому режиму.

Большинство трудармейцев поддерживала наивная вера в то, что с победоносным для СССР завершением войны в их жизни и судьбе произойдут положительные перемены, допущенная в отношении советских немцев несправедливость будет устранена. Однако этим ожиданиям, как известно, не суждено было сбыться. Политико-правовое признание «Трудармии», как формы участия советских граждан в обеспечении победы над агрессором, произошло лишь на рубеже 1980–1990 годов, то есть спустя четыре с лишним десятилетия после окончания войны. Многие трудармейцы не дожили до этой поры.

«Трудармия» нанесла немецкому населению нашей страны не только тяжелый физический урон, но, совместно

с депортацией и спецпоселением, еще и глубочайшую моральную травму. У большинства немцев сформировался устойчивый и вполне обоснованный пессимизм в отношении возможностей сохранения своей национальной идентичности, полноценной реализации своих национально-культурных запросов. Этому способствовало существование в нашей стране в течение многих послевоенных лет табу на «немецкую» тему, затянувшаяся и непоследовательная реабилитация немецкого народа. В результате одна часть немцев (меньшая), получившая с конца 1950-х годов возможность и сумевшая сделать определенную служебную и общественную карьеру, быстро ассимилировалась, другая часть стала связывать свое будущее с эмиграцией в Германию. Следствием этого стал наблюдаемый в последнее десятилетие настоящий исход немцев из СССР, а с его распадом — из России и стран СНГ, на свою историческую родину.

Как представляется, процесс исчезновения немецкого этноса в России принял уже необратимый характер. Через 15–20 лет произойдет полная ассимиляция тех, кто не выедет в Германию, и «немецкая» проблема в нашей стране будет закрыта. Конечно же, от такого развития событий Россия явно не выиграет.

Печальная судьба немцев в России и, в частности, трагические страницы военных лет и «Трудармии» должны стать поучительным историческим уроком на будущее. Нельзя допускать произвола и жестокости по отношению к целым народам, точно так же, как и к отдельным личностям. Общество должно строго следовать конституционным нормам жизни, опираться на развитую законодательную базу, ограничивающую произвол государственной власти. В противном случае возможны рецидивы прошлого, таящие в себе угрозу для всего демократического процесса развития.

Подлинник возвращен в Секретариат
ГОКО (II часть)

Сов.секретно.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 2383сс
от 7 октября 1942 г. Москва, Кремль.

О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР.

В дополнение к постановлению ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 года и № 1281сс от 14 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все времена войны всех немцев мужчин в возрасте 15-16 лет и 51-55 лет включительно, годных к физическому труду, как переселенцев из центральных областей СССР и республики Немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза.

2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все времена войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно.

Освободить от мобилизации женщины-немок беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет.

3. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам.

Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры к устройству оставшихся без родителей детей мобилизуемых немц

Приложение 1

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ «ТРУДАРМИИ»

1

Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
Постановление ГОКО № 1123сс

от 10 января 1942 г.

Москва, Кремль

О порядке использования немцев-переселенцев призывающего возраста от 17 до 50 лет

В целях рационального использования немцев-переселенцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все времена войны, передав из этого числа:

а) НКВД СССР — на лесозаготовки 45 000 чел. НКВД СССР — на строительство Бакальского и Богословского заводов 35 000 чел.;

б) НКПС СССР — на строительство железных дорог Стalinск — Абакан, Стalinск — Барнаул, Акмолинск — Караганда, Акмолинск — Павлодар, Сосьва — Алапаевск, Орск — Кандагач, Магнитогорск — Сара 40 000 чел.

Проведение мобилизации возложить на НКО (т. Щаденко), совместно с НКВД и НКПС.

К мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года.

2. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты Наркомата обороны в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия.

3. Обязать НКПС и Управление военных сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев в течение января месяца с доставкой к месту работы не позднее 10 февраля.

4. Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину, обеспечив высокую производительность труда и выполнение производственных норм.

5. Поручить НКВД СССР дела в отношении неявившихся по мобилизации немцев на призывные пункты или на сборные пункты для отправки, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн, рассматривать на Особом совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания.

6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР.

Обязать Наркомторг СССР выделять НКВД СССР и НКПС СССР на всю численность мобилизованных немцев продовольственные и промтоварные фонды по этим нормам полностью.

7. Наркомзему СССР выделить в течение января—февраля месяца для НКВД СССР на лесоразработки 3500 лошадей.

Наркомзагу СССР выделить на 3500 лошадей дополнительные фонды фуражка.

8. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обзаведению.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

И. СТАЛИН

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–50.

Опубликовано. См.: История российских немцев
в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 168–169.

2

Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР

Постановление ГОКО № 1281сс

от 14 февраля 1942 г.

Москва, Кремль

**О мобилизации немцев — мужчин
призывного возраста от 17 до 50 лет,
постоянно проживающих в областях, краях,
автономных и союзных республиках**

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев — мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, постоянно проживающих в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Молотовской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Читинской, Челябинской, Чкаловской, Ярославской, Кировской, Новосибирской, Омской, Куйбышевской и Иркутской областях, Приморском, Хабаровском, Алтайском и Красноярском краях, Башкирской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Казахской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Узбекской ССР — мобилизовать в рабочие колонны на все время вой-

ны, передав НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог.

Проведение мобилизации возложить на НКО (тов. Щаденко) совместно с НКВД СССР. Мобилизацию закончить к 25 марта 1942 г.

2. Обязать НКПС и Управление военных сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев с расчетом доставки их к месту работ по заявке НКВД СССР не позднее 30 марта.

3. Распространить порядок мобилизации и содержание мобилизованных немцев, установленный постановлением ГКО от 10 января 1942 г. за № 1123сс, пункты 2, 3, 4, на всех вновь мобилизованных.

4. Обязать НКПищепром, НКМясомолпром, Наркомзаг, Наркомрыбпром выделить на март месяц и II квартал ГУЛАГу НКВД СССР за счет переходящих остатков промышленности продовольственные товары, согласно приложению. Впредь Наркомторгу СССР обеспечивать продовольственным и промтоварным снабжением мобилизованных на основании пункта 6 постановления ГКО № 1123 от 10.1.42 г.

5. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обзаведению.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

И. СТАЛИН

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

Опубликовано. См.: История российских немцев
в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 170.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Постановление ГОКО № 2383сс

от 7 октября 1942 г.

Москва, Кремль

**О дополнительной мобилизации немцев
для народного хозяйства СССР**

В дополнение к постановлениям ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 года и № 1281сс от 14 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все время войны всех немцев мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет включительно, годных к физическому труду, как переселенных из центральных областей СССР и республики Немцев Поволжья в пределы Казахской СССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза.

2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно.

Освободить от мобилизации женщин-немок беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет.

3. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам.

Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизуемых немцев.

4. Проведение мобилизации немцев возложить на НКО и НКВД с привлечением местных органов Советской власти.

К мобилизации немцев приступить немедленно и закончить в месячный срок.

5. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия.

6. Установить уголовную ответственность немцев как за неявку по мобилизации на призывные и сборные пункты, так и за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн — по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.XII-1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

7. Мобилизованных в порядке настоящего постановления немцев мужчин направить для работы на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» Наркомугля.

Мобилизованных женщин-немок направить на предприятия Наркомнефти по разверстке Наркомата.

8. Обязать НКПС (тов. Хрулева) и Управление военных сообщений НКО (тов. Ковалева) обеспечить перевозки мобилизованных немцев по заявкам НКО и НКВД.

9. Обязать Наркомнефть СССР и Наркомуголь СССР обеспечить прием, размещение и рациональное использование направляемой рабочей силы из мобилизованных немцев.

Расходы, связанные с мобилизацией и перевозкой мобилизованных к месту назначения, отнести за счет смет Наркомугля и Наркомнефти.

10. Обязать Наркомторг СССР (тов. Любимова) обеспечить продовольственное снабжение мобилизованных в пути.

11. НКВД СССР и НКО доложить Государственному Комитету Обороны об итогах мобилизации немцев и о количестве направленных немцев по предприятиям Наркомугля и Наркомнефти.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

И. СТАЛИН

РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138–140.

Опубликовано. См.: История российских немцев
в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 172–173.

Приложение 2

ИНФОРМАЦИОННО- СТАТИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

РАЗМЕЩЕНИЕ рабочих отрядов и колонн из советских немцев на объектах НКВД СССР в 1942–1945 годах

Актюбинский лагерь НКВД (до сентября 1942 г. — Кимперсайлаг). Дислокация: Казахская ССР, Актюбинская обл., пос. Кимперсай. Строительство Актюбинского комбината НКВД. Численность трудармейцев по состоянию на январь: 1942 г. — 1595; 1943 г. — 1580; 1944 г. — 1635; 1945 г. — 195. Весь контингент — мужчины.

Алтайлаг НКВД. Дислокация: Алтайский край, ст. Кулунда. Строительство Алтайского бромного завода. Численность трудармейцев на апрель 1943 г. — 200 (все мужчины); на январь: 1944 г. — 1865 (мужчин — 713, женщин — 1152); 1945 г. — 838 (мужчин — 376, женщин — 462).

Архбумстрой НКВД. Дислокация: г. Архангельск. Строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. Численность трудармейцев по состоянию на июль 1943 г. — 744, на январь: 1944 г. — 722; 1945 г. — 372. Весь контингент — женщины.

Бакалстрой НКВД. Дислокация: Челябинская обл., г. Бакал. Строительство металлургического и коксохимического заводов. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 28 134; 1943 г. — 27 783; 1944 г. — 20 719. Весь контингент — мужчины.

Белбалткомбинат НКВД. Дислокация: Карело-Финская ССР, пос. Сегежа. Строительство целлюлозно-бумажного комбината. Численность трудармейцев на сентябрь 1944 г. — 3600, на январь 1945 г. — 4096. Весь контингент — мужчины.

Богословлаг НКВД. Дислокация: Свердловская обл., Серовский район, пос. Туринские Рудники. Строительство Богословского алюминиевого завода. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 12 758; 1943 г. — 12 683; 1944 г. — 8871; 1945 г. — 8603 (мужчин — 8571, женщин — 32).

Волжлаг НКВД. Дислокация: г. Казань (управление), лагерные пункты на территории Ульяновской обл. Строительство железной дороги Свияжск — Ульяновск. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 16 712; 1943 г. — 13 115; 1944 г. — 1765. Весь контингент — мужчины.

Воркуталаг НКВД. Дислокация: Архангельская обл., ст. Воркута. Угледобыча. Численность трудармейцев на январь: 1944 г. — 6873 (мужчин — 5361, женщин — 1512); 1945 г. — 6571 (мужчин — 5156, женщин — 1415).

Востураллаг НКВД. Дислокация: Свердловская обл., пос. Тавда. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на июнь 1942 г. — 5252 (все мужчины), на январь: 1943 г. — 5138 (все мужчины); 1944 г. — 4992 (мужчин — 3430, женщин — 1562); 1945 г. — 4767 (мужчин — 3157, женщин — 1610).

Вятлаг НКВД. Дислокация: Кировская обл., Кайский район, рабочий пос. Рудничный. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 5444 (все мужчины); 1943 г. — 5390 (все мужчины); 1944 г. — 3443 (мужчин — 2576, женщин — 867); 1945 г. — 3707 (мужчин — 2902, женщин — 805).

Джидастрой НКВД. Дислокация: Бурят-Монгольская АССР, Закайминский район, пос. Городок Джидастрой. Добыча и промывка рудного концентрата. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на июнь 1943 г. — 1471 (все женщины), на январь: 1944 г. — 1467 (все женщины); 1945 г. — 1572 (мужчин — 160, женщин — 1412).

Ивдельлаг НКВД. Дислокация: Свердловская обл., ст. Ивдель. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 12 347 (все мужчины); 1943 г. — 12 266 (все мужчины); 1944 г. — 5613 (мужчин — 4761, женщин — 852); 1945 г. — 5181 (мужчин — 4301, женщин — 880).

Карагандинский угольный разрез № 4. Дислокация: Карагандинская обл., ст. Михайловка. Угледобыча. Численность трудармейцев на январь 1944 г. — 1280 (мужчин — 792, женщин — 488).

Краслаг НКВД. Дислокация: Красноярский край, г. Канск. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 5313 (все мужчины); 1943 г. — 5346 (все мужчины); 1944 г. — 4046 (мужчин — 3137, женщин — 909); 1945 г. — 4224 (мужчин — 3400, женщин — 824).

Красноярский аффинажный завод. Дислокация — г. Красноярск. Строительство завода. Численность трудармейцев на январь: 1944 г. — 185 (мужчин — 99, женщин — 86); 1945 г. — 185 (мужчин — 100, женщин — 85).

Нижнеамурлаг НКВД. Дислокация: Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре. Работа на производстве. Численность трудармейцев на июнь 1944 г. — 48 мужчин.

Нижнетагиллаг НКВД (Тагилстрой НКВД). Дислокация: Свердловская обл., г. Нижний Тагил. Строительство металлургического и коксохимического заводов. Численность трудармейцев на март 1942 г. — 3737, на январь: 1943 г. — 3717 (все мужчины); 1944 г. — 4837 (мужчин — 3877, женщин — 960); 1945 г. — 4500 (мужчин 3528, женщин — 972).

Отдельная исправительно-трудовая колония УНКВД по Ульяновской области. Дислокация: Ульяновская обл., совхоз им. Сакко и Ванцетти. Сельскохозяйственное производство. Численность трудармейцев на январь: 1944 г. — 1436 (мужчин — 1435, женщин — 1); 1945 г. — 1345 (все мужчины).

Отдел подсобных предприятий Главного управления автодорожного строительства НКВД. Мелкие предприятия, разбросанные по всей территории СССР. Различные виды труда. Численность трудармейцев на октябрь 1944 г. — 235, на январь 1945 г. — 265. Весь контингент — мужчины.

Перевальский лагерь строительства № 500. Дислокация: Приморский край, Кур-Урмейский район. С мая по декабрь 1944 г. — 328 трудармейцев-мужчин.

Понышлаг НКВД. Дислокация: Молотовская обл., пос. Поныш. Строительство Понышской ГРЭС. Численность трудармейцев на ноябрь 1942 г. — 272 (все мужчины), на январь: 1944 г. — 273 (мужчин — 4, женщин 269); 1945 г. — 17 (мужчин — 3, женщин — 14).

Приволжлаг НКВД. Дислокация: г. Саратов. Строительство железных дорог. Трудармейцы переданы из Волжлага в феврале 1944 г. — 1738 мужчин, 1 женщина. Лагерь закрыт в октябре 1944 г.

Проектно-изыскательская экспедиция Гидропроекта НКВД. Без постоянного места дислокации. Изыскательские работы. Численность трудармейцев на ноябрь 1944 г. — 414, на январь 1945 г. — 412. Весь контингент — мужчины.

Севвостлаг НКВД. Дислокация: Хабаровский край, г. Магадан. Строительство различных промышленных объектов. Численность трудармейцев на январь: 1944 г. — 594 (мужчин — 590, женщин — 4); 1945 г. — 613 (все мужчины).

Севжелдорлаг НКВД. Дислокация: Коми АССР, ст. Котлас, пос. Железнодорожный. Строительство железных дорог. Численность трудармейцев на апрель 1942 г. — 5727, на январь: 1943 г. — 5703; 1944 г. — 2418; 1945 г. — 4377. Весь контингент — мужчины.

Севураллаг НКВД. Дислокация: Свердловская обл., пос. Сосьва. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на апрель 1942 г. — 4262, на январь: 1943 г. — 4262; 1944 г. — 4023. Весь контингент — мужчины.

7-е строительно-монтажное управление Главного управления автодорожного строительства НКВД. Без постоянного места дислокации. Строительство автомобильных дорог. Численность трудармейцев на октябрь 1944 г. — 590 мужчин.

Соликамбумстрой НКВД (Соликамстрой НКВД). Дислокация: Молотовская обл., Соликамский район, рабочий пос. Боровск. Строительство целлюлозно-бумажного

комбината и порохового завода. Численность трудармейцев на январь: 1942 г. — 9126; 1943 г. — 9089; 1944 г. — 6027. Весь контингент — мужчины.

Тавдинлаг НКВД. Дислокация: Свердловская обл., пос. Тавда. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на февраль 1942 г. — 464, на январь: 1943 г. — 467; 1944 г. — 468. Весь контингент — мужчины.

Умальтлаг НКВД (Умальтстрой НКВД). Дислокация: Амурская обл., Бурейский район, пос. Умальта. Строительство автодорог, мостов, угледобыча. Численность трудармейцев на май 1942 г. — 1298, на январь: 1943 г. — 1354; 1944 г. — 1299. Весь контингент — мужчины.

Унжлаг НКВД. Дислокация: Горьковская обл., ст. Сухово-Безводная. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на июнь 1943 г. — 3401 (все мужчины), на январь: 1944 г. — 3334 (мужчин — 62, женщин — 3272); 1945 г. — 4531 (мужчин — 1325, женщин — 3206).

Управление автодорожного строительства Ставропольского края. Ставропольский край. Строительство автомобильных дорог. Численность трудармейцев на октябрь 1944 г. — 2018 мужчин.

Усольлаг НКВД. Дислокация: Молотовская обл., г. Соликамск. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на март 1942 г. — 6004 (все мужчины), на январь: 1943 г. — 5967 (все мужчины); 1944 г. — 8831 (мужчин — 6001, женщин — 2830); 1945 г. — 7930 (мужчин — 5167, женщин — 2763).

Ухтоижемлаг НКВД. Дислокация: Коми АССР, пос. Ухта. Бурение и эксплуатация нефтяных и газовых скважин. Численность трудармейцев на январь: 1944 г. — 3752 (мужчин — 14, женщин — 3738); 1945 г. — 5030 (все женщины).

Материал подготовлен на основе анализа и сопоставления документов, хранящихся в фондах 9401, 9414, 9479 Государственного архива Российской Федерации.

**НАЛИЧИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ
немцев-трудармейцев по народным
комиссариатам СССР
(кроме НКВД) на 1 января 1944 года**

1. Наркомат угольной промышленности — 56 423
2. Наркомат нефтяной промышленности — 29 181
3. Наркомат боеприпасов — 8021
4. Наркомат по строительству — 7703
5. Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности — 3331
6. Наркомат лесной промышленности — 2938
7. Наркомат черной металлургии — 2590
8. Наркомат цветной металлургии — 2494
9. Наркомат химической промышленности — 1709
10. Наркомат танкового вооружения — 1626
11. Наркомат электропромышленности — 1625
12. Наркомат вооружения — 535
13. Наркомат обороны — 418
14. Наркомат тяжелого машиностроения — 379
15. Наркомат электростанций — 364
16. Наркомат среднего машиностроения — 325
17. Наркомат авиационной промышленности — 293
18. Наркомат путей сообщения — 278
19. Наркомат стройматериалов — 271
20. Наркомат пищевой промышленности — 106
21. Наркомат местной топливной промышленности — 95
22. Наркомат заготовок — 35
23. Прочие 17 наркоматов — 143

Итого — 120 642

См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1, 2, 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. // История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.

² РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 6.

⁴ См.: Айрих Э. Строки жизни. Заметки о былом // Немецкая газета (Алма-Ата). 1991. № 1. С. 3; № 3. С. 3; Боль и память: Сб. воспоминаний. М., 1993; Вольтер Г.А. Зона полного покоя. М., 1991; Гергерт В.Э. Мечта и грешная земля. Пермь, 1994; Мунтаниол А. Виноват в том, что немец // Нойес Лебен. 1994. № 33. С. 3–4; Судьбы российских немцев: Коллективная исповедь в письмах. М., 1993; Фитц А. Боль в наследство. Советские немцы: история через судьбы. Ташкент, 1990; Эйзенберг А. Если не выскажусь — задохнусь! М., 1994, и др.

Глава 1
Немецкое население СССР
накануне и в период
Великой Отечественной войны

¹ См.: История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 18–23.

² Подробнее о переселении немцев в Россию см.: Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996. С. 12–53.

³ См.: Чеботарева В.Г. «Немецкий вопрос» в исторической литературе России (конец XIX — начало XX вв.) // Немецкий российский этнос: вехи истории. М., 1994. С. 10–17.

⁴ См.: Ауман В. Судьбы и надежды советских немцев // Советские немцы: история и современность. М., 1990. С. 33.

⁵ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 35.

⁶ См.: Малиновский Л.В. Указ. соч. С. 78–84.

⁷ См.: Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985. S. 40–51.

⁸ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957. С. 177.

⁹ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья... С. 12, 14.

¹⁰ См.: Малиновский Л.В. Указ. соч. С. 105–108.

¹¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 18–20.

¹² См.: Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. М., 1995. С. 18–26; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995. С. 65–74; Малиновский Л.В. Указ. соч. С. 98–101; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 12–91, и др.

¹³ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья... С. 15.

¹⁴ См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 46–65.

¹⁵ Подробнее о коллективизации в немецких селах см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 99–115; Белковец Л.П. Указ. соч. С. 127–139; Бруль В.И. Указ. соч. С. 74–118; Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец 18 — середина 20 вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. С. 153–155, и др.

¹⁶ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 121.

¹⁷ См.: Бабиченко Л.Г. Дипломатические игры // Волга (Саратов). 1995. № 5–6. С. 35–40.

¹⁸ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 332.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 178–204.

²¹ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 343–351.

²² См.: Малиновский Л.В. Указ. соч. С. 121.

²³ См.: Нойес Лебен. 1991. № 38–43.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 71. Л. 1, 2; Д. 103. Л. 1.

²⁵ См.: Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 9.

²⁶ См.: Конквест Р. Жатва печали. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. № 10. С. 156.

²⁷ См.: История российских немцев... С. 156.

²⁸ См.: Бугай Н.Ф. 40-е годы: Автономию немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. 1991. № 2. С. 174.

²⁹ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 278–280.

³⁰ Там же. С. 282–283.

³¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 122.

³² Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину... С. 39.

³³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 123.

³⁴ См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья... С. 229–233.

³⁵ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 281–329.

³⁶ Там же. С. 352.

³⁷ Там же. С. 301.

³⁸ Там же. С. 369.

³⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 205.

⁴¹ См.: Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину... С. 45; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 117.

⁴² См.: Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 — февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 91, 92.

⁴³ Там же. С. 223.

⁴⁴ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 305; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 56.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 308.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 38.

⁴⁸ Там же. Л. 39.

⁴⁹ См.: Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину... С. 42.

⁵⁰ См.: Депортация народов СССР... Ч. 2. С. 141–144.

⁵¹ Там же. С. 146.

⁵² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 д. 83. Л. 41.

⁵³ Там же. Л. 203.

⁵⁴ См.: Депортация народов СССР... Ч. 2. С. 217.

⁵⁵ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 309.

⁵⁶ См.: Депортация народов СССР... Ч. 2. С. 237.

⁵⁷ Там же. С. 234.

⁵⁸ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 312.

⁵⁹ Депортация народов СССР... Ч. 2. С. 228–229.

⁶⁰ Там же. С. 221.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 1; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 259–286.

⁶² Там же. Л. 29.

⁶³ Там же. Л. 94.

Глава 2

Основные этапы, места и порядок создания военизованных формирований из граждан СССР немецкой национальности

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. М., 1919. С. 2.

² См.: Сборник приказов Р.В.С.Р. 1919 год. М., 1920. С. 17.

³ Там же. 1920 год. М., 1921. С. 10, 11.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ См.: Першин И.М. Участие Красной Армии в социалистическом строительстве в Сибири (конец 1919–1920 гг.). Новосибирск, 1974. С. 145, 146.

⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 127.

⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 6.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 3, 4, 5.

¹¹ См.: Дитц А. Социальная реабилитация российских немцев и память // Нойес Лебен. 1995. № 7. С. 8.

¹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 129.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 51; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 5а, 78.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 1207. Л. 38.

¹⁵ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 9.

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–50.

¹⁷ Там же. Л. 50.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 1.

¹⁹ Таблица подготовлена на основе архивных данных.

См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 110. Л. 41.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 110. Л. 41.

²¹ Там же. Л. 10–11.

²² Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 58.

²³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 65.

²⁴ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.

²⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 6.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 20.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ См.: Козыбаев М.К. Ковали победу и трудармейцы: Доклад на съезде трудармейцев Казахстана // Нойес Лебен. 1995. № 15. С. 8.

²⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 111. Л. 16, 17.

³⁰ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 110. Л. 125; Д. 112. Л. 65.

- ³¹ РЦХДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 164.
- ³² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 128. Л. 24.
- ³³ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 38.
- ³⁴ Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 128. Л. 18.
- ³⁵ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 72–81.
- ³⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 105. Л. 9.
- ³⁷ Там же. Д. 112. Л. 67.
- ³⁸ Там же. Д. 111. Л. 75.
- ³⁹ Там же. Д. 110. Л. 125.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1215. Л. 1–43.
- ⁴¹ Там же. Д. 1207. Л. 6.
- ⁴² Там же. Л. 1. В приведенных данных не учтены рабочие колонны лагерей и строек НКВД.
- ⁴³ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 44, 45, 46, 47, 72, 84, 262.
- ⁴⁴ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 75.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 110. Л. 39, 111, 121, 123; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 38; Д. 1207. Л. 36.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–4.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1215. Л. 4.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Таблица подготовлена авторами на основе архивных данных. См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1, 6, 38, 55, 166; Д. 1215. Л. 4; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 172. Л. 160–184; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 172. Л. 251–277.
- ⁵² Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.
- ⁵³ Подсчитано авторами на основе архивных материалов. См.: РЦХДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 129; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 55.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2. С. 319–320.

Глава 3

Рабочие отряды и колонны: режим содержания трудармейцев, характер производственной деятельности

- ¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 505. Л. 60.
- ² Там же. Д. 665. Л. 10.
- ³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1а. Д. 110. Л. 10.
- ⁴ Там же. Оп. 1. Д. 112. Л. 72, 83.
- ⁵ Там же. Л. 72.
- ⁶ Там же. Л. 76, 77.
- ⁷ Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 111. Л. 66, 70–71.
- ⁸ Там же. Л. 69–71; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 79.
- ⁹ Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 111. Л. 71.
- ¹⁰ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 73.
- ¹¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 9.
- ¹² ГАКО. Ф. 456. Оп. 4. Д. 151. Л. 4.
- ¹³ Там же. Д. 13. Л. 200.
- ¹⁴ Там же. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 416.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1–5; Д. 1202. Л. 1–19.
- ¹⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 128. Л. 133, 233.
- ¹⁷ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Д. 112. Л. 92.
- ¹⁹ Там же. Л. 77, 78, 92, 93.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 84.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.
- ²² Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 110. Л. 11.
- ²³ Там же. Д. 127. Л. 109.
- ²⁴ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 30.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 128. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 28–56.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 30, 32.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 154. Л. 138.
- ²⁹ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию **Берия...**
С. 78.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 172. Л. 94–102.
- ³¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 127. Л. 25.

- ³² Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 172. Л. 160–186.
- ³³ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 17; Д. 1215. Л. 1–41.
- ³⁴ Там же. Д. 1202. Л. 1–19.
- ³⁵ Там же. Д. 1183. Л. 127.
- ³⁶ Там же. Д. 1207. Л. 38.
- ³⁷ Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 154. Л. 181.
- ³⁸ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 5.
- ³⁹ Там же. Л. 35, 37, 42.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5–68.
- ⁴¹ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 113. Л. 74.
- ⁴² ГАКО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 209.
- ⁴³ Там же. Л. 416.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 209.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 10.
- ⁴⁶ Там же. ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 204.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 57. Л. 1–10.
- ⁴⁸ Там же. Д. 51. Л. 91–93.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
- ⁵⁰ Там же. Д. 15. Л. 14.
- ⁵¹ Там же. Ф. 456. Оп. 4. Д. 1510. Л. 4.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 154. Л. 181.

Глава 4

Условия жизни немцев, мобилизованных в «Трудовую армию»

- ¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1169. Л. 41–45.
- ² ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 13.
- ³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 6–125.
- ⁴ Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 154. Л. 181.
- ⁵ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 2–120.
- ⁶ Там же. Д. 1207. Л. 15.
- ⁷ См.: Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 76, 78.

- ⁸ См.: Неизвестный Кузбасс: Сб. архивных документов. Вып. 1. Кемерово, 1993. С. 11–12.
- ⁹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 142–144.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 416.
- ¹¹ Там же. Л. 417.
- ¹² Там же. Л. 418–419.
- ¹³ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 19.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 93.
- ¹⁶ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 143.
- ¹⁷ См.: Ремпель П.Б. Указ. соч. С. 77–78.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 7–120.
- ²¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 146.
- ²² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 3–36.
- ²³ Там же. Д. 1183. Л. 7, 45.
- ²⁴ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 25.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 40, 42–43.
- ²⁶ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 3–36.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: Мунтаниол А. Указ. соч.
- ²⁹ Личный архив А.А. Германа.
- ³⁰ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 145.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 2–12.
- ³² Там же. Л. 37.
- ³³ Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 127. Л. 153.
- ³⁴ Там же. Д. 128. Л. 253.
- ³⁵ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 48.
- ³⁶ Там же. Л. 42.
- ³⁷ Там же. Д. 1172. Л. 1–15; Д. 1207. Л. 3–5.
- ³⁸ Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 155. Л. 33.
- ³⁹ Там же. Л. 34.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 206–210.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 146.
- ⁴² Там же. Д. 158. Л. 5.
- ⁴³ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 14. Д. 14. Л. 144.

⁴⁴ ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 147–148.

⁴⁵ ГАКО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 417, 419.

⁴⁶ Там же. Оп. 4. Д. 20. Л. 26.

⁴⁷ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 50.

⁴⁹ Там же. Л. 56.

⁵⁰ См.: Кроневальд И.И. Незаживающая рана // Книга памяти. Екатеринбург, 1994. С. 251.

⁵¹ См.: Из воспоминаний И.В. Вольф-Моргуновой // Там же. С. 289.

⁵² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 110. Л. 26; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.

⁵³ Мунтаниол А. Указ. соч.

⁵⁴ ГАКО. Ф. 456. Оп. 4. Д. 15. Л. 6, 7, 9.

⁵⁵ Там же. Л. 35.

⁵⁶ Там же. Д. 13. Л. 200, 202.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 9.

⁵⁸ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 16, 204.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 8.

⁶⁰ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Л. 71.

⁶¹ См.: Кичихин А. Советские немцы // Нойес Лебен. 1990. № 50. С. 2.

¹⁰ Там же. Л. 233.

¹¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1202. Л. 1–19; Д. 1207.

Л. 1–5.

¹² Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 112.

¹³ Там же. Д. 1207. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 5, 15.

¹⁵ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 86.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 128. Л. 136 об.

¹⁷ Там же. Д. 153. Л. 44.

¹⁸ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 57.

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 128. Л. 136.

²¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–15.

²² Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 127. Л. 103.

²³ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 106.

²⁵ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 111.

²⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 128. Л. 135, 136.

²⁷ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 189. Л. 216–238, 242–256.

²⁸ См.: Судьба российских немцев... С. 33.

²⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 47.

Глава 5 Облик трудармейца: от стахановца до «антисоветского элемента»

¹ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 57. Л. 117.

² Айрих Э. Строки жизни. Заметки о былом // Нойес Лебен. 1991. № 28. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ См.: Рихтер А. Отец // Огонек. 1987. № 48. С. 4–5.

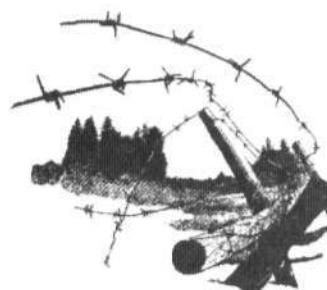
⁵ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 91–93.

⁶ Там же. Л. 25, 51.

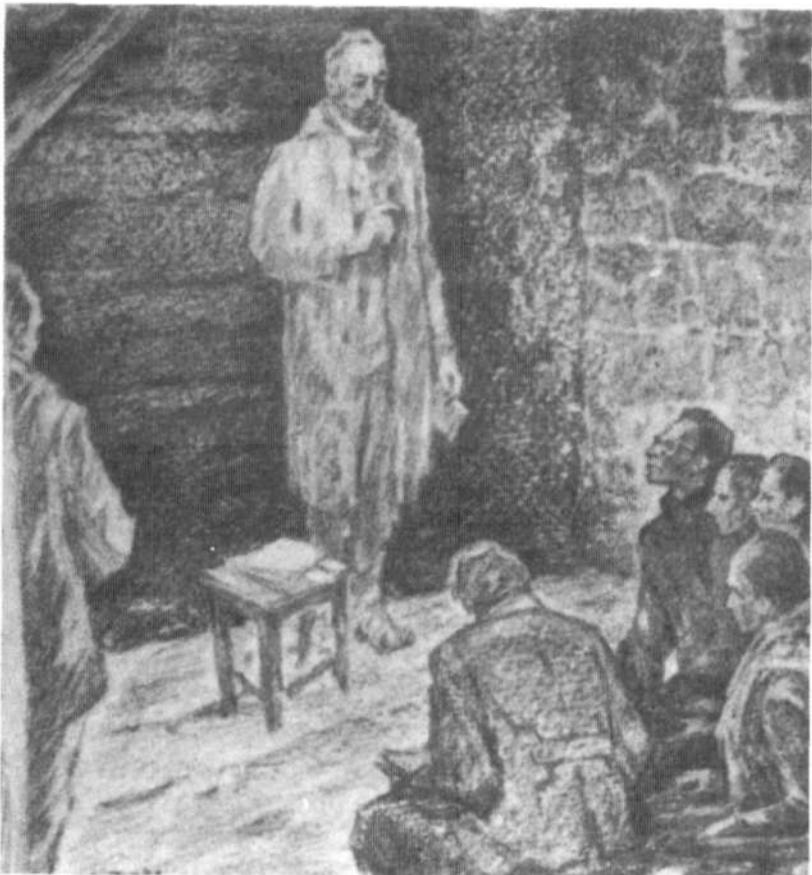
⁷ См.: Книга памяти. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. С. 291, 293, 295–296.

⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 44.

⁹ Там же. Д. 128. Л. 133.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А** Абрамов, парторг шахты 124
Август С., мобилизованный 144
Айзинер, врач 109
Айрих Э., трудармеец 135
Ананьев, бригадир 41
- Б** Бадер О., трудармеец, ученый 137
Базаев, начальник эшелона 59
Безгубенко, сменный мастер шахты 123
Белослюдцев, заместитель управляющего трестом «Кемеровуголь» по спецконтингенту 95
Бельц И., председатель Госплана АССР немцев Поволжья 25
Берия Л., нарком внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности СССР 31, 32, 35, 53, 146
Биглер П., крестьянка 25
Бугай Н., доктор исторических наук, профессор 27, 65
- В** Вайнгуш, трудармеец 147
Ванников Б., нарком боеприпасов 122
Варенков, начальник политотдела Челябметаллургстроя 128

Вебер, трудармеец 145
Вольф, трудармеец 123

Г Гаген **Н.**, командир дивизии, полковник 28
Гайкер, трудармеец 124
Гейнрихсдорф, трудармеец, ученый 137
Геринг **К.**, трудармеец 144
Гитлер **А.**, руководитель нацистского режима в Германии (1933–1945) 123
Гофман **Г.**, красноармеец 28
Губанов, директор завода № 204 Наркомата боеприпасов 122
Губер, трудармейка 123
Гусев, сотрудник Орджоникидзевского краевого управления НКВД СССР 29
Гусев **М.**, секретарь Прокопьевского горкома ВКП(б) 106

Д Дизер, трудармеец, бригадир 147
Динкель, трудармеец 123
Дистергейт, трудармеец, художник 138
Добрынин, начальник управления режима и охраны ГУЛАГа НКВД 78
Догмишин **А.**, начальник эшелона 59
Доловатенко, начальник шахты 124

Е Екатерина **II**, российская императрица 15
Ерохин **А.**, заместитель начальника управления Соликамстроя НКВД 59

З Завгородний **Г.**, заместитель начальника ГУЛАГа НКВД 50
Задионченко, первый секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) 106
Звоницкий, управляющий трестом «Кизелшахтстрой» 123
Земсков **В.**, старший научный сотрудник Института российской истории РАН 68

И Иванов, начальник отдела спецпоселений НКВД 54
Иорин, начальник оперативного отдела ГУЛАГа НКВД 145

К Киммелль, трудармеец 144
Кирхмеер, трудармеец 121
Книдзе, старший оперуполномоченный УНКВД по Новосибирской области 109
Ковалев, начальник Управления военных сообщений Наркомата обороны 164
Кольман, трудармеец 121
Конквест **Р.**, историк 26
Костомахов, горный мастер 123
Косыгин **А.**, заместитель председателя Совнаркома СССР 33
Кремер, трудармеец 148
Круглов, заместитель наркома внутренних дел СССР 57, 78, 81, 111, 113, 117
Кузнецов, начальник отдела спецпереселений НКВД 120
Кулагин, секретарь обкома партии 121
Куприянов, заместитель начальника комбината «Тулауголь» по спецконтингенту 93, 108

Л Любимов, нарком торговли СССР 164
Люфт **Г.**, председатель Совнаркома АССР немцев Поволжья 25
Ляшенко, начальник снабжения шахты «Северная» комбината «Кемеровуголь» 124

М Майер, трудармеец 128, 147
Маленков **Г.**, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) 33
Малинин, начальник УНКВД по Новосибирской области 54
Махер, трудармеец 121
Миллер **А.**, сотрудник обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья 25

Молотов В., нарком иностранных дел СССР 33
Мунтаниол А., трудармеец 126

Н **Наседкин**, начальник ГУЛАГа НКВД 61
Нейман Г., красноармеец 28
Никольц, трудармеец 121
Нихельман, трудармеец, заведующий клубом 127

О **Обухов**, управляющий трестом «Севкавтяжстрой» 121
Олехнович, начальник 2-го отдела управления Соликамского строя 59

П **Петр I**, российский император 15

Р **Раушенбах Б.**, трудармеец, ученый 137
Рейсбах, трудармеец 124
Рейсих, трудармеец 145
Рейх, трудармеец 123
Рихтер Г. (Смирнов), фронтовик 136
Родац, трудармеец 121
Роот, трудармеец 123

С **Саак**, начальник комбината «Кузбассуголь» 96
Сандер, трудармеец 123
Сафонов, заместитель Прокурора СССР 83
Седер, трудармеец 128
Селютин, начальник санчасти Соликамского строя 59
Семенов И., начальник УНКВД по Красноярскому краю 35
Серов, директор завода № 78 Наркомата боеприпасов 122
Сталин И., советский партийный и государственный деятель, с конца 1930-х годов — фактически единственный руководитель СССР 24, 31, 32, 33, 95, 122, 135, 136, 161, 162, 164

Степанов, инструктор Новосибирского обкома ВКП(б) 109
Стромберг, трудармеец, ученый 137
Суппес В., нарком местной промышленности АССР немцев Поволжья 25
Сурыгин, уполномоченный Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) 121

У **Унрау**, трудармеец 147
Ушаков, заместитель начальника комбината «Челябинскуголь» 108

Ф **Фаст**, трудармеец 147
Франк, трудармеец 147
Фрешер Е., первый секретарь обкома АССР немцев Поволжья 25

Х **Харитонов**, начальник шахты 124
Хохлов, начальник строительства 123
Христ, начальник колонны 123
Хрулев, заместитель наркома путей сообщения 164

Ц **Царевский**, начальник Тагилстроя НКВД 125

Ч **Черноземов**, начальник завода № 80 Наркомата боеприпасов 122
Чернышов В., первый заместитель наркома внутренних дел СССР 35, 52, 53, 65, 83, 85, 119, 120, 142

Ш **Шамарин**, начальник УНКВД по Кемеровской области 142
Шварц А., командир батальона Красной Армии 28
Шишов, директор завода № 320 Наркомата боеприпасов 122

Шлейхер, трудармеец 136

Шмидт, трудармеец 145

Штейнке, трудармеец 124

Штекляйн Р., трудармейка 122

Щ

Щаденко, заместитель наркома путей сообщения 160, 162

Щекотихин, директор завода № 15 Наркомата боеприпасов 122

Щербаков, начальник мастерских 123

Э

Эренбург И., писатель 126

Я

Якоб, переселенец 41

Яцевич, помощник начальника отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа НКВД 127, 142

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Австро-Венгрия 20

Автономная область (Трудовая Коммуна) немцев Поволжья 20

Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья (Республика немцев Поволжья, Немерспублика) 20, 31, 152

Азербайджанская ССР 32

Акмолинск — Карталы, железная дорога 51, 159

Акмолинск — Павлодар, железная дорога 51, 159

Актюбинская область 165

Александров Гай — Эмба, железная дорога 47

Алтайский край 30, 52, 159, 161, 165

Алуштинский район в Крымской АССР 29

Армянская ССР 32

Архангельск 165

Архангельская область 27, 60, 64, 65, 161, 166

Астрахань 47

Ачинск, город в Красноярском крае 36

Ачинский район в Красноярском крае 36

Аягузский район в Семипалатинской области Казахской ССР 59

Б

Бакал, город в Челябинской области 165

Бальцер, город в АССР немцев Поволжья 21

Баская, станция в Губахинском районе Молотовской области 109
Башкирская АССР (Башкирия) 17, 60, 64, 161
Белорусско-Литовский регион 18
Бенжарка, село в Мамлютском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР 39
Берлин 24
Бескозубье, село в Мамлютском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР 38
Бессарабия 16, 18
Бирюльский район в Красноярском крае 36
Благодарненский район в Орджоникидзевском крае 29
Больше-Муртинский район в Красноярском крае 36
Боровск, поселок в Соликамском районе Молотовской области 168
Брест-Литовск 20
Буденновский район в Орджоникидзевском крае 29
Бурейский район в Амурской области 169
Бурят-Монгольская АССР 60, 161, 166
Бышевский район в Киевской области Украинской ССР 65

В Волга, река 15, 16
Вологодская область 60, 161
Волынская губерния (Волынь) 16, 18
Воркута 166
Воронежская губерния 16
Воронежская область 32
Ворошиловградская область 32, 48
Восточная Украина 26

Г Гальбштадт, немецкое село в Запорожской области Украинской ССР 26
Германия 5, 9, 17, 18, 20, 24, 27, 28, 30, 135, 145, 148, 149, 151, 152, 154, 157

Городок Джидастрой, поселок в Закайминском районе Бурят-Монгольской АССР 166
Горьковская область 25, 33, 169
Грузинская ССР 32
Губахинский район в Молотовской области 109

Д Дагестанская АССР (Дагестан) 47
Джамбулская область в Казахской ССР 37
Дивенский район в Орджоникидзевском крае 29
Днепр, река 30
Днепропетровская область 33, 48
Дон, река 17, 30

Е Европейская часть России, СССР 6, 8, 9, 18, 28, 31, 32, 40, 51, 69, 152
Екатеринославская губерния 18

Ж Железнодорожный, поселок в Коми АССР 168
З Закавказье 16, 18, 27
Запорожская область в Украинской ССР 26, 36, 48

И Ивановская область 60, 161
Ивдель, поселок в Свердловской области 167
Игарский район в Красноярском крае 41
Ижморский район в Новосибирской области 39
Иркутская область 60, 161

К Кабардино-Балкарская АССР 32
им. Кагановича, колхоз в Советском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР 39
Казань 60, 166
Казахская ССР (Казахстан) 8, 9, 17, 23, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 37, 52, 60, 152, 159, 161, 163, 165
Кайский район в Кировской области 166

Калмыцкая АССР 33
Канада 24
Канск, город в Красноярском крае 167
Карагандинская область 26, 110, 167
Карело-Финская ССР 166
Кемеровская область 64
Киевская область 48, 65
Кимперсай, поселок в Актюбинской области Казахской ССР 165
Киргизская ССР 60, 161
Кировская область 49, 60, 161, 166
Козлов, станция и город в Тамбовской губернии 47
Коми АССР 60, 65, 161, 168
Комсомольск-на-Амуре 167
Косьва, река на Урале 88
Котлас 60, 168
Крайний Север 66
Красноводск 34
Краснодарский край 32
Красноярск 167
Красноярский край 29, 35, 36, 40, 41, 52, 159, 161, 167
Крым 16, 29
Крымская АССР 29
Кубанская область 47
им. Куйбышева, колхоз в Советском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР 39
Куйбышевская область 33, 60, 64, 161
Кулунда, поселок в Алтайском крае 165
Кур-Урмейский район в Приморском крае 168
Кустанай 34

Л

Латвия 65
Ленинград (Санкт-Петербург, Петербург, Петроград) 16, 18, 19, 33, 47
Литва 65
Лифляндская губерния 16
Лузино, село 48

Магадан 168
Магнитогорск — Сара, железная дорога 51
Малороссия 16
Мамлютский район в Северо-Казахстанской области Казахской ССР 38
Марийская АССР 60, 161
Марксштадт, город в АССР немцев Поволжья 21
Марьиновка, село 48
Михайловка, станция в Карагандинской области Казахской ССР 167
Молотовская область 49, 53, 60, 64, 109, 161, 168
Мордовская АССР 60, 161
Москва 19, 22, 32, 36, 109, 137, 147, 159, 161, 163
Московская область 32, 36, 64, 86
Мурманская область 27

Н

Надымский район в Омской области 40
Нарымский округ в Новосибирской области 40
Нижний Тагил, город в Свердловской области 167
Новгородская губерния 47
Новосибирская область 30, 39, 40, 52, 54, 65, 74, 109, 142, 144, 159, 161

О

Одесса 19
Одесская область 25, 33
Омск 48, 59, 88
Омская область 30, 40, 52, 159, 161
Орджоникидзевский край 29, 32
Оренбургская губерния 17
Орск — Кандагач, железная дорога 51
Осипово, село в Бышевском районе Киевской области 65

П

Пензенская область 60, 161
Петроградская губерния 47
Поволжье 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 30

Подмосковье 22
Полтавская область 48
Поныш, поселок в Молотовской области 168
Прибалтика 18, 65
Приморский край 27, 60, 64, 161, 168
Причерноморье 16
Пруссия 16
Псковская губерния 47

P Россия 15, 17, 18, 19, 20, 151, 157
Ростовская область 29, 32
РСФСР 27, 45, 83, 84, 163
Рудничный, поселок в Кайском районе Кировской области 166
Русь 15
Рязанская область 60, 161

C Самарская губерния 16
Саратов 15, 19, 168
Саратовская область 29, 30, 31, 62
Свердловская область 53, 60, 64, 106, 110, 161, 166, 167, 168, 169
Свияжск — Ульяновск, железная дорога 60, 62, 66, 166
Северный Кавказ 17
Северо-Казахстанская область в Казахской ССР 39
Северо-Осетинская АССР 32
Сегежа, поселок в Карело-Финской ССР 166
Семипалатинская область в Казахской ССР 59
Серовский район в Свердловской области 166
Сибирский Север 40
Сибирь 8, 9, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 33, 35, 37, 47, 89, 152, 153
СНГ 157
Советский район в Северо-Казахстанской области 39

Соликамск, город в Молотовской области 169
Соликамский район в Молотовской области 168
Сосьва, поселок в Свердловской области 168
Средняя Азия 17, 27, 28
СССР (Союз Советских Социалистических Республик, Советский Союз) 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 61, 62, 63, 65, 67, 69, 73, 74, 79, 81, 83, 84, 108, 118, 120, 126, 133, 134, 135, 137, 138, 139, 144, 146, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 170
Ставропольский край 169
Сталиабад 65
Сталинград 127
Сталинградская область 29, 30, 31, 62
Сталинск — Абакан, железная дорога 51, 159
Сталинская область 32, 48
Сталинск — Барнаул 51, 159
Степановка, село в Ижморском районе Новосибирской области 39
Сумская область 48
Сухово-Безводное, поселок в Горьковской области 25, 169

T Тавда, поселок в Свердловской области 166
Таврическая губерния 18
Таджикская ССР (Таджикистан) 60, 64, 65, 161
Тамбовская область 60, 161
Татарская АССР 60, 161
Терская область 47
Тогучинский район в Новосибирской области 39
Тульская область 32, 64, 86, 106
Туркменская ССР 60, 161
Туринские Рудники, поселок в Серовском районе Свердловской области 166
Тюменская область 65

У

- Уджарский район в Семипалатинской области Казахской ССР 59
 Удмуртская АССР 49, 60, 161
 Узбекская ССР 60, 161
 Украинская ССР (Украина) 8, 16, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 32, 33, 36, 47, 48, 91
 Ульяновская область 166, 167
 Урал, регион 9, 18, 27, 47, 51, 88, 89, 138, 153
 Уральск 47
 Ургал, станция Дальневосточной железной дороги 60
 Усть-Абаканский район в Красноярском крае 36
 Усьва, река на Урале 88
 Ухта, поселок в Коми АССР 169

Ф

- Финляндия 18

Х

- Хабаровский край 27, 60, 64, 161, 167, 168
 Харьковская область 48
 Херсонская губерния 18

Ц

- Царство Польское 18

Ч

- Чановский район в Новосибирской области 39, 144
 Челябинск 60
 Челябинская область 53, 60, 64, 109, 161, 165
 Черниговская область 49
 Чечено-Ингушская АССР 32
 Черное море 30
 Читинская область 27, 60, 161
 Чкаловская область 60, 64
 Чувашская АССР 60, 161
 Чулым, река 36
 Чусовая, река 88

Ш

- Шараповский район в Красноярском крае 36

Щ

- Щучье, село в Мамлютском районе Северо-Казахстанской области Казахской ССР 38

Э

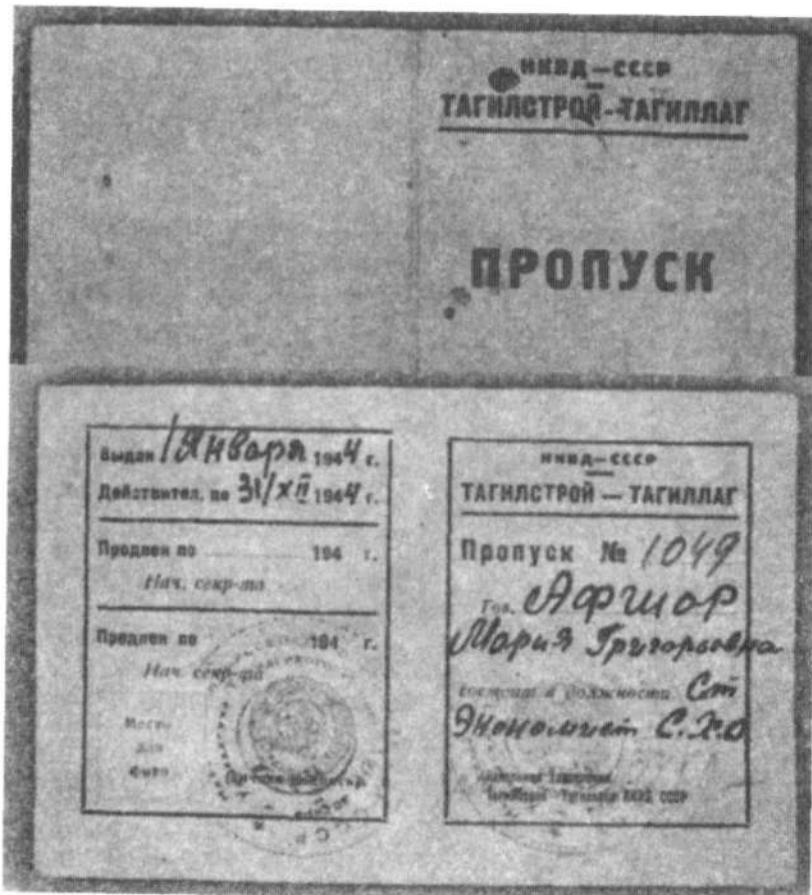
- Эстония 65

Я

- Ялтинский район в Крымской АССР 29
 Ярославская область 60, 161

СОКРАЩЕНИЯ

- «Анжероуголь» — Анжеро-Судженский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
- Бакаллаг (Бакалстрой, Челябметаллургстрой)** — Бакальский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Богословлаг (Богословстрой, БАЗстрой)** — Богословский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- «Богословуголь» — Богословский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
- Волжлаг** — Волжский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Воркуталаг** — Воркутинский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Востураллаг** — Восточноуральский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Вятлаг** — Вятский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Главнефтестрой** — Главное управление нефтяного строительства Наркомата нефтяной промышленности
- Главнефтегаз** — Главное управление по добыче газа Наркомата нефтяной промышленности
- Госплан** — Государственный комитет СССР по планированию
- Джидастрой** — Джидинский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
- Ивдельлаг** — Ивдельский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД

«Кагановичуголь» — Кагановичский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Карагандауголь» — Карагандинский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Кемеровуголь» — Кемеровский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Кизелшахтстрой» — Кизелский трест шахтного строительства Наркомата угольной промышленности
Кимперсайлаг — Кимперсайский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Краслаг — Красноярский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
«Кузбассуголь» — Кузбасский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
Куйбышевнефтекомбинат — Куйбышевский нефтеперерабатывающий комбинат Наркомата нефтяной промышленности
«Куйбышевуголь» — Куйбышевский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Ленинуголь» — Ленинский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Молотовуголь» — Молотовский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Москвуголь» — Московский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Мосшахтстрой» — Московский трест шахтного строительства Наркомата угольной промышленности
Нарком — народный комиссар
Наркомат — Народный комиссариат
Наркомлес — Народный комиссариат лесной промышленности
Наркомнефть — Народный комиссариат нефтяной промышленности
Наркомторг — Народный комиссариат торговли
Наркомуголь — Народный комиссариат угольной промышленности
Немобком — областной комитет ВКП(б) АССР немцев Поволжья

Немреспублика — АССР немцев Поволжья
Политбюро — Политическое бюро
Понышлаг — Понышский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Продразверстка — продовольственная разверстка
Реввоенсовет — Революционный военный совет
Севжелдорлаг — исправительно-трудовой лагерь по строительству Северной железной дороги ГУЛАГа НКВД
Севураллаг — Североуральский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Сиблаг — Сибирский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Совнарком — Совет Народных Комиссаров
Соликамбумстрой (Соликамстрой) — Соликамский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Тавдинлаг — Тавдинский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Тагилстрой (Тагиллаг) — Нижне-Тагильский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Трудармия — «Трудовая армия»
«Туймазанефть» — Туймазинский нефтяной трест Наркомата нефтяной промышленности
«Тулауголь» — Тульский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
Умальтлаг (Умальтстрой) — Умальтинский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Унжлаг — Унженский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Усольлаг — Усольский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
Ухтоижемлаг — Ухтинский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГа НКВД
«Челябинскуголь» — Челябинский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности
«Чкаловуголь» — Чкаловский угольный комбинат Наркомата угольной промышленности

АББРЕВИАТУРЫ

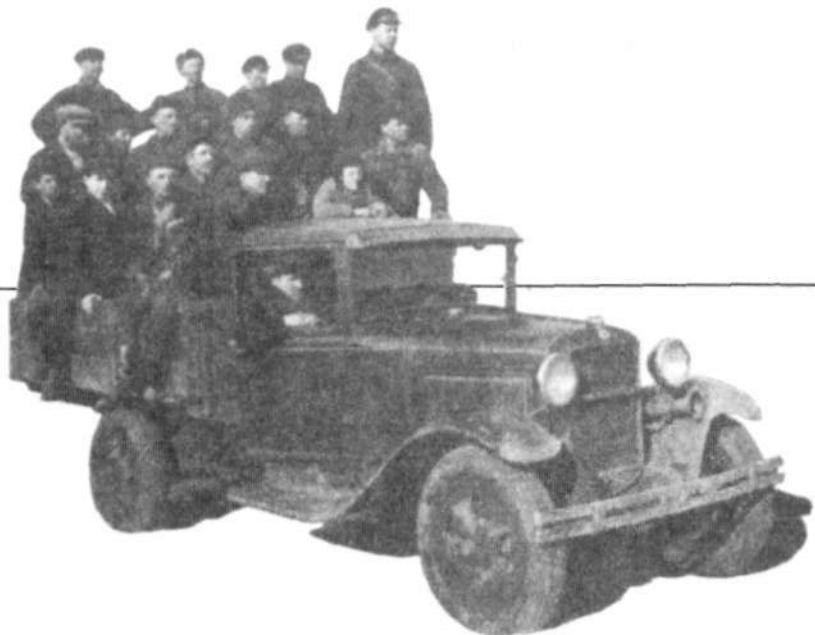
АССР НП — Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВОХР — военизированная охрана
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей Народного комиссариата внутренних дел
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
МВД — Министерство внутренних дел
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения новейшей истории
СНГ — Содружество Независимых Государств
СНК — Совет Народных Комиссаров
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
УНКВД — управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦК — Центральный Комитет

Содержание

Введение	5
<i>Глава 1</i>	
Немецкое население СССР накануне и в период Великой Отечественной войны	13
<i>Глава 2</i>	
Основные этапы, места и порядок создания военизированных формирований из граждан СССР немецкой национальности	43
<i>Глава 3</i>	
Рабочие отряды и колонны: режим содержания трудармейцев, характер производственной деятельности.....	71
<i>Глава 4</i>	
Условия жизни немцев, мобилизованных в «Трудовую армию»	99
<i>Глава 5</i>	
Облик трудармейца: от стахановца до «антисоветского элемента»	131
<i>Заключение</i>	151
<i>Приложение 1</i>	
Нормативные документы «Трудармии»	159
<i>Приложение 2</i>	
Информационно-статистический материал	165

Примечания	171
Указатель имен	183
Указатель географических названий	189
Сокращения	199
Аббревиатуры	203

Научное издание

Герман Аркадий Адольфович
Курочкин Александр Николаевич
Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945)

Редактор *Л. Богданова*
Художник *Э. Зарянский*
Верстка *Д. Савин*
Корректор *Л. Рыжова*

Изд. лиц. № 064634 от 13.06.96.
Подписано в печать 25.10.98
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Прагматика».
Печ. л. 13,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4010

Издательство «Готика». Тел./факс: (095) 937-65-46
Отпечатано в ИПП «Отечество»

